Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина
Псковский государственный университет

Л. Б. Вампилова, В. С. Дементьев, А. Г. Манаков

МЕТОД ВРЕМЕННЫХ СРЕЗОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ

Монография

Санкт-Петербург
2016

УДК 913.1/913.8:910.1
ББК 63.218я73
В 3

Авторский коллектив: Вампилова Л. Б. (введение, ч. 1, заключение), Дементьев В. С. (п. 2.1.1, 2.2), Манаков А. Г. (введение, п. 2.1.2, 2.1.3, 2.3, заключение)

Рецензенты: В. Н. Стрелецкий, доктор географических наук, профессор (Институт географии РАН);

В. Л. Мартынов, доктор географических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена);

Т. С. Комиссарова, доктор педагогических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Вампилова Л. Б., Дементьев В. С., Манаков А. Г. Метод временных срезов в исторической географии населения: моногр. / Л. Б. Вампилова, В. С. Дементьев, А. Г. Манаков. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. – 204 с.

ISBN 978-5-8290-1603-6

В настоящее время началась практическая реализация проекта «Историческая география России», инициируемого комиссией исторической географии Русского географического общества совместно с отделениями социальной и экономической географии, физической географии и комиссией горных стран РГО. В рамках проекта предполагается издание серии коллективных монографий, которые будут представлять собой комплексные историко-географические характеристики крупных регионов страны. Метод временных срезов является одним из важнейших в историко-географических исследованиях, что предопределяет актуальность работы по его апробации в разных дисциплинах исторической географии, в частности, в исторической географии населения.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина

ISBN 978-5-8290-1603-6

© Ленинградский государственный университет (ЛГУ) имени А. С. Пушкина, 2016
© Вампилова Л. Б., Дементьев В. С., Манаков А. Г., 2016

Содержание

Введение 5

ЧАСТЬ 1. ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОСНОВА ВРЕМЕННЫХ СРЕЗОВ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. Теоретические основы комплексного историко-географического анализа 8

1.2. Пространственно-временная основа – информационная база историко-географических исследований 14

1.3. Методы временных срезов в историко-географических исследованиях 20

1.4. Историко-географическая периодизация в географических исследованиях 26

1.4.1. О специфике подходов историков и географов к периодизации 26

1.4.2. Историко-географическая периодизация событийных процессов – основа региональных историко-географических исследований 37

1.4.3. Методика проведения историко-географической периодизации освоения ландшафтов региона 50

ЧАСТЬ 2. ВРЕМЕННЫЕ СРЕЗЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

2.1. Динамика политического и административно-территориального деления Северо-Запада России 58

2.1.1. Изменение внешних и внутренних границ в средневековую эпоху 58

2.1.2. Изменение административно-территориального деления в имперскую эпоху 80

2.1.3. Изменение административно-территориального деления в советскую эпоху 93

2.2. История учёта населения Северо-Западной России 107

2.2.1. Учёт населения до конца XIX века 107

2.2.2. Учёт населения с конца XIX века 117

2.3. Исторические срезы в географии населения Северо-Запада России 121

2.3.1. Динамика численности и этнической структуры населения по итогам ревизий XVIII–XIX вв. 121

2.3.2. Изменение численности населения и ключевых
и характеристик системы расселения с 1897 по 2010 гг. 138
2.3.3. Изменение национального состава населения
с 1897 по 1939 гг. 153
2.3.4. Изменение национального состава населения
с 1939 по 2010 гг. 172

Заключение.....201

Введение

В мае 2015 г. в С.-Петербурге состоялась V международная конференция по исторической географии, на которой было принято решение о начале практической реализации проекта по созданию многотомной серии «Историческая география России». В коллективных монографиях серии должны быть представлены фундаментальные историко-географические характеристики регионов в их этнокультурном многообразии на основе анализа имеющейся на данный момент источниковой базы[1]. С этой целью было осуществлено историко-географическое районирование России[2]. Один из томов серии должен быть посвящён Северо-Западной историко-географической области.

Северо-Западная историко-географическая область охватывает территории пяти субъектов Российской Федерации (С.-Петербург, Ленинградская, Новгородская, Псковская и Калининградская области), и фактически соответствует Северо-Западному экономическому району. Правда, сразу следует оговориться, что историческая география Калининградской области, являющейся эксклавом России на побережье Балтийского моря, настолько специфична, что её необходимо рассматривать отдельно от территорий давнего освоения в основной части Северо-Запада России[3].

Историческая география населения является одной из традиционных дисциплин исторической географии, наравне с исторической физической, историко-экономической и историко-политической географией. Именно такой видел структуру исторической географии лидер этого научного направления в советское время В.К. Яцунский[4]. В настоящее время, в связи с появлением новых направлений географии, особенно в её обществоведческой ветви, число дисциплин исторической географии заметно увеличилось.

---

[1] Вампилова Л. Б. Концептуальные основы серии коллективных монографий «Историческая география России» // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований: материалы V международной конференции по исторической географии (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2015 г.). Ч. II. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. С. 380–382.

[2] Вампилова Л. Б., Манаков А. Г. Опыт историко-географического районирования территории России // Известия Русского географического общества. Т. 145. Вып. 2. 2013. С. 25–36.

[3] Вампилова Л. Б., Манаков А. Г. Историко-географическое районирование Северо-Западной России: методика и опыт // Псковский регионологический журнал. № 18. Псков: Псковский государственный университет, 2014. С. 78–92.

[4] Яцунский В. К. Историческая география как научная дисциплина // Вопросы географии. Сб. 20. 1950. С. 13–41.

В советское время историческая география трактовалась как дисциплина, изучающая пространственную сторону исторического процесса, или как вспомогательная историческая дисциплина, изучающая конкретную географию прошлого определённой территории[1]. При этом В.К. Яцунский отмечал, что географические характеристики в историко-географических исследованиях должны быть не статическими, а динамическими, то есть показывать процесс изменения пространственных структур[2].

В настоящее время в отечественных историко-географических исследованиях сохраняется традиция использования метода временных срезов. Особенно это характерно, по мнению В.Н. Стрелецкого, для обществоведческих историко-географических дисциплин (исторической географии населения, социальной, экономической, культурной, политической географии)[3].

Метод временных срезов применяется не только в отечественной исторической географии, но и в зарубежных исследованиях. Так, в британской историографии используется метод «кросс-секций» (по сути, «исторических срезов»), ставящий задачу реконструкции «географии прошлого»[4]. Примером труда, выполненного в рамках данного подхода, может послужить «Историческая география Англии до 1800 г.» (1936)[5].

В британской исторической географии, вместе с традиционным статическим «горизонтальным подходом» стал использоваться «вертикальный подход», ориентированный на описание эволюции региона. Так, например, в книге «Новая историческая география Англии» (1973)[6] в дополнение к синхронным временным срезам, привязанным к определённым датам, вводятся социально-географические характеристики, данные в диахронии, между двумя соседними кросс-секциями.

---

[1] Стрелецкий В. Н. Эволюция научных парадигм в мировой исторической географии: от классических школ к современным исследовательским направлениям // Вопросы географии. Сб. 136: Историческая география / отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий. М.: Издательский дом «Кодекс», 2013. С. 29–48.

[2] Яцунский В. К. Указ. соч.

[3] Стрелецкий В. Н. Указ. соч.

[4] Корандей Ф. С. Метод «кросс-секций» в британской традиции исторической географии // Глобальные и региональные проблемы исторической географии: Материалы IV международной науч. конф. по исторической географии. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, ВВМ, 2011. С. 119–121.

[5] An Historical Geography of England before AD 1800 / Ed. By H. C. Darby. Cambridge, 1936.

[6] A New Historical Geography of England / Ed. By H. C. Darby. Cambridge, 1973.

Метод временных срезов в исторической географии предполагает картирование пространственных изменений в природе, населении и хозяйстве[1]. Этот метод включает статистическую и последующую картографическую обработку первичного материала, его обобщение и выявление закономерностей пространственного развития изучаемого явления. Отметим, что историко-географическое картирование с целью пространственного анализа является достаточно редким при проведении исторических исследований. Объясняется это тем, что навыки картографирования не относятся к категории профессиональных компетенций историков[2]. Тем не менее, картографический анализ относится к числу важнейших методов историко-географических исследований.

[1] Вампилова Л. Б. Теория регионального историко-географического анализа // Псковский регионологический журнал. № 10. Псков: ПГПУ, 2010. С. 129–140.

[2] Мазур Л. Н. Методы картографирования в исторических исследованиях: возможности и перспективы применения // Глобальные и региональные проблемы исторической географии: Материалы IV международной науч. конф. по исторической географии. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, ВВМ, 2011. С. 42–46.

ЧАСТЬ 1. ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОСНОВА ВРЕМЕННЫХ СРЕЗОВ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. Теоретические основы комплексного историко-географического анализа

В трудах современных историко-географов отмечается, что теория общей исторической географии недостаточно разработана по причине её комплексного характера. Многие авторы указывают на разнообразие взглядов по поводу существующих дефиниций[1] в исторической географии и большое количество направлений, которые согласно И. А. Витвера «разом охватить чрезвычайно сложно»[2].

К настоящему времени уровень развития исторической географии существенно отличается от времён В. К. Яцунского и А. И. Витвера. Общая историческая география подразделяется на ряд научных направлений: историческая физическая география, историческая экономическая и социальная география, историческая география населения, историческая этническая география, историческая география городов и сельских поселений, историческая политическая география, историко-географическое страноведение, историческая география общества и природы и др. Перечисленные направления имеют разную степень разработанности и востребованности для теории и практики.

Историческая география – система (совокупность) естественных и гуманитарных наук (интегральное научное направление), изучающих структуру, эволюцию, динамику, функционирование пространственно-временных (историко-географических) систем[3].

По нашему убеждению совершенствование теории и методологии исторической географии будет происходить за счёт разработки основных положений современной концепции комплексного историко-географического анализа региона; создания понятийно-терминологической системы историко-географической науки; дальнейшей разработки теории и методики историко-географической периодизации и районирования; методики прогнозирования антропогенных изменений ландшафтов; разработки принципов и методов историко-

---

[1] Яцунский В. К. Историческая география. История её возникновения и развития в XIV–XVIII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

[2] Витвер А. И. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. М.: Географгиз, 1963.

[3] Вампилова Л. Б. Методология региональных природоведческих историко-географических исследований // Вопросы географии / Моск. филиал ГО СССР / Русское геогр. об-во. М. Издается с 1946 г. Сб. 136: Историческая география / отв. ред. В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий. М.: Издательский дом «Кодекс», 2013. С. 67–85.

географического районирования; экспериментальной оценки ландшафтно-экологических ситуаций, выявленных в процессе изучения триады: ландшафт – этнос – природопользование; за счёт обоснования необходимости создания историко-географических моделей регионов разного ранга для прогнозирования последствий современных и будущих вмешательств в природную среду.

Комплексный историко-географический анализ региона – совокупность сложившихся к настоящему времени в исторической географии методик, способов, подходов к исследованию ландшафтов прошлого и современности в их взаимосвязи с территориальной организацией общества.

В развитие идей В. С. Жекулина (по поводу регионального историко-географического анализа) нами продолжена разработка интегрального метода исследования – комплексного историко-географического анализа региона, основывающегося на системном подходе к исследованию взаимосвязи природных и общественных систем. Комплексный историко-географический анализ региона – система методов, позволяющих осуществить ретроспективный анализ изменения пространственно-временных систем, оценить их современное состояние, определить роль историко-географических единиц прошлого в формировании современных геосистем и в эволюционных аспектах территориальной организации общества[1].

При рассмотрении методологических основ историко-географического исследования региона не случайно подчёркивается слово «комплексный». Региональный историко-географический анализ (само понятие историко-географический – комплексное) – анализ комплекса сведений, где в пространственно-временном аспекте рассматривается множество составляющих (природная, экономическая, историческая, политическая, этнографическая, топонимическая и др.), а также изучаются взаимосвязи между природой, населением и хозяйством, в частности, взаимосвязи этноса с ландшафтом, которые проявляются в характере хозяйственной деятельности (традиционном природопользовании).

Целью комплексного историко-географического анализа региона является разработка теоретико-методологической основы историко-географического исследования для решения теоретических и многочисленных прикладных задач:

- разработка основ теории и методологии комплексного историко-географического анализа региона (КИГАР), уточнение имеющейся и создание современной понятийно-терминологической системы (ПТС) историко-географической науки;

---

[1] Вампилова Л. Б. 2013. Указ. соч.

- выбор критериев и показателей для анализа территориальной организации общества на уровне разноранговых природно-хозяйственных систем на разновременных срезах;

- обоснование теории историко-географической периодизации и историко-географического районирования региона;

- исследование статистических и динамических изменений населения региона;

- исследование взаимосвязей различных этнических социумов с географической средой и выявление закономерностей их пространственно-временной динамики;

- обоснование направлений возможного (и целесообразного) социально-экономического развития региона;

- осуществление эколого-географических оценок природных и социально-экономических систем с учётом исторического времени;

- прогнозирование развития разноранговых природно-хозяйственных систем региона.

При осуществлении комплексного историко-географического анализа региона (таксона любого ранга) применяются структурный, функциональный, факторный и ситуационный виды анализа. Структурный анализ включает различные блоки: природный, экономико-географический, социально-географический, исторический. Число блоков при необходимости (изменении цели и задач исследования) может меняться в сторону увеличения. Перечисленные блоки используются в качестве составных частей для оценки природной, демографической, экономической, исторической составляющей, при решении многих важных проблем современного природопользования. Региональный историко-географический анализ позволяет проанализировать дифференциацию территории (ландшафтную, природноресурсную, природопользовательскую, историко-культурную, этнографическую, социальную, экономическую и др.).

Структурный анализ является основным ядром первого уровня исследования. На втором уровне отраслевой компонентный анализ (включающий факторный и функциональный) осуществляется для каждого блока. В качестве примера приведём перечень позиций по ландшафтному блоку, который включает анализ: физико-географического положения, палеогеографический, детерминирования ландшафтом процесса хозяйственного освоения, степени хозяйственной освоенности и антропогенной изменённости, установление соотношения культурных и антропогенных ландшафтов и определение социально-экономических функций ландшафта. Проведение факторного анализа позволяет определить значимость отдельных природных компонентов для процесса хозяйственного освоения и территориальную дифференциацию освоенности. Третий уровень предусматривает проведение ситуационного анализа (преломление всех

составляющих вышеобозначенных блоков) – пространственного комплексного анализа по различным единицам: природным, административным, историко-географическим.

Такой подход позволяет произвести оценку природно-ресурсного потенциала региона, определить направленность хозяйственной деятельности, начиная с первых этапов освоения и заканчивая современностью т. е. выявить унаследованность в системе природопользования, оценить экологический потенциал ландшафтов региона и в результате выявить региональные проблемы, которые и явятся основой для разработки вариантов социально-экономического развития административной единицы.

Для концепции комплексного историко-географического анализа особое значение имеет понятие «регион», в науке используемое авторами в разном значении. Так, А. И. Соловьев и Г. К. Карпов[1] дают следующее определение: регион – это «обобщённое наименование крупных единиц физико-географического районирования. По содержанию это понятие близко к термину «район».

В энциклопедическом словаре географических терминов под редакцией С. В. Калесника находим похожее определение региона – «крупные индивидуальные территориальные единицы. В физической географии – то же, что региональные ландшафтные комплексы[2]». В энциклопедическом словаре терминов по физической географии И. С. Щукина[3] регион определяется как «крупная индивидуальная территориальная единица. В физической географии – обобщённое название единиц физико-географического районирования любого таксономического ранга». У Н. Ф. Реймерса[4] дано определение, отображающее смысл, вкладываемый представителями различных научных направлений, широко пользующихся термином регион – «пространство, ограниченное физико-географическими, административными или какими-либо другими рубежами. «Безразмерное» территориальное понятие, используемое во многих отраслях знаний». В Толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведова[5] регион – это «большая область, группа соседствующих стран или территории, районы, объединённые

---

[1] Соловьев А. И., Карпов Г. В. Словарь-справочник по физической географии: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1983. С. 168.

[2] Энциклопедический словарь географических терминов / глав. ред. С.В. Калесник. М.: «Сов. Энциклопедия», 1968. С. 323.

[3] Четырехъязычный энциклопедический словарь терминов по физической географии. Составитель И. С. Щукин. М.: «Советская энциклопедия», 1979. С. 379.

[4] Реймерс Н. Ф. Природопользование: Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. С. 445.

[5] Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры; 3-е изд. М.: Азъ, 1995. С. 661.

по каким-нибудь общим признакам». Здесь же прилагательное «региональный» – местный, относящийся к какой-нибудь определённой области, региону.

У экономико-географов термин регион употребляется довольно многозначно: «как синоним термина район; для обозначения сопоставляемых таксонов, принадлежащих к различным системам таксонирования или к различным порядкам одной и той же системы таксонирования; для обозначения любых территорий, по своим признакам не «подходящих» к принятой системе территориального членения и не позволяющих обозначить их другими терминами; для обозначения территориальных таксономических единиц определённого класса в конкретной системе таксонирования[1]».

В современной литературе самый полный анализ термина «регион» (его дефиниции, определения с различных позиций, иерархия) проведён Ю. Н. Гладким и А. И. Чистобаевым[2]. Названными авторами даны общие представления о регионоведении, показана роль различных факторов в дифференциации мира на регионы, приведены различные типы регионов, отражено растущее в мире внимание к регионоведению. В частности, отмечено, что существует множество теорий регионального развития, подтвержденных практикой различных государств.

Регион – территориальное образование, имеющее специфику природного, социально-экономического, этноконфессионального, культурного, экологического, политического развития. В каждой отрасли науки выделяются свои разновидности регионов: ландшафтный, политический, этнический, экономический, экологический и т. д. – для каждого из них характерны специфические принципы выделения границ.

Рассмотрим понятие «регион» с позиции трёх точек зрения: ландшафтной (природной), этнической, природопользовательской (хозяйственной). Рассмотрение именно названных трёх позиций связано с тем, что этим основаниям уделяется наибольшее внимание в концепции комплексного историко-географического анализа[3].

Территория, по которой проводится комплексный историко-географический анализ региона, может быть представлена: 1) участком территории, геотории, геоториальной единицей географического наблюдения – регионом; 2) единицей историко-географического райо-

---

[1] Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. С. 69.

[2] Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение: учеб. М.: Гардарики, 2000. 384 с.

[3] Вампилова Л. Б. К концепции комплексного регионального историко-географического анализа // Изв. РГО, 1996. Т. 128. Вып. 1. С. 64–69.

нирования разного ранга (историко-географическая система, провинция, область, округ, район, ядро освоения); 3) современной административной единицей: республика, край, область, автономный округ, район; 4) единицей административно-территориального деления бывшей Российской империи (упраздненные реформой 1923–1929 гг.) – губерния, уезд, волость; 5) единицей физико-географического районирования – страна, зона, провинция, область, округ, район – ландшафт.

Среди перечисленных единиц территориального деления наиболее благоприятными для проведения историко-географических исследований являются административные выделы разного ранга в связи с тем, что в их пределах (границах) фиксировались любые события, связанные с хозяйственной деятельностью, военными действиями, преобразованием ландшафтов, научными открытиями – все имеющиеся сведения хранятся в региональных и федеральных архивах согласно существующему законодательству и доступны исследователю. Вполне возможно проведение регионального анализа и по природным единицам, однако в этом случае возникают трудности при сборе информации, хранящейся в государственных учреждениях. Часто природный таксон лишь частично включает территории нескольких административных единиц и исследователю приходится производить расчёт полученных сведений, поскольку часть из них относится к территории исследуемого ландшафта, а другая – к участкам за его пределами.

Ведущей идеей комплексного (многофакторного) историко-географического анализа региона является объединение подходов, используемых исторической физической и исторической экономической географией. В разработке этого подхода мы движемся по пути интеграции между комплексом естественных и общественных наук.

Подход – это методологическая позиция исследователя, его стратегия, это динамическая категория, обладающая большими потенциальными возможностями. Для разработки и обоснования КИГАР были использованы следующие подходы: комплексный, одновременности и событийности. Но ни один из перечисленных подходов не является универсальным. Поэтому при проведении историко-географического исследования необходимо использование целого спектра (совокупности) методологических подходов. Неизбежность комплексного подхода при изучении историко-географической действительности вытекает уже из самой интегральной её сущности. За основу может быть взят один подход, наиболее отвечающий поставленной в историко-географическом исследовании цели. Другие подходы, обозначенные в данном исследовании, будут выполнять вспомогательную функцию.

Из вышеперечисленного, с одной стороны, можно определить предмет исследования комплексного историко-географического ана-

лиза региона, который отличается многогранностью: 1) дифференциация процесса хозяйственного освоения в пространстве и во времени; 2) выявление географических типов освоения в зависимости от природных и социально-экономических условий; 3) ретроспективный анализ изменения природной среды под влиянием как природных, так и антропогенных факторов; 4) история природопользования региона; 5) этноисторические типы ландшафта; 6) история и стадии возникновения экологических проблем; 7) стадии формирования культурного ландшафта; 8) историко-географическая периодизация; 9) историко-географическое районирование.

С другой стороны, можно выстроить алгоритм комплексного историко-географического анализа региона: 1) создание банка данных, состоящего из нескольких блоков: природного, археологического и историко-социокультурного; 2) разработка историко-географической периодизации на основе событийного подхода; 3) создание историко-географических карт на каждый временной срез (историко-географическое районирование); 4) осуществление диахронического подхода при сопоставлении сведений по различным временным срезам; 5) создание синтетической картографической модели на основе предыдущих временных срезов на время, приближённое к современности; 6) создание картографической модели и текстовых характеристик единиц районирования для осуществления ретроспективного взгляда в прошлое ради будущего; 7) аналитический этап, в результате которого определяются тенденции и перспективы развития ландшафтов, населения и природно-хозяйственных систем, а также обозначаются региональные проблемы, требующие для своего решения эколого-географической оценки на основе комплексного историко-географического анализа региона.

1.2. Пространственно-временная основа – информационная база историко-географических исследований

Историко-географическое направление исследований помогает устанавливать законы, по которым развиваются сложные природно-антропогенные системы в пространстве и во времени, производить оценку их изменений и трансформации за историческое время, а также прогнозировать динамику их поведения в будущем.

Нами осуществлена разработка интегрального метода исследования – комплексного историко-географического анализа региона, основывающегося на системном подходе к исследованию взаимосвязи природных и общественных систем[1]. Для осуществления простран-

[1] Вампилова Л. Б. Региональный историко-географический анализ. Система методов в исторической географии. Кн. 2. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2008. 132 с.

ственно-временного исследования геосистем любого ранга предусматривается создание историко-географической основы, формирование которой проходит в несколько этапов.

В историко-географическом исследовании изучаемый регион рассматривается во временном и пространственном аспектах, поэтому историко-географические исследования должны базироваться на комплексном подходе, который определяет структуру исследований. Этот подход позволяет выделить отдельные блоки, рассматриваемые в качестве подсистем исследуемой историко-географической территориальной системы; выявить внутрисистемные связи и взаимодействия для исследования функционирования системы и её воспроизводства; конкретизировать результаты исследования согласно трём основным блокам: выявить антропогенные изменения природных комплексов в результате ретроспективного анализа освоения ландшафтов, проследить пространственно-временную смену коренных этносов региона с уточнением исторических типов природопользования, охарактеризовать социокультурное развитие региона; интегрировать результаты исследования в систему триединства «ландшафт – этнос – природопользование».

На схеме (рис. 1) представлено содержание комплексного историко-географического анализа региона, включающее информационную базу, систему методов исследования, историко-географическую периодизацию и районирование – все те составляющие, результат которых позволяют дать объективную оценку региона и его частей с учётом ретроспективного анализа взаимосвязей в триаде природа – население – хозяйство. Всё вышеперечисленное в совокупности своей представляет историко-географическую основу исследования. Мы стремимся обосновать значимость историко-географической основы и показать её роль для различных покомпонентных и комплексных оценок региона, пользуясь сведениями, получившими отражение на рис. 1.

В качестве составных частей в комплексных историко-географических исследованиях выделяются следующие блоки: палеогеографический, археологический, историко-социокультурный. Они обеспечены необходимой исторической информацией и придают исследованию историко-географическую значимость. Причём палеогеографическая составляющая включает временной отрезок (хронотаксон), начиная с послеледниковья.

Все информационные блоки должны быть обеспечены сведениями и материалами по исследуемому региону. Названные блоки различаются функционально: первый, палеогеографический, свидетельствует о природной причине смены ландшафтов; второй, археологический, указывает на частоту смены культур, продолжительность их существования, наличие материальных следов, оставленных представителями той или иной культуры в ландшафтах; третий, историко-социокультурный, на основании событийных процессов, начиная со средневековья, позволяет

судить о числе временных срезов, локализации мест, выделяющихся по историко-географическим критериям и т. д.

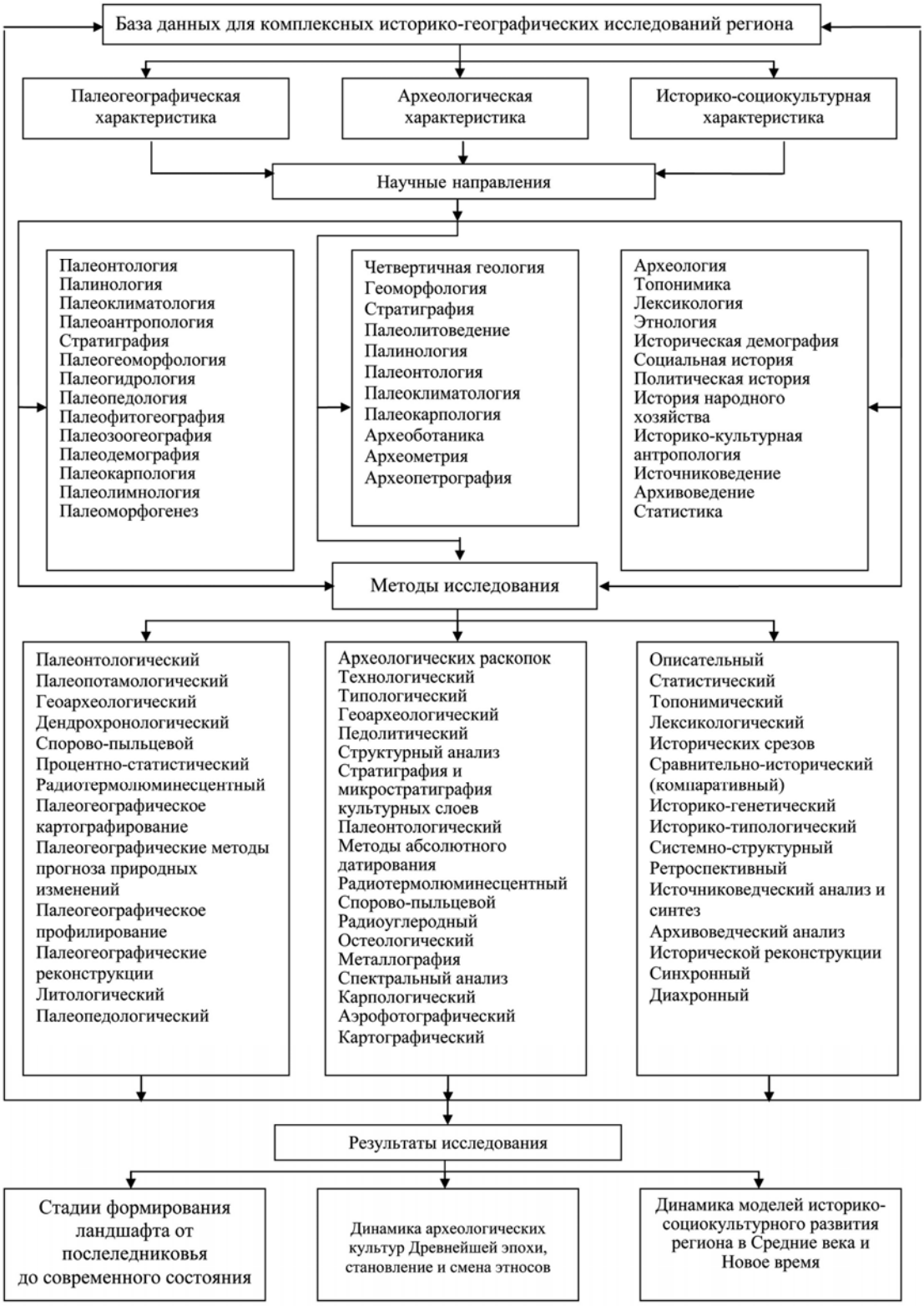

Рис. 1. Структура базы данных для комплексных историко-географических исследований региона

Палеогеографическая характеристика опирается на исследования изменений в природной среде за все периоды голоцена и позволяет выявить цикличность в развитии ландшафтов, оказавшую влияние на процессы заселения и хозяйственного освоения исследуемой территории.

Археологическая характеристика отражает пространственную дифференциацию процессов освоения региона на протяжении сменяющих друг друга от позднего мезолита до средневековья множества культурно-хронологических пластов человеческой истории.

Историко-социокультурные характеристики содержат информацию о событийных процессах, создают основу для формирования сначала исторической, а затем историко-географической периодизации, способствуют пониманию путей формирования географической подосновы истории, обеспечивают сумму знаний о постепенной организации трасс и ядер освоения, территориальной историко-географической дифференциации региона в соответствии с периодизацией.

Таким образом, формируется объективная и полноценная информационная база для историко-географических исследований региона. Такая структурированная информация необходима практически для любого историко-географического направления, будь то динамика ландшафта, динамика населения, оценка антропогенных изменений ландшафта, изучение исторических аспектов геоэкологических ситуаций на различных временных этапах, определение времени становления антропогенного фактора для того или иного региона и т. д.

Три блока-характеристики (палеогеографический, археологический и историко-социокультурный), представленные соответствующими научными направлениями и комплексом методов, обнаруживают наличие между собой внутрисистемных связей. Изучение этих связей происходит методами разных научных направлений. Применяемый системный подход позволяет выделить наиболее значимые структурные связи в гуманитарной составляющей, столь необходимой при историко-географическом изучении любого природного или социального объекта, или региона в целом. Сформированная база данных, выявленные взаимосвязи между блоками, при системном подходе позволяют сконструировать модель историко-социокультурного развития региона или его части на любой временной срез от средневековья до современности. При условии хорошей обеспеченности информацией имеется возможность установить временные границы в длительном процессе освоения региона.

Таким образом, формируется модель методологического подхода, отражающая предмет исследования исторической географии, фокусирующийся на пересечении пространственно-временных связей. Модель отражает комплексность историко-географического исследования, вклю-

чает ранжирование наиболее важных составляющих и порядок исследования, которое может начаться с любого этапа при наличии соответствующей информации, в каждом из трех блоков: палеогеографическом, археологическом, историко-социокультурном[1].

Каждый блок (набор характеристик) основывается на совокупности информационных научных направлений. На представленной блок-схеме палеогеографическая характеристика региона составляется за счёт сведений потенциально представляемых 14 научными направлениями, базовыми из которых являются: палинология, палеоклиматология, палеогеоморфология, палеогидрология, палеопедология.

Каждое научное направление основывается на характерном только для него комплексе методов. Основными в палеогеографии являются методы спорово-пыльцевых диаграмм, дендрохронологический, палеогеографического профилирования, палеогеографических реконструкций, палеогеографические методы прогноза природных изменений. Кроме основных методов, характерных только для этого направления, при необходимости возможно использование методов археологического блока – геоархеологического, остеологического, металлографического, из перечня методов исследования историко-социокультурного блока для палеогеографической характеристики могут быть полезны топонимический, исторических срезов, историко-генетический, сравнительно-исторический и др.

Археологический информационный блок имеет 11 научных направлений, основывающихся на таких базовых методах, как аэрофотографический, картографический, геоархеологический, остеологический, металлографии, стратиграфии и микростратиграфии культурных слоев и др. Среди перечисленных особое место занимает картографический, поскольку позволяет осуществлять пространственный анализ различных явлений, закономерности распространения объектов, выявить причины этих закономерностей. Картографический метод используется во всех трёх блоках для показа изменений в пространственном распространении объектов: палеогеографических ситуаций по срезам голоцена, распространения археологических памятников по эпохам, развитие видов природопользования по историко-географическим периодам освоения, закономерности в распространении центров и исторических трасс освоения и т. д.

Для составления историко-социокультурных характеристик, которые, наряду с другими, особенно важны при создании историко-географической периодизации, на блок-схеме показан информационный комплекс, включающий 12 научных направлений. Среди них интерес представляют все перечисленные и отдельные дисциплины из палеогеографического и археологического блоков.

---

[1] Вампилова Л. Б. 2013. Указ. соч.

Историко-социокультурный блок обеспечивает информацией за счёт привлечения таких методов, как описательный, лексикологический, топонимический, исторических срезов. Основное значение для выбора методов имеет хронологический период, который нами изучается, анализируется и характеризуется. Для исследования любой эпохи используются методы сравнительно-исторический, историко-генетический, ретроспективный, а начиная со средневековья и последующих эпох источниковедческий анализ летописных текстов. Для этого блока трудно выделить основные и самые значимые методы, важны все перечисленные. Методы других наук могут использоваться только в качестве вспомогательных, для корректировки и дополнения уже имеющейся информации – типологический, геоархеологический, методы статистики.

Интеграция результатов исследования с учётом покомпонентной базы способствует подбору принципов и подходов к последующему созданию историко-географической периодизации, схем историко-географического районирования региона на различных исторических срезах и осуществлению демографической, эколого-географической оценки выделенных пространственно-временных единиц разного ранга: провинций, районов и подрайонов и др.

Научное построение модели историко-географической действительности состоит в реконструкции историко-географических ситуаций, в установлении пространственного значения исторических фактов, в аналитическом их изучении с точки зрения причинно-следственных связей между ландшафтом – этносом – природопользованием; событием и его географическими следствиями и в создании синтетической историко-географической картографической модели от прошлого к настоящему. В качестве практического результата такого интегрального пространственно-временного исследования может быть динамика численности и плотности населения, людности поселений, смены этносов региона[1].

На схеме показаны основные информационные блоки, а также перечень методов, предполагаемых к использованию для получения сведений о регионе. Мы стремимся показать значение перечисленных методов, которые позволят исследователю анализировать информацию, интегрировать и дифференцировать сведения, полученные от смежных научных дисциплин[2].

---

[1] Вампилова Л. Б. Становление и проблемы развития исторической географии в Российской науке // Историческая география: теория, методы и инновации: материалы III международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. С. 11–17.

[2] Вампилова Л. Б. 2008. Указ. соч.

1.3. Методы временных срезов в историко-географических исследованиях

Объектами историко-географических исследований являются конкретные территории и хронологические срезы, в течение которых шло развитие того или иного региона. Историко-географ изучает «следы», оставленные первонасельниками и последующими жителями: археологические памятники, топонимы, летописи, писцовые и переписные книги, статистические, фондовые и архивные материалы, фольклорные материалы и др. В процессе изучения предметов материальной и духовной культуры исследователь пользуется комплексом методов историко-социокультурного блока наук, перечень которых приведён на рис. 1.

Обширная источниковая база и проблемное поле исследования предусматривают применение источнико-ориентированного и проблемно-ориентированного подхода. Каждый предмет материальной культуры древности изучается посредством методов археологической науки. Для изучения объектов материальной и духовной культуры последующего периода используются общенаучные методы.

Одним из самых распространённых и древних является ***описательно-повествовательный метод***, представляющий этап научного исследования, сущность которого состоит в фиксировании данных эксперимента или наблюдения с помощью принятых в науке систем обозначений. «Описание – необходимое звено в картине исторической действительности, начальная ступень исторического исследования любого события или процесса, важное условие и предпосылка понимания сущности явлений»[1]. Описание помогает констатировать научные факты, логическая последовательность изложения которых способствует объяснению того или иного явления. Описание без объяснения не составляет научного исследования. Объяснение, основанное на описании, в свою очередь, создаёт предпосылки для научного предвидения. Описательный метод, как отмечается в исследовательской литературе, «связан с природой общественных явлений, их особенностями, их качественным своеобразием»[2].

Методы статистики – это методы регистрации какого-либо параметра или показателя, поддающегося количественному измерению (демография – численность населения, плотность поселений; аграрное производство – урожайность сельскохозяйственных культур, поголовье рабочего и продуктивного скота и т. п.), который подвержен динамическим изменениям. «Математические методы, – пишет

---

[1] Смоленский Н. И. Теория и методология истории. М., 2007. С. 223.

[2] Смоленский Н. И. 2007. Указ. соч. С. 222.

И. Д. Ковальченко – позволяют исследователю получать те или иные характеристики признаков»[1], что в сочетании с качественным анализом позволяет более детально рассмотреть конкретные исторические процессы и массовые общественные явления – экономические, политические, социальные, культурные, демографические и др. «Историческое исследование открывает возможность применения математических методов тогда, когда оно созревает для этого, т. е. когда проведена необходимая работа по качественному анализу изучаемого события или явления способами, присущими исторической науке»[2].

В области исторической географии при изучении триединства «природа – население – хозяйство» методы математической статистики позволяют проводить сравнительную характеристику каждой составляющей историко-географической территориальной системы на разных временных срезах и выявлять закономерности в антропогенных изменениях ландшафта, миграционных процессах, фиксировать увеличение интенсивности освоения. Достоверность результатов статистических исследований зависит от числа наблюдаемых объектов.

Статистические методы позволяют проводить обработку количественной информации об исследуемых явлениях и объектах и дают возможность дифференцировать общую тенденцию и случайности. Статистический анализ активно используется при работе с источниками массового характера. Разновидностями статистического или количественного анализа являются: описательная и выборочная статистика, метод корреляционный, вариационный и регрессионный методы, метод кластерного анализа. В географических исследованиях используется математическая статистика, которую можно отнести к группе математических методов.

Топонимический метод основан на изучении происхождения географических названий. Этот метод при историко-географическом исследовании региона может рассматриваться в качестве основного (при этнографических исследованиях) или второстепенного (при реконструкции ландшафтов).

Метод позволяет воссоздать ландшафтное и этническое прошлое территории, о котором не осталось письменных или материальных свидетельств, выявить вмещающие (родовые) ландшафты различных этнических групп, ареалы расселения этносов, специфику языка, знаковые события и т. д. В некоторых случаях информация, полученная

---

[1] Ковальченко И. Д. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 118–119.

[2] Смоленский Н. И. 2007. Указ. соч. С. 251.

при помощи топонимического метода, может оказаться единственным свидетельством существования этносов.

Лексикологический метод включает целую группу подходов, методов, методик, среди которых для историко-географического изучения региона наиболее важным является лексико-географический метод изучения ландшафта[1]. Это способ географической интерпретации диалектологических материалов и создание лексико-картографических моделей ландшафта, оказавшегося вовлечённым в систему традиционной культуры. А. А. Соколова при разработке метода «системно рассматривает ландшафт и его словесный образ в диалектных системах языка» и определяет «особенности восприятия и оценки ландшафтов в локальных вариантах земледельческой культуры» разных этносов[2]. Создание картографических моделей на базе топонимической специфики региона «способствует локализации информационных ядер, формирует языковый каркас историко-географических систем», определяет этнические и лингвогеографические границы историко-географической единицы районирования[3].

Метод исторических срезов используется историками для анализа событий по различным временным периодам. В исторической географии В. С. Жекулиным для анализа взаимосвязей природы, населения и хозяйства региона на определённый хронопласт был предложен ***метод историко-географических срезов***[4]. Метод используется в зависимости от целей исследования: для сравнительного анализа двух временных срезов (в рамках диахронического подхода) или полихронических срезов. На основе анализа событийных процессов создаётся историко-географическая периодизация, где каждому временному срезу соответствует определённая пространственная модель организации общества, сравнение которых является следующим этапом изучения региона.

В историко-географическом исследовании используются интегральные срезы. Главное их отличие от исторических заключается в рассмотрении географических объектов как части общего процесса развития. В последнее время метод историко-географического среза используется для анализа истории становления антропогенного фактора изменения ландшафтов.

---

[1] Соколова А. А. Лексико-географический метод изучения ландшафта: автореф. дис. … канд. геогр. наук. СПб., 1996. 21 с.

[2] Соколова А. А. 1996. Указ. соч. С. 4–5.

[3] Соколова А. А. Языковое (лексико-информационное) пространство в историко-географическом аспекте // Теория, методы и инновации в исторической географии. СПб., 2007. С. 436–439.

[4] Жекулин В. С. Историческая география: предмет и методы. Л.: Наука, 1982. С. 80.

При выполнении историко-географических срезов необходимо соблюдать определённые принципы: синхронность анализа, выявление взаимосвязей в триединстве «природа – население – хозяйство», соблюдение территориальной целостности исследуемого региона, тщательное установление временных границ[1].

Сравнительно-исторический (компаративный) метод является важным атрибутом любого исторического исследования, одним из «наиболее часто применяемых приёмов познания в работе историка»[2]. «Объективной основой для сравнений является то, что общественно-историческое развитие представляет собой повторяющийся, внутренне обусловленный, закономерный процесс. Многие его явления тождественны или сходны внутреннему содержанию и отличаются лишь пространственной или временной вариацией форм, а одни и те же или сходные формы могут выражать разное содержание»[3]. Именно в процессе сравнения предоставляется возможность «для объяснения рассматриваемых фактов, раскрытия сущности изучаемых явлений». Данный метод позволяет «вскрывать сущность изучаемых явлений и по сходству, и по различию присущих им свойств, а также проводить сравнение в пространстве и времени, т. е. по горизонтали и вертикали»[4]. Ступенями сравнительного анализа являются: аналогия, выявление сущностно-содержательной характеристики изучаемого, приём типологии.

Историко-генетический метод – один из наиболее распространённых в исторических исследованиях. Суть его заключается «в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе её исторического движения, что позволяет в наибольшей мере приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта… Познание идёт (должно идти) последовательно от единичного к особенному, а затем – к общему и всеобщему»[5]. Данный метод даёт возможность исследователям показать причинно-следственные связи и закономерности в их непосредственности, а исторические события можно охарактеризовать «в их индивидуальности и образности». Метод направлен в большей степени на анализ развития. Историко-генетический метод целесообразно также сочетать с другими общеисторическими методами.

Историко-типологический метод позволяет упорядочить события и процессы, происходившие на территории исследуемого регио-

---

[1] Жекулин В. С. 1982. Указ. соч.

[2] Смоленский Н. И. Указ. соч. С. 232.

[3] Ковальченко И. Д. Методология исторического исследования. М., 2003. С. 186.

[4] Ковальченко И. Д. 2003. Указ. соч. С. 187.

[5] Смоленский Н. И. 2007. Указ. соч. С. 184.

на в указанный период. Объективная основа этого метода «состоит в том, что в общественно-историческом развитии, с одной стороны, различаются, а с другой – тесно взаимосвязаны единичное, особенное, общее и всеобщее. Поэтому важной задачей в познании общественно-исторических явлений, раскрытии их сущности становится выявление того единого, которое было присуще многообразию тех или иных сочетаний индивидуального (единичного)»[1]. Для типологизации как метода научного познания целью является «разбиение (упорядочение) совокупности объектов или явлений на качественно определённые типы (классы) на основе присущих им общих существенных признаков»[2].

Системно-структурный метод основывается, с одной стороны, на целостности сложных объектов (понимаемой как наличие единой для всего сочетания цели, функций, которых не было у отдельных составных частей системы), и с другой – на автономности (стремлении к большей внутренней упорядоченности); на изучении механизмов внутренних связей между составными частями системы, её стремлении к устойчивости (сохранению или такому развитию структуры, которое обеспечивает появление у системы нового качества), саморегулирования и самоорганизации. «Системный подход и системные методы анализа, к которым относятся структурный и функциональный анализы, характеризуются целостностью и комплексностью». При этом «изучаемая система рассматривается не со стороны её отдельных аспектов и свойств, а как целостная качественная определённость с комплексным учётом как её собственных основных черт, так и её места и роли в иерархии систем»[3].

Ретроспективный метод исследования состоит «в опоре на более высокую ступень развития с целью понимания и оценки предыдущей». Он позволяет понять каждый предыдущий этап не только благодаря его связи с другими этапами, «но и в свете последующей и более высокой стадии развития в целом, в которой наиболее выражена суть всего процесса»[4]. Метод позволяет рассмотреть историческое явление или отдельные его составляющие на самых разных системных уровнях, как это было осуществлено И. Д. Ковальченко при изучении аграрных отношений в России (крестьянское хозяйство – крестьянская община – волость, уезд, губерния). Метод исторической ретроспекции позволяет изучать как отдельные явления, так и целые исторические эпохи. «В конкретно-историческом исследовании ретроспективный метод весьма тесно связан с методами пережитков, под которыми историки понимают способ реконструкции ушедших в про-

---

[1] Ковальченко И. Д. 2003. Указ. соч. С. 190.
[2] Там же. С. 191.
[3] Там же. С. 199.
[4] Там же. С. 237.

шлое объектов по сохранившимся и дошедшим до современной эпохи остаткам»[1].

Синхронный или ***одновременный метод*** позволяет выявить сущностно-пространственную природу исторической реальности. Он ориентирован на изучение различных событий, происходивших в одно и то же время, и тем самым способствует раскрытию связи между явлениями и фактами.

По мнению И. Д. Ковальченко, история – это «не только пространственная, но и непрерывная временная деятельность людей, проходящая при определённых и изменяющихся их общественных отношениях. Очевидно, эта деятельность должна изучаться не только в пространствнно-синхронном, но и в диахронном выражении»[2]. При том, что общественно-историческая реальность в условиях непрерывного изменения и развития одновременно обладает и качественно-временной устойчивостью, необходимы и синхронный, и диахронный подходы к её исследованию.

Диахронный или ***разновременный, разномоментный анализ*** направлен на изучение исторических процессов, сущностно-временных изменений исторических реалий и позволяет выделить качественные особенности процессов, а также определить общее направление их развития[3]. Структурно-диахронный анализ может быть представлен тремя вариантами: 1) выявление таких характеристик процессов, как продолжительность, частота разных событий, продолжительность пауз между событиями; 2) раскрытие внутреннего временного строения процесса; 3) выявление «динамики отдельных систем или их совокупности на фоне развития более широкой системы, по отношению к которой исследуемая система выступает как подсистема»[4].

Таким образом, синтез всех перечисленных методов позволяет создавать новые методы, подходы, способы, методики для историко-географической науки. Поэтому важно уметь анализировать информацию, получаемую посредством комплекса методов, используемых при историко-географическом исследовании, и дифференцировать сведения, которые дают смежные научные дисциплины.

Рассматривая методы исследования историко-социального блока в контексте историко-географического анализа региона, целесообразно использовать понятие «историко-географическая территориальная

---

[1] Ковальченко И. Д. 2003. Указ. соч. С. 239.

[2] Там же. С. 205.

[3] Серов Н. К. Конструктивное понимание времени и процессная (диахроническая) трактовка социальных явлений: автореф. дис. … д-ра социол. наук в форме науч. докл. Л., 1990. 75 с.

[4] Серов Н. К. Процессы и мера времени: Проблемы методологии структурно-диахронного исследования в современной науке. Л., 1974. С. 20–22; Ковальченко И. Д. 2003. Указ. соч. С. 206–207.

система, функционирующая на основе взаимодействия неразделимых составляющих: ландшафта – этноса – природопользования». Анализ формирования и функционирования этой системы на разных этапах её исторического развития – основная задача исторической географии.

1.4. Историко-географическая периодизация в географических исследованиях

1.4.1. О специфике подходов историков и географов к периодизации

В последние десятилетия историческая география как междисциплинарное направление занимает всё большее место в исследованиях, посвящённых проблемам взаимодействия общества и природы.

Результатом историко-географических исследований, в числе прочих, является историко-географическая периодизация, имеющая огромное значение в географической науке для ретроспективного анализа изменения природной среды, взаимодействия в триаде «природа – население – хозяйство» за историческое время. Основные её положения строятся на базе исторической периодизации.

Стремление дать целостную, обобщающую картину и первые попытки периодизации исторического процесса были предприняты латинским переводчиком и продолжателем свода Евсевия блаженным Иеронимом, который делил историю на 4 периода – 4 царства: Ассиро-Вавилонское, Мидо-Персидское, Греко-Македонское, Римское (период от XIV до II вв. до н.э.)[1]. Эта периодизация «породила» вопросы о границах основных периодов, о причинах перехода от одного периода к другому и т. д. Таким образом, она создала условия для дальнейшей и необходимой разработки теории исторической периодизации, которая задаёт определённую классификацию и типологию всем событиям в жизни общества. Отрезки времени, выделяемые при периодизации, систематизируют последовательность событий, происходящих в природопользовании, воздействий человека, оказываемых на ландшафт, а также позволяют проводить исторические реконструкции экологических ситуаций. В этом заключается ценность взаимодействия (симбиоза) исторической и географической науки.

Обратимся к попытке осмысления истории с позиции религиозно-богословских событий, принадлежащей Аврелию Августину (354–430 гг.), который разбивает историю на шесть периодов: от Адама до

[1] Сигалов К.Е. Проблемы периодизации исторического процесса: формационный и цивилизационный подходы. М., 1998. С. 7.

потопа; от потопа до Авраама; от Авраама до Двида; от Давида до Вавилонского пленения; от Вавилонского пленения до рождества Христова; от Христа до Страшного суда. К. Е. Сигалов отмечает, что в концепции Августина сложную, противоречивую роль играют детерминизм, теологический подход и историческая схематизация, а также содержится очень важный аспект, заключающийся в том, что Августин впервые сформулировал христианскую концепцию Всемирной истории[1].

На Руси также предпринимались попытки к разработке исторической периодизации, однако подход был иным, использованным на традициях хронографов. Русские хронографы вполне типичны для научных исследований того времени. Классическое произведение, основанное на хронографах, – «Повесть временных лет».

По мере накопления эмпирического и теоретического материала теологическая концепция исторической периодизации, которая просуществовала до XVI в., стала рушиться. На смену ей итальянские историки-гуманисты XV–XVI вв., создали концепцию деления исторического процесса на эпохи: античную, средневековую и новую всемирно-историческую.

Взгляды итальянских историков развивали уже в XVIII–XIX вв. социалисты-утописты. К. А. Сен-Симон связал каждую эпоху с определенной экономической системой: античную – с рабством, средневековую – с феодализмом, новую – с «промышленной» системой, основанной на наёмном труде. Ф. Фурье ввёл представление о первобытном коммунизме. По утверждению К. Е. Сигалова, целостную картину всемирно-исторического процесса у социалистов-утопистов завершает торжество социализма[2]. В историко-географических периодизациях, созданных многими исследователями в последние десятилетия, эпоха социализма объединяется в современный этап, в котором выделяются соответствующие периоды.

В числе первых классических трудов, посвящённых исторической периодизации, следует назвать работу «Россия и Европа». Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к «германо-романскому» русского учёного Н. Я. Данилевского, в котором он разработал теорию культурно-исторических типов, являющихся носителями исторического процесса.

Н. Я. Данилевский[3] сформулировал теорию общей типологии культур, или цивилизаций, согласно которой не существует всемирной истории, а есть лишь история данных цивилизаций, имеющих индиви-

---

[1] Сигалов К. Е. 1998. Указ. соч.

[2] Там же.

[3] Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1871. С. 87.

дуальный замкнутый характер. Н. Я. Данилевский устанавливал «законы» образования культурно-исторических типов; указывал четыре разряда их исторической деятельности: религиозную, культурную, политическую и социально-экономическую; определял основные стадии развития культурно-исторического типа[1]. Историю Н. Я. Данилевский интерпретировал как циклический процесс возникновения, расцвета и упадка поочередно сменяющих разнообразных национальных культур.

Согласно стадиям, предложенным в историко-географической периодизации, Н. Я. Данилевским, каждый народ проходит в своём развитии три состояния. Первый связан с неопределённо-длинным этнографическим периодом и назван автором «образовательным». Второй этап характеризуется построением государства, способного ограничить его политическую независимость. Третий период – «деятельный», когда накопленные в предшествующий период силы и существовавшие до сих пор в потенции возможности народа реализуются в сознании самобытной цивилизации и тем самым исчерпывают себя.

Кроме этого, Н. Я. Данилевский отмечает, что периодизация истории на древнюю, среднюю и новую неудовлетворительна. Все крупные древние цивилизованные государства (Рим, Греция, Индия, Египет) имели свою древнюю, среднюю, новую историю, а в жизни культурно-исторических типов можно различать три, четыре и более возрастов.

Следующий по значимости труд, где проблеме периодизации уделяется должное внимание – это «Закат Европы» Освальда Шпенглера[2], где автор иначе подходит к периодизации мировой истории, выделяя восемь культур (египетская, индийская, вавилонская, китайская, греко-римская, византийско-арабская, западно-европейская, культура майя) и предсказывает рождение и расцвет русской культуры. Культура имеет свои формы: народ, язык, эпоху, государство, искусство, науку, право, религию, мировоззрение, хозяйство и пр. Когда культура полностью реализует себя, она становится цивилизацией[3]. Вероятно, О. Шпенглер временные границы между этапами или периодами в мировой истории связывает с тем, что народы рождаются, развиваются, стареют, дряхлеют и умирают. Поэтому периодизация истории на древнюю, среднюю и новую, по мнению О. Шпенглера неудовлетворительна.

---

[1] Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Госуд. науч. изд-во «Советская энциклопедия». 1963. Т. 4. С. 970–971.

[2] Шпенглер О. Закат Европы. Т. I. Образ и действительность. Новосибирск: ВО «Наука», 1993.

[3] Шпенглер О. 1993. Указ. соч. С. 172.

Продолжением классических подходов к периодизации после двух названных имен следует привести труды Арнольда Тойнби, который стремился переосмыслить всё общественно-историческое развитие человечества в духе теории круговорота локальных цивилизаций. Каждая цивилизация проходит аналогичные стадии возникновения, роста, надлома и разложения. Всемирная история рассматривается им как сумма «цивилизаций», проходящих одинаковые фазы: рождения, роста, крушения, разложения и гибели. Из рассуждений методологического характера у Тойнби вытекает предположение об определяющем значении для исторического исследования категорий пространства-времени. История существует там, и только там, где есть время. Время есть то поле, в котором и благодаря которому происходит смена состояний человеческого общества, а ведь именно через неё проявляется содержание истории.

Никто до Тойнби не придал такого значения категории «цивилизация». Локальные цивилизации – вехи времени, а не острова замкнутой в самой себе истории. Жизнеспособность цивилизаций определяется возможностью последовательного освоения жизненной среды и развитием духовного начала во всех видах человеческой деятельности[1].

Следующая работа, где получила отражение проблема исторической периодизации, принадлежит перу Нормана Кантора и Самуила Бернера «Современная эпоха (1815 г. до наших дней)»[2], где авторы делят обозримое историческое время на следующие подразделения: античная история завершается падением Рима, средневековая история охватывает период с 300–1400 гг., ранняя современная история Европы простирается от 1400 до 1815 г.; и современная история Европы начинается с 1815 г. с падением империи Наполеона.

В современной исторической и географической литературе при периодизации исторического процесса используется как цивилизационный так и формационный подход. Последний проявлялся в делении исторического времени на общественно-экономические формации. Формация рассматривалась как некий эталон. В марксистско-ленинской теории традиционно показывали общественно-экономическую формацию как «общество, находящееся на определённой ступени развития, взятое в единстве всех его сторон, с присущим ему способом производства, экономическим строем и возвышающейся над ним надстройкой». Это «определённый тип общественного строя (рабовладельческий, феодальный, капиталистический, коммунистический), особый социальный

---

[1] Тойнби А. Постижение истории / пер. с англ.; сост. А. П. Огурцов. М.: Прогресс, 1996.

[2] Norman F. Cantor., (Ed) The modern Era 1815 to the Presend. New Jork, 1971.

организм, имеющий специфические законы возникновения, функционирования и перехода в другую, более высокую общественную форму»[1].

Для каждой формации разработаны категории: материальные и идеологические отношения, базис и надстройка, производительные силы и производственные отношения. В характеристику формации включаются исторические общности людей (род, племя, народность, нация). И даже, изучая относительно небольшой регион, исследователь на каждом этапе должен предусматривать различия в категориях, характерные для каждой формации. Эти знания помогут интерпретировать полученную информацию для определения антропогенной нагрузки на геокомплексы. Идеология каждой данной эпохи располагает определённым мыслительным материалом, доставшимся ей от прошлых эпох.

В связи с вышеизложенным, использование формационного подхода объясняет употребление при разработке историко-географической периодизации следующих критериев: определённого способа производства (в частности, типа природопользования), исторической общности людей (этноса), социальных аспектов (тип и форма семьи, характер расселения). Способ производства определяет в конечном счёте все стороны общественной жизни. В характеристику формации включаются исторические общности людей (род, племя, народность, нация), возникновение, эволюция и исчезновение их определены как характером производственных отношений, так и уровнем развития производительных сил. Главное в формационной теории К. Маркса – это рассмотрение общества как целостного развивающегося организма, а уже потом – упорядоченность, система, схема. В марксистской теории отмечено, что формация в «чистом виде» не существует. Формация является неким «эталоном», от которого реальные общества могут отклоняться вследствие внутриформационных различий.

Историко-географическая периодизация строится, основываясь на пяти основных типах общественно-экономических формаций (первобытнообщинном, рабовладельческом, феодальном, капиталистическом, коммунистическом). Однако это утверждение справедливо только для очень больших территорий типа физико-географических стран, секторов или материков. Никоим образом подобный подход не приемлем для регионов соответствующих размерности физико-географической провинции или области. Практика освоения и заселения новых территорий «размывала» и заставляла корректировать чётко построенную схему. Поэтому при проведении регионального историко-географического анализа периодизация строится на основании региональных исторических материалов и весьма далека от схе-

[1] Сигалов К. Е. 1998. Указ. соч. С. 13–14.

мы «пятичленки», которая не вписывается в исторический, этнографический и антропологический материал, полученный при новейших исследованиях. Существует локальное своеобразие в истории каждого региона, и применения универсальной схемы может потребовать корректировки. Часто наблюдается не последовательная смена социальных систем, а их устойчивость и неизменность.

В части исторических периодизаций преобладал формационный подход. «Заслугой формационной теории является то, что в её рамках впервые появилась возможность выявить то общее, что было характерно для всемирно-исторического процесса: связь прогресса производства и общественных отношений, отражающих реальную сущность исторического развития»[1]. Недостатком исторической периодизации, в основу которой положена теория общественно-экономической формации, на наш взгляд, является, прежде всего, исследование проблемы исторического времени и отсутствие внимания к исследованию проблемы исторического пространства.

Достаточно долго цивилизационный и формационный подходы считались диаметрально противоположными, взаимоисключающими друг друга. Как уже было отмечено, преимущество всегда оставалось за формационным подходом, что объясняется высоким авторитетом марксизма и теории общественно-экономической формации.

Чем хорош каждый из подходов для историко-географической периодизации? Если соотнесение двух подходов выразить графически, то это будет выглядеть следующим образом: «имеется ряд соприкасающихся друг с другом и движущихся параллельно в вертикали исторического времени великих цивилизаций: европейской, передневосточной, дальневосточной, индийской. Все они более или менее синхронно (с разбросом в несколько веков) рассечены горизонтальными пластами формаций. Но вот что существенно: чёткие в европейской цивилизации, эти горизонтальные пласты в иных цивилизациях теряют определённость границ, превращая многовековую толщу истории в совсем поиному организованную среду. Ещё концепция азиатского способа производства объявляла эту среду особой формацией. Поскольку в различных цивилизациях формационность проявляет себя крайне различно, её не следует считать универсальным феноменом. Тем не менее, понимание построения и развития цивилизации, менталитета той или иной цивилизации позволяет глубже проникнуть в смысл формационной проблематики»[2].

Следует заметить, что жёсткое деление цивилизаций не является корректным. Цивилизационная теория не была изложена целостно и

---

[1] Сигалов К. Е. 1998. Указ. соч. С. 22.
[2] Там же. С. 28.

полно как формационная теория, однако она не была догматизирована, каждый из её авторов создавал «свою» теорию цивилизаций.

Третьим подходом к исторической периодизации является модернизационный. Активное его использование началось в постсоветской России. Этот подход используется для изучения различных исторических и историко-географических аспектов перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу.

Сторонники модернизационного подхода рассматривают процесс модернизации как сложную, многомерную трансформацию, охватывающую различные уровни общества от экономики и политики до культуры. К проявлениям модернизации принято относить индустриализацию, урбанизацию, демократизацию и т. д. Использование модернизационного подхода способствует решению важных проблем, касающихся установления хронологических рамок и внутренних рубежей модерна, источников, факторов и механизмов модернизации.

Н. А. Проскурякова понимает под модернизацией «всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного общества к современному, который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность подпроцессов структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, становления новых ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникативной революций». Названным автором предложена модернизационная парадигма, основой которой является междисциплинарный подход, а результатом может быть модель экономической трансформации России в XIX в. В ней Н. А. Проскурякова выделяет две фазы: «протоиндустриальную» (с начала XVI в. до 1860-х гг.) и «раннеиндустриальную» (с 1870–1880 гг. до 1917 г.)[1].

В теории модернизации одним из основных является понятие «индустриализации», которое может рассматриваться с разных сторон, где можно выделить общие черты и стадии (фазы) индустриализации.

Развитие идей модернизации связано с появлением исследований Б. Н. Миронова, А. Г. Вишневского, Н. Ф. Наумовой и др., где особенности российской модернизации анализируются на основе исторических источников и данных социологических обследований.

Таким образом, для периодизации исторического процесса современные исследователи применяют, главным образом, цивилизационный, формационный и модернистский подходы, которые

---

[1] Проскурякова Н. А. К вопросу о концептуализации экономического развития России XIX – начала XX вв. // Экономическая история. Обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 11. М., 2005. С. 151–158.

базируются на богатейшем философском, историческом, политическом и идеологическом материале.

Историко-географическая периодизация, как следует из самого названия, исследует одновременно и время, и пространство. Причём, подходы к периодизации следует обосновывать с позиции региональных исторических и географических событий.

Для основы периодизации важным моментом были поиски чётких критериев. Познание прошлого – трудный процесс, когда исследователю предстоит соединить множество разноплановых событий. Специфика изучения реальности общества и выявление критериев периодизации имеют не только объективные, но и субъективные причины, связанные со сложностью процесса познания. Историческая периодизация способствует систематизации материала, вносит в «хаотический эмпирический материал определённый порядок и организацию»[1].

Историческая периодизация выполняет функцию теоретического знания: она задаёт определённую классификацию и типологию, особым образом систематизирует материал. Посредством исторической периодизации выделяются отрезки времени, объединяющие и систематизирующие события, последовательность действий человека на природные комплексы.

Проблемой историко-географической периодизации занимаются представители многих научных направлений: географы, историки, философы, этнографы, археологи и другие специалисты. В связи с этим существуют различные точки зрения. Так, например, А. М. Грин[2] во взаимодействии человека и природы выделяет пассивное приспособление, активное использование, преобразование и глобальную реконструкцию. В. А. Зубаков[3] разработал периодизацию, основывающуюся на выделении этапов природопользования. При этом он оперирует данными по геологии плио-плейстоцена, антропологии, археологии, истории первобытного и классового общества. Т. Г. Григорьян[4] за основу периодизации берёт развитие производительных сил общества, научно-технический прогресс и подчёркивает решающее значение природной среды на первых этапах освоения.

---

[1] Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 7.

[2] Грин А.М. Проблемы преобразования природы и задачи географии // Природа и общество. М.: Наука, 1968.

[3] Зубаков В. А. О содержании и задачах исторической географии (истории природопользования) // Известия ВГО. 1976. № 6.

[4] Григорьян Т. Г. Природа и общество. М.: Изд-во МГУ, 1977.

В. С. Давидчуком[1] предложена следующая периодизация воздействия человека на развитие ландшафта: период скользящего антропогенного воздействия на ландшафт, связанный со временем господства присваивающего хозяйства, и период конструктивного воздействия человека на ландшафт, который начинается с переходом к производящему хозяйству. В. А. Анучин[2] во взаимодействии общества и природы выделяет три эпохи, отличающиеся друг от друга скоростью развития общества и значимостью земной природы в его развитии. Он отмечает, что для современной эпохи характерно развитие природы в нежелательном для людей направлении.

В понимании историко-географической периодизации В. В. Анненков рассматривает её как «постановку и разработку проблемы историзма в территориальной организации общества и среды»[3].

Подходы к историко-географической периодизации взаимодействия общества и природы могут быть историко-экономические и этнографические, последний выражается в выделении хозяйственно-культурных типов народов, исторически сменяющих друг друга. Разработкой этой концепции занимались А. П. Окладников[4], М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров[5], С. А. Токарев[6], Б. В. Андрианов[7] и др. Вопросам взаимодействия этноса и ландшафта большое внимание уделял Л. Н. Гумилев[8].

Наиболее значимый вклад в решение проблемы историко-географической периодизации внёс В. С. Жекулин[9]. Его многочисленные публикации пронизаны идеей подробного рассмотрения периодизации природопользования с целью осуществления ретроспективного анализа изменения природной среды, оценки современного состояния ландшафтов, создания классификации антропогенно-измененных

---

[1] Давидчук В. С. К вопросу об антропогенном факторе динамики ландшафтов // Научно-техническая революция и методы географического анализа. М., 1977. С. 15–21.

[2] Анучин В. А. Основы природопользования. Теоретический аспект. М.: Мысль, 1978.

[3] Анненков В. В. О теоретических вопросах историко-географических исследований природопользования // Географо-экологические аспекты экономического и социального планирования. Л., Изд-во ГО СССР, 1980. С. 148.

[4] Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980.

[5] Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. Сов. этнография. 1955. № 4. С. 3–17.

[6] Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958.

[7] Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-географические аспекты хозяйственно-культурного развития народов мира (конец XIX – начало XX веков). Международная география 76. Историческая география. М., 1976. С. 7–11.

[8] Гумилев Л. Н. Этнос и ландшафт // Известия ВГО. 1968. № 3. С. 193–202.

[9] Жекулин В. С. 1982. Указ. соч.

ПТК, разработки надёжных ландшафтно-географических прогнозов. В историко-географической периодизации В. С. Жекулин первоочередное значение придавал ландшафту с его природными и последующими антропогенными свойствами, его положению в системе природного и историко-географического районирования; системе расселения и формирования этносов и, наконец, хозяйственному укладу и социальным отношениям.

В таблице 1 перечислены авторы, которые в период времени с 70-х гг. XX в занимались историко-географическими исследованиями указанных регионов, в т. ч. историко-географической периодизацией. К указанному времени относится и деятельность до 1989 г. возглавляемой В. С. Жекулиным историко-ландшафтной школы. Множество его учеников обязательно включали в свои исследования историко-географическую периодизацию тех регионов, которыми они занимались.

Таблица 1

Сведения об историко-географах России и СНГ, с указанием региона исследования и времени публикаций

Имя исследователя и годы публикаций	Регион исследования	Имя исследователя и годы публикации	Регион исследования
С. П. Романчук (1973– н. вр.)	Бассейн среднего Днепра	В. В. Рюмин (1987–1991)	Юг Средней Сибири, Алтае-Саянская Горная страна
Г. И. Кутузова (1976–1991)	Омское Прииртышье	В. С. Давыдчук (1977– н. вр.)	Верхнее Поочье
Л. Б. Вампилова (1978–н. вр.)	Межгорные котловины Северного Забайкалья Республика Карелия	Ф. Н. Рянский (1980– 2006)	Приамурье
В. Л. Мартынов (1992 – н. вр.)	Западная и Средняя Сибирь, Северо-Запад	М. Н. Куница (1982–1992) (1993–н. вр.)	Черновицкая область Брянская область
Е. А. Скупинова (1980– н. вр.) Е. Н. Соколова (1994– н. вр.)	Вологодская область	С. И. Ларин (1988– н. вр.)	Тункинская котловина
И. П. Ковальчук (1982–н. вр.)	Западная Украина	В. А. Низовцев (1985–н. вр.)	Центральная Россия
М. И. Амосов (1985– н. вр.)	Южный Алтай, Северо-Запад	А. Г. Манаков (1990–н. вр.)	Псковская область

Продолжение табл. 1

Г. А. Исаченко (1985 – н. вр.)	Северо-Запад России	Б. М. Голубь (1992– н. вр.)	Еврейская АО
А. А. Соколова (1982– н. вр.)	Восточное Забайкалье, Русский Север	А. Н. Лисецкий (1994– н. вр.)	Белгородская область; Николаевская и Одесская области Украины
К. В. Чистяков (1984–н. вр.) А. Б. Глебова (2002–н. вр.)	Алтае-Саянская горная страна	С. Б. Потахин (1987–н. вр.)	Тыва, Карелия
С. В. Рассказов (2001– н. вр.)	Юго-Западная часть Западной Сибири	Ф. С. Корандей (2000– н.вр.)	Западная Сибирь

Как видно из таблицы, в последние 40 лет появилось множество работ учёных, завершивших свои исследования в круге проблем, решаемых посредством историко-географического направления науки.

Одно из таких исследований, проведённое Ф. Н. Лисецким, содержит интегральные подходы к историко-географической периодизации: «Метахронность социально-экономического развития общества, отражающаяся в пространственно-временных различиях систем природопользования, обусловливает необходимость разработки региональных историко-географических периодизаций. Основу периодизации составляют своеобразные качественно отличные интервалы времени, обоснованные по археологическим и историческим периодизациям и группируемые по такому основному критерию, как смена доминирующих видов антропогенного (ноотехнического) влияния на состояние природной среды»[1]. В данном случае периодизация представлена как инструмент для познания природно-ресурсного потенциала, который также следует рассматривать через время. На каждом историческом этапе освоения региона свои ресурсы, имеющие тенденцию к нарастанию (увеличению по многообразию, численности и значимости) во времени. Следует отметить, что со временем потенциальные возможности в плане использования природных ресурсов сокращаются.

Другой пример связан с диссертационным исследованием Б. М. Голубь[2], который провёл историко-географо-топонимический

[1] Лисецкий Ф. Н. Пространственно-временная организация и почвозащитное обустройство агроландшафтов: дис. … д-ра геогр. наук. Одесса, 1994. С. 330.

[2] Голубь Б. М. Комплексный историко-географотопонимический подход к исследованию территорий (на примере Еврейской автономной области): автореф. дис. … канд. геогр. наук. Иркутск, 1997. С. 7–11.

анализ Еврейской автономной области и на основе выявленных разновременных топонимических пластов предложил новую концепцию путей заселения территории ЕАО народами различных историко-географических эпох и языково-лингвистических групп. Автором предложена историко-географическая периодизация, представляющая собой «стратиграфическую» таблицу топонимических пластов (сред), включающую типологию пласта, время его образования и соответствующие им топонимы на территории ЕАО.

Все исследователи, создавшие для своих регионов историко-географическую периодизацию, применили подходы, принципы, которые зависят от региональных особенностей. Последние обусловлены многими причинами: географическим положением, спецификой истории заселения и освоения, особенностями ландшафтов, этнической группой, которая заселяла территорию в различные периоды времени; прочностью взаимосвязей этноса и ландшафта; характером природопользования; уровнем хозяйственного развития; степенью освоенности ландшафта, специализацией хозяйства; системой природопользования, системой расселения и др. Перечисленные факторы оказали различное влияние на периодизацию. Одни из них были важными, доминирующими, другие менее важны, однако их сочетание с первыми обусловило специфичность исторического процесса освоения.

Во взглядах исследователей, занимающихся созданием исторических и историко-географических периодизаций, существуют различия в предлагаемых структурах, подходах, определениях. Каждое новое историко-географическое исследование – это новая идея. Насколько она нова, зависит от методологии. С точки зрения её успешности наиболее важно как методологическая историко-географическая концепция периодизации отразила дух времени. Актуальность историко-географической периодизации определяется вызовом времени (вызов современникам, что требуется новая периодизация). Подход к периодизации актуален постоянно. Новый исторический этап в освоении и природопользовании требует нового подхода к периодизации.

1.4.2. Историко-географическая периодизация событийных процессов – основа региональных историко-географических исследований

Историко-географические исследования проводятся посредством анализа событийных процессов, которые представляют собой совокупность явлений, событий, процессов. Такая позиция в историко-географических исследованиях может быть названа событийным подходом.

Для исторической географии эти философские категории впервые вводятся в научный оборот. Причиной, подтолкнувшей нас к размышлению, что может выдвигаться в качестве основы для анализа процессов, происходящих в природе, населении и хозяйстве, послужило обилие разнохарактерного материала, для которого трудно выбрать нечто единое. В качестве такого единого (основы) выступает историческая и философская категории «событие».

Следует уточнить, что для исторической географии важны не все события, а только наиболее значимые для региона, которые проявились впоследствии в разных сферах жизни.

Термин «событие» имеет множество значений, в т. ч. общепринятое толкование: событие – «происшествие, важное явление, происшедшее в общественной или личной жизни»[1]. Явление – проявление, выражение сущности, то, в чем она обнаруживается. У историков событие – это скачок в изменении содержания или интенсивности процесса развития, становления общества или связанных с ним процессов. Ряд событий, анализируемых в их внутренней логике, могут объяснить становление структуры общества или его отдельных частей. Одними из свойств события как такового могут считаться непредсказуемость и случайность. Непредсказуемость может сделать событие недоступным для аналитического подхода к выяснению причин этого события. Однако событие как некий скачок в изменениях может быть просто воспринят как таковой, и его толкование может начинаться с констатации события, за которым следует анализ его следствий.

В изучении истории сложились два подхода: сторонники первого утверждают, что история состоит в описании событий, сторонники второго анализируют историю, игнорируя исторические события[2]. Первый подход – фактологический, второй – структурный. На деле это разделение носит чисто формальный характер, ибо историки по мере надобности или в силу специфики предмета анализа прибегают то к одному, то к другому. Никакого формального разделения здесь нет.

В философии событие – понятие, «имеющее широкий спектр толкований: как природное явление, как событие историческое, как событие психо-биографическое, мировое событие, как событие в статусе происшествия или случая»[3]. Событие – это любое явление, может

---

[1] Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М., 1998. С. 473.

[2] Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.

[3] Новая философская энциклопедия: в 4 т. / науч.-ред. совет: председатель В. С. Степин, заместители председателя А. А. Гусейнов, Г. Ю. Селигин, учен. секретарь А. П. Огурцов. Т. 3. «Н–С» М., 2001. С. 582.

быть научное открытие, стихийное явление или природная аномалия, историческое или политическое. У каждого события своя природа и своя интерпретация, каждое событие имеет свою структуру (оно выявляется благодаря повторяемости им охватываемого содержания), план, форму, воплощение и актуализацию[1].

При историко-географической периодизации хозяйственного освоения ландшафтов региона любого ранга мы стремимся выявить направленность разнохарактерных процессов. Иными словами, ставим перед собой задачу: установить, какие процессы происходят в регионе, и определить их тенденции. Процесс может состоять из последовательности событий. Процесс – это совокупность состояний (фактов), закономерное, последовательное изменение явления, его переход в другое явление. Факт – это единичное явление, состояние в определённый момент времени, которое рассматривается как сделанное, свершившееся, фрагмент реальности, составляющий объект человеческой деятельности или познания. Будучи единичным явлением, факт связан многообразными отношениями с другими фактами. Сумма единичных фактов, наметившихся в определённой жизненной сфере, свидетельствует сначала об обозначившемся явлении, а затем о формировании того или иного процесса. Научные факты служат основой теоретических построений, последние были бы невозможны без фактов. Внутри процесса, т. е. по мере его протекания, происходят (наблюдаются) определённые изменения, которые связаны с событиями, служащими реперами, маркировкой точек на оси времени.

Приведём пример графического изображения историко-географического процесса, происходящего на какой-то территории. По вертикали обозначим интенсивность развития процесса (в данном случае процесс развития ландшафта и влияние на него хозяйственной деятельности), а по горизонтали – время и временные промежутки между последовательно совершающимися фактами. В данном примере в процессе участвуют две составляющих: ландшафт и человек. Развитие процесса – это последовательность причинно-следственных связей. Эти связи прослеживаются между ландшафтом и населением и проявляются в характере природопользования. Для начала процесса, или его первой стадии, характерно какое-то минимальное состояние в каждой из составляющих, выражающееся в последовательности расположения единичных фактов. Следовательно, для всякого начала процесса характерно минимальное событие-факт, послужившее толчком. По мере нарастания процесса число фактов-событий увеличивается. Событие как результат определённого количества фактов может возникнуть при переходе количественных изменений в качественные при интерпричинном развитии, т. е. при изменениях внутри процесса.

---

[1] Новая философская энциклопедия. 2001. Указ. соч.

По мере достижения кульминационного состояния (близкого к максимальному) заканчивается количественное развитие процесса или сказывается влияние другого процесса, идущего в рамках причинно-следственной системы и возможен элемент случайности для этих двух процессов – достижение точки бифуркации, которая и рассматривается нами как максимальное, реперное событие, являющееся результатом взаимовлияния двух процессов, где создается ситуация выбора новых возможностей или тенденций для дальнейшего протекания процесса. Выбор тенденции находится за пределами двух процессов: может осуществляться переход в качественно новое состояние, может произойти стабилизация процесса, либо спад состояний (процесс завершается) – всё это маркируется событиями на временной оси. Избрание тенденции возможно только при условии достижения максимального события при взаимодействии двух или нескольких процессов.

В исторической географии мы рассматриваем событие как историко-географическое явление, которое приводит к изменениям территориальной организации пространства на данном историческом этапе развития. События приводят к: а) модификации роли различных географических факторов как природных, так и экономических, демографических, социальных и др.; б) изменению всех географических объектов, относящихся к разным историческим периодам, вехам, эпохам; в) к географическим сдвигам в организации территории; г) трансформации геосистем в целом; д) модификации ландшафтов в голоцене под влиянием хозяйственной деятельности человека; е) изменению культурных ландшафтов; ж) формированию региональной специфики хозяйства.

Историческая география, как уже было отмечено ранее, – интегрирующая отрасль знаний, «наука о взаимоотношении человека и природы»[1] за историческое время, хотя это определение очень общее. Как в любой другой науке, в исторической географии есть множество направлений, и в каждом из них выделяются свои объект и предмет. Если говорить о едином, объединяющем начале всех направлений исторической географии, то здесь можно обозначить события, явления, процессы, поскольку именно они оказывают влияние на развитие, динамику, трансформацию природных, историко-культурных, геокультурных, территориально-культурных или просто территориальных систем. В рамках исторической географии исследователь занимается историко-географическими аспектами изучения природы, населения, хозяйства через анализ событий. Именно событие конструирует историко-географический объект, открывая возмож-

[1] Жекулин В. С. 1982. Указ. соч. С. 10.

ность осуществления историко-географических срезов «безграничной вселенной всевозможных фактов и документов»[1]. Событие составляет фундамент историко-географического объекта, позволяя ему существовать.

Событие имеет временные параметры, которые также дифференцируются. Время, в течение которого происходит событие (момент совершения), подразделяется на совершающееся и свершившееся, а далее следует промежуток времени, обладающий законченностью, позволяющий отделить это событие от последующего, – временной перерыв (дискретность). Временная последовательность может быть разложена на мельчайшие длительности, для которых сохраняется интервал. В этом случае мы говорим об элементарности события и указываем на его моментальность, в которой пределом членения является не мгновение, а некоторая длительность. Временной аспект события включает время «до» или «прежде» события и время «после»[2].

Что касается прошлых событий, то мы по понятным причинам не в состоянии их наблюдать. Мы получаем информацию о том, что события произошли из письменных исторических источников и специальной литературы, а наблюдаем то, что происходит в наше время, например, по косвенным следам в рельефе. Это позволяет определить «природу» (естественные процессы или техногенные) события, следствием которой стали новые формы рельефа, произошла смена растительного и почвенного покровов и т. д.

Все события происходят в пространстве и во времени, поэтому и в том, и другом случае проявляется дискретность, отделение событий друг от друга во времени (скорее деление времени на отрезки происходит благодаря наличию событий), что и положено в основу историко-географической периодизации. Однако периодизация связана с местом проявления (происхождения, привязкой к месту) событий, поэтому событийная дискретность проявляется в пространстве. Очень точно эта связь события со временем и пространством подмечена у А. Ф. Филиппова: «Единству времени, в течение которого событие сохраняет свою тождественность (момент свершения), соответствует единство пространства (место совершения). Как время, так и пространство события идентифицируются в некой системе координат или в рамках взаимосвязанной совокупности однородных моментов и мест»[3]. Что касается пространства, то его дифференциация может

---

[1] Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 81.

[2] Филиппов А. Ф. Пространство политических событий // Полис (Политические исследования). 2005. № 2. С. 12.

[3] Филиппов А. Ф. 2005. Указ. соч. С. 11.

продолжаться сколь угодно дробно, но в связи с событием мы можем говорить только «о месте события»[1].

Одним из принципов отбора событий для анализа исторического процесса может быть рассмотрена значимость событий для территорий разного ранга, хотя далеко не всегда значимость события зависит от региона. Случается так, что событие происходит в малозначимом месте, но оно судьбоносно не только для места происшествия, но и для страны (а может и мира) в целом.

Пояснения двум уровням (макро- и локального) событий, приведённым в табл. 2, можно построить следующим образом: о макромире рассказывает «история событий», которая представлена как цепь микрособытий разных уровней. «Эпохальные события конденсируют вокруг себя эпоху, выражая ее сущность и дух»[2]. Они всегда драматические или трагедийные, привлекают к себе особый интерес исследователей, который может длиться не одно столетие. Значимые события касаются конкретного региона и важны только для него, несмотря на то, что определённые события могут происходить и в соседних регионах и отражаться на первом в виде каких-либо историко-географических следствий.

Таблица 2

Классификация событий и событийных процессов

<table>
<tr><th>1. По значимости (рангу)</th><th colspan="2">2. Размерность событий для региона</th><th>Соответствие хронотаксону</th></tr>
<tr><td>Эпохальные</td><td colspan="2">Макрособытия (глобальные)</td><td>эпоха</td></tr>
<tr><td rowspan="3">Значимые</td><td colspan="2">Макрособытия</td><td rowspan="2">период</td></tr>
<tr><td colspan="2">Региональные</td></tr>
<tr><td colspan="2">Локальные (топологические)</td><td>этап</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Рядовые</td><td colspan="2">Региональные</td><td></td></tr>
<tr><td colspan="2">Локальные</td><td></td></tr>
<tr><td colspan="4">3. По взаимосвязям</td></tr>
<tr><td colspan="2">Абсолютные
(самостоятельные)</td><td colspan="2">Относительные
(взаимосвязанные между собой)</td></tr>
<tr><td colspan="2">Случайные</td><td colspan="2">Порубежные</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="2">Парадоксальные</td><td colspan="2">Инициирующие</td></tr>
<tr><td colspan="2">Предшествующие</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="2">Уникальные</td><td colspan="2">Последующие</td></tr>
<tr><td colspan="2">Центральные (событие-ядро)</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="2">Событие-символ (маркерное событие)</td><td colspan="2">Продолжающиеся</td></tr>
<tr><td colspan="2">Заключительное</td></tr>
</table>

[1] Филиппов А. Ф. 2005. Указ. соч. С. 12.

[2] Савельева И. М., Полетаев А. В. 1997. Указ. соч. С. 155.

События в зависимости от их взаимосвязи друг с другом или самостоятельности подразделяются на абсолютные и относительные[1]. Связанные между собой события можно различать как предшествующие, последующие, центральные, окончательные, продолжающиеся – это, согласно логике их описания, относительные события. Абсолютные события носят предельный характер, они не связаны с другими в какую-либо зависимость, это «события начала и конца существования чего-либо, какого-либо процесса, учредительные события», которыми начинается отсчёт исторической хронологии[2].

Событие-символ само по себе не имеет прямых последствий, однако оно является знаковым, маркерным событием для начала нового процесса в общественной жизни в плане зарождения, становления новой эпохи, свидетельство того, что начинается качественно новое развитие. Эти события можно отнести к собственно историческим. Примером его могут быть: выстрел «Авроры», который, в переносном смысле, известил весь мир о начале новой эпохи в развитии общества, о переходе к социализму в России (а затем и в других странах), следствие которого для природы – глобальность в освоении природных ресурсов, повлекших за собой их деградацию, открытие и освоение новых территорий; поджог Рейхстага, свидетельствующий об унификации власти в Третьем рейхе и утверждении в Германии террористического режима. Военные действия глобального масштаба (в пределах Европы) привели к большим людским потерям и, как следствие, деградации сельского хозяйства – значительному уменьшению нагрузки на природную среду, смене сукцессионных рядов по восстановлению ландшафта к их первоначальному состоянию.

При анализе событийных процессов в регионе большое значение имеют функции событий. *Прогрессивные* – связанные с тем, что произошедшее коренным образом изменило жизнь людей в лучшую сторону. Здесь может быть приведён такой пример, в 1961 г. крестьяне СССР получили право иметь паспорт, документ который позволял владельцу устроиться на работу в другой сфере (кроме сельскохозяйственной), в частности, на производстве. Следствием такого решения был отток жителей села в город на поиски «другой жизни». В связи с недостатком рабочих рук, многие пахотные угодья были заброшены, шёл процесс зарастания пашни и превращения её в залежные земли. Причём этот процесс наблюдался в нашей стране неоднократно и был

---

[1] Филиппов А. Ф. Пространство политических событий // Полис (Политические исследования). 2005. № 2.

[2] Филиппов А. Ф. 2005. Указ. соч. С. 16.

связан со многими политическими решениями (не всегда прогрессивными), которые могут быть интерпретированы как события разного масштаба, как регионального, так и локального.

Регрессивные – опирающиеся на идею традиции и преемственности в социальной и культурной жизни. В ходе истории регрессивные тенденции имели различные формы и в целом сохранялась приверженность к существующим и устоявшимся социальным системам и нормам. В условиях социальных перемен проявляется консерватизм в реставрации старых порядков, восстановлении утраченных позиций, в идеализации прошлого. В плане примера регрессивного развития экономики страны можно привести правительственное постановление конца 50-х гг. о внедрении в севооборот новой для многих регионов России сельскохозяйственной культуры – кукурузы, посадки которой стали обязательными для сельскохозяйственных предприятий страны не зависимо от климатических условий. Упоминаемое постановление привело к тому, что многие хозяйства были не готовы к внедрению новой культуры и вынуждены отводить для неё площади, предназначенные под зерновые, а существующие в то время жёсткие нормы сдачи зерна подталкивали руководителей хозяйств осваивать новые посевные площади. Таким образом, повторилась попытка, уже известная за всю историю земледелия, создание пашни на месте лесного комплекса, что привело к уничтожению больших массивов лесов. Новая культура, как известно, не прижилась, особенно в северных районах, и вновь созданные сельхозугодья стали забрасываться, что способствовало усложнению ландшафтной структуры многих физико-географических областей.

Обозначив категорию события, их значимость для историко-географических исследований, приведём классификацию событий по причинам, их вызвавших. Здесь можно выделить пять основных групп событий (табл. 3). Приведём краткую характеристику событий, связанных с определёнными причинами.

События, связанные с природными причинами. Среди естественных (природных) процессов и явлений могут быть как благоприятные, так и неблагоприятные. Благоприятные явления связаны с высокими температурами воздуха (удобными для выращивания растений) в тёплые сезоны года, с хорошим увлажнением (достаточным количеством осадков), равнинным рельефом, плодородными почвами и т. д. Примеры таких благоприятных природных условий (для определённых жизненных ситуаций) можно привести практически по каждой природной зоне, с учётом конкретных целей и задач.

Таблица 3

Классификация событий по причинам, их вызвавшим

Причины	События
Природные	Естественные (без участия человека) Стихийные бедствия в природной среде, связанные прямо или косвенно с техногенными событиями. Экологические катастрофы (эколого-технологические). Преобразования при содействии человека (лесовосстановление)
Политические и геополитические	Военные (восстания), дипломатические, властные (власть и ее смена), изменение государственных и внутренних границ, возникновение и падение государства
Социальные	Эпидемии. Голод (неурожаи). Демографические взрывы, кризисы и миграции. Войны. Административно-территориальные реформы
Экономические	Кризисы. Взлеты (подъём конъюнктуры). Внедрение результатов НТР. Плановое освоение. Колонизация. Освоение, связанное с расселением и обустройством новых территорий. Перенаселение. Ресурсные кризисы: факт исчерпания ресурса. Изменение роли в территориальном разделении труда. Технологические события: распашка, вырубка лесов, лесонасаждения, строительство плотин, водохранилищ и др. Экистическое освоение (селитебное)
Техногенные	Урбанизация, создание: транспортных путей, оросительных и осушительных систем, начало и конец (в связи с окончанием разработки) деятельности горнодобывающих предприятий, пахотных угодий; строительство ГЭС, ТЭЦ, вырубка леса и др.

Наряду с удобными природными ситуациями человечество на протяжении всей своей истории сталкивается со стихийными бедствиями и экстремальными природными явлениями, которые могут быть подразделены на геолого-геоморфологические (землетрясения, извержения вулканов, обвалы, осыпи, сели, различные виды эрозии), климато-гидрологические (туманы, осенние и весенние заморозки, гололёды, наводнения, лавины, летняя жара, продолжительные ливни, снегопады, ураганы), космические, биологические (эпидемии, эпизоотии, нашествие саранчи, увеличение числа кровососущих насекомых) условия, наносившие большой экономический ущерб. Перечисленные

природные явления могут рассматриваться как особые события, оказывающие влияние на социально-экономическую обстановку в регионе и именно от этих событий может произойти «крен» в развитии территории. По Северо-Западу России можно привести множество примеров неблагоприятных природных явлений: неурожаев повлекших за собой социальные проблемы, которые отразились на сокращении численности населения, на миграциях, и как следствие на сокращении в последующем антропогенной нагрузки на ландшафт.

Экологические катастрофы могут быть связаны, в первую очередь, с природным фактором. Так, по Северо-Западу России имеются примеры событий тектонической природы, собственно землетрясений и сотрясений за счёт морозобойных явлений, происходивших в суровые зимы: при резком снижении температур воздуха и почвы. Сотрясения неотектонической природы – палеосейсмодеформации: сейсмотектонические рвы, трещины растяжения и отрыва, сдвиговые деформации, сбросовые приразломные уступы – все эти нарушения получили отражение в ландшафте, усложнили его структуру, преобразовали его так, что чаще всего он стал не пригоден для обитания.

Антропогенные вмешательства в природную среду и их последствия разнообразны и имеют различные масштабы. Это вырубки лесов на больших площадях, строительство каналов, транспортных магистралей, распашка территорий, селитебное освоение и т. д. В результате преобразования ландшафта деятельность человека способна вызвать смену одного ПТК другим, т. е. антропогенный фактор увеличивает количество состояний в ландшафтах. Событие, связанное с хозяйственной деятельностью, может спровоцировать, послужить репером, в преобразовании ландшафта или его морфологических частей, в результате чего формируются антропогенно-модифицированные или антропогенные комплексы, дальнейшее развитие и сохранение которых будут зависеть от направления хозяйственной деятельности. Можно привести множество примеров, когда в нарушенном ландшафте начинают преобладать восстановительные процессы, как только источник «раздражения» перестает действовать.

События, связанные с политическими и геополитическими причинами. Политические события, связанные с военными действиями, также могут проявляться на изменении ландшафтов. Множество таких примеров можно привести по пограничным территориям Северо-Запада России и Шведского государства: во время военных действий коренное население покидало нестабильный регион, хозяйственная деятельность здесь прекращалась и восстанавливалась естественная растительность на бывших пахотных угодьях.

События, связанные с социальными причинами. Социальные события проявляются в изменении ландшафтов через демографические взрывы, кризисы, миграции, эпидемии, голод – посредством увеличе-

ния пахотных угодий в том регионе, где произошло событие, либо в отдаленном, но имеющим с первым определённые (территориальными, этническими, религиозными и др.) связи. Рассмотрим пример социального события, вытекающего из административно-территориальных реформ.

За историю развития России только за последнюю сотню лет, в связи с проведением процессов индустриализации, модернизации и урбанизации, прослеживается три этапа в преобразовании (уничтожении) крестьянских хозяйств: коллективизация (1927–1932 гг.), укрупнение сельских поселений (1956–1964 гг.), перестройка (1985–1991 гг.), в каждом из которых наблюдается забрасывание сельскохозяйственных угодий, сокращение площади пашни, зарастание бывших угодий вторичным лесом, освоение целинных и залежных земель и другие события. Наряду с этим идёт создание сельскохозяйственных угодий за счёт уменьшения площади лесов, всё это приводит к антропогенизации и изменению ландшафтов и их морфологических частей.

События, связанные с экономическими причинами. Можно привести множество примеров, свидетельствующих о влиянии определённых экономических событий непосредственно на изменение ландшафтов. Рассмотрим пример, связанный с переселением части крестьянства из центральных районов Европейской России в малонаселённые окраинные местности Азиатской части. По прибытии к месту поселения крестьяне возделывали земли той площади, какая была им под силу. На богатых тёмно-каштановых, выщелоченных чернозёмных почвах южной части Сибири крестьяне получали богатые урожаи с малыми экономическими затратами. Излишки хлеба отправляли по Сибирской железной дороге (Красноярск – Объ – Челябинск – участки новых линий, сооружавшиеся на 1 января 1899 г.)[1] к западной границе России для продажи в Западную Европу, тем самым создавая конкуренцию западно-российским помещикам, поскольку хлеб, выращиваемый в Европейской части, был дороже. Для восточных поставщиков хлеба перевозка по железной дороге была очень дешёвой: чем длиннее расстояние, тем дешевле перевоз.

Правительство приняло решение, называемое Челябинским переломом, которое предусматривало повышение тарифов на железной дороге на запад от Челябинска, после чего сибирскому крестьянину стало невыгодно продолжать производить хлеб. Следом за принятием этого экономического документа крестьянам Сибири пришлось пересмотреть структуру своего хозяйства: начали забрасывать пашню, на её месте естественным путём создавались луга и крестьянство вынуждено было наряду с сокращением зернового хозяйства заниматься молочным и молочно-мясным животноводством. Производили боль-

[1] Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. С. 356.

шое количество сливочного масла и везли его до Челябинска по дешёвым тарифам, а дальше по северным железнодорожным веткам (линия Пермь – Котлас, Вятка – Котлас), которые не облагались повышением тарифа, на Русский Север, в Архангельск, крупный морской порт, для торговли с западно-европейскими государствами.

На юге Сибири в результате изменения специализации сельского хозяйства шло запустение земель. Бывшие пахотные угодья превращались в залежные земли. Происходила дифференциация ландшафтов: часть территорий продолжали использовать под пашни (с наиболее плодородными почвами), другие под пашни и пастбища, третьи зарастали мелколиственным лесом на срок до 8–15 лет для восстановления плодородия (переложная система земледелия). Для сельскохозяйственного использования далеко не все лесные урочища были пригодны: осваивались террасовые, междуречные, озёрные равнины. Большие лесные площади находились на разной стадии лесовосстановительной сукцессии. Для многих природных комплексов характерна смена лесных, луговых и пашенных угодий, что просматривается в современном рисунке ландшафта. В ландшафте, имеющем современные сельскохозяйственные угодья и участок леса, всегда просматриваются следы сельскохозяйственного использования в прошлом. Эти следы фиксируются по морфологии почвенного профиля, наличию искусственно выровненных участков, относительной молодости древесного яруса, а также отсутствию валунов (в ледниковых ландшафтах) в результате чистки пахотных угодий.

События, связанные с техногенными причинами. Трансформация ландшафтов происходит в результате интенсивного технического внедрения в природную среду людей, которые в процессе хозяйственной деятельности преобразуют естественные процессы и явления, в результате чего создаются особые условия на земной поверхности. Можно констатировать изменения, происходящие в каждом компоненте ландшафта, под влиянием техногенной деятельности.

В современной классификации техногенных воздействий выделяются виды эмиссионных воздействий, фоново-параметрические, ландшафтно-деструктивные, каждое из которых определённым образом влияет на ландшафты и приводят к изменению геокомплексов. Процессы трансформации отдельных компонентов природы можно рассмотреть на примере самого консервативного в ландшафте – литогенной основы.

Ю. П. Селиверстов выделял следующие группы трансформаций только в литогенном основании ландшафта: «новообразования, связанные с деятельностью людей, в виде различных насыпей, завалов, подтоплений; создание искусственных неровностей, изменение естественных уклонов и форм рельефа; конструирование искусственных неровностей в форме разнообразных строений и комплексов; накоп-

ление антропогенных и техногенных материалов, с отличающимися от природных веществ свойствами; повышение физической, химической и биологической интенсивности природных процессов, усложнение и преобразование их реакций с литогенным основанием; перераспределение зон природной денудации и аккумуляции»[1]. Если В. И. Вернадский называл человека «новой геологической силой», то Ю. П. Селиверстов, рассматривая только один компонент ландшафта – литогенную основу, уточняет, что «человек становится рельефообразующим фактором»[2]. Таким образом, человек меняет облик земной поверхности, создавая антропогенные формы рельефа (терриконы, отвалы, котлованы, траншеи, карьеры, плотины, дамбы и т. д.), которые коренным образом изменяют или уничтожают другие природные компоненты и ландшафты в целом. Учитывая, что изменения рельефа происходили в течение всей человеческой истории, в современных условиях может формироваться самостоятельная отрасль ландшафтной науки, изучающая последствия преобразования ландшафта под воздействием антропогенного рельефа.

Точно также, рассматривая другие компоненты природной среды можно констатировать изменения как внутри компонента, так и природного комплекса в целом. Антропогенный прессинг на водные объекты проявляется в изменении водных запасов, гидрологического режима водных объектов и сказывается на качестве вод. В процессе хозяйственной деятельности человек оказывает влияние на составляющие водного баланса: осадки, испарение, сток, причём степень воздействия на каждый элемент различна.

Классификацию этих групп событий можно дополнить рассуждениями о размерности событий. Она даёт общее представление о значении роли события для историко-географического исследования конкретной территории. Кроме общего значения, категория «событие» имеет смысл при изучении дифференциации территории под влиянием размерности происходящих событий. Поскольку пространственная историко-географическая дифференциация связана с периодизацией, то историко-географическую периодизацию и районирование следует рассматривать как историко-географические следствия глобальных и эпохальных событий.

Историко-географическая периодизация строится на анализе исторического и географического материала, его систематизации. А материал представлен событиями, явлениями, процессами. В основу

---

[1] Селиверстов Ю. П. Понятие экогеоморфологии // Основы геоэкологии: учеб. / под ред. В. Г. Морачевского. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. С. 77–79.

[2] Селиверстов Ю. П. Геоэкологические аспекты антропогенизации природной среды // Основы геоэкологии: учеб. / под ред. В. Г. Морачевского. СПб.: СПбГУ, 1994. С. 99.

хронотаксонов различных рангов положены события разных масштаба и значимости, которые характерны для любого участка территории. В табл. 4 приведён пример анализа событий, происходящих на конкретной территории, и показано построение логической схемы характеристики историко-географического хронотаксона[1].

Таблица 4

Логическая структура событийного процесса при характеристике историко-географического периода

Временные вехи внутри хронотаксона	События, соответствующие вехам
Начальная	Начальные события, инициирующие выделение хронотаксона или событие – точка отсчёта для обозначения его во времени
Центральная	Событийный процесс центральной части хронотаксона: группа (серия) событий, характеризующая процесс развития территории в середине хронотаксона
Заключительная	Порубежное концевое или замыкающее событие

Хронотаксон получает обозначение в виде временных рамок на основании анализа всего набора событий, имеющих место для рассматриваемой территории. Отрезок времени делится (опять на основании анализа всех событий) на три части в связи с вехами: начальной, центральной, заключительной. Временной процесс включает начало, наивысшую точку в развитии и спад событийного процесса.

1.4.3. Методика проведения историко-географической периодизации освоения ландшафтов региона

Как уже отмечалось, периодизацией занимаются в первую очередь историки, которые подходят к периодизации с позиции времени. У историко-географов задача сложнее: наряду с временным необходимо принимать во внимание и пространственный аспект. В историко-географических исследованиях деление всего «исторического времени» на части осуществляется с целью выявления масштабов освоения, где необходимо учитывать темпы роста численности населения, увеличения числа видов природопользования, что позволяет констатировать роль антропогенного фактора в преобразовании ландшаф-

[1] Вампилова Л.Б. Исторические события и их географические следствия // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 7. 2006. Вып. 4. С. 116–121.

тов. Значительный перечень вопросов, отражающих задачи историко-географических исследований, свидетельствует о необходимости деления «исторического времени» на хронопласты разного ранга, поскольку только изучение отдельных дискретных временных единиц позволяет объективно оценить историко-географическую ситуацию как на отдельных временных срезах, так и за историческое время в целом.

Началом проведения исследования, т. е. историко-географического анализа региона, является историко-географическая периодизация, имеющая большое значение в географической науке для ретроспективного анализа изменения природной среды за историческое время. Основные её положения строятся на базе исторической периодизации. Наиболее значимый вклад в решение проблемы историко-географической периодизации внёс В. С. Жекулин. Его многочисленные публикации пронизаны идеей подробного рассмотрения периодизации с целью осуществления оценки современного состояния ландшафтов, создания классификации антропогенно-измененных ПТК, разработки надёжных ландшафтно-географических прогнозов. Главное назначение историко-географической периодизации – выявление временных границ в процессе хозяйственного освоения и заселения региона любого таксономического ранга, выделение исторических срезов. В качестве временных единиц выступают подразделения: эпоха, период, этап. Временной аспект, как это представлено выше, проявляется в историко-географической периодизации, а пространственный, посредством метода синтеза – в историко-географическом районировании.

На сегодняшний день не разработана единая система единиц историко-географической периодизации. По этой причине историко-географы пользуются различными временными единицами, заимствованными из других областей знаний. Нами предложено использование ***событийного подхода,*** который сводится к анализу событий, происходящих в регионе на разных временных промежутках. Понятие «историческое событие» вводится в научный оборот исторической географии как историко-географическая категория, что связано со специфической необходимостью при выполнении историко-географических исследований оперировать огромным количеством информации. Названная категория освобождает исследователя от подробного изложения тех или иных сведений по региону и позволяет проводить комплексный историко-географический анализ региона – как путь установления ключевых для судеб изучаемой территории событий и вызванных ими следствий.

При анализе истории освоения территории мы рассматриваем «события» трёх типов следствий.

1. Событие, меняющее направление развития геосистемы, радикально, одноразово.

2. Событие, имеющее следствием последствия. «Посттехногенез» – само воздействие давно прекращено, но следствие действия продолжается.

3. Событие малозначительно, но оно является маркером. Маркер – свидетельство того, что в определённый момент времени произошло глобальное изменение.

Из историко-географической периодизации вытекает дискретность во времени, характерная для любого региона. Пользуясь временными единицами, разработанными в геологии (эра, период, эпоха, век) и в археологии (эпоха, период, век), можно на основе событийного подхода, обобщая эти единицы, предложить для историко-географической периодизации (поскольку она относится к интегральным) следующую иерархию.

Самое крупное подразделение – эпоха (система) – объединяет несколько периодов и веков (преимущественно, археологических) или систему временных срезов, относящихся к одному времени (например, средневековью; в отечественной истории отсутствует деление средневековья на раннее, среднее и позднее, т. е. это достаточно продолжительное время, охватывающее несколько веков с VIII по XVII).

Эпоха как единица историко-географической периодизации – это временной интервал, исчисляющийся отрезком от нескольких тысяч до нескольких десятков лет, характеризующийся событиями глобального масштаба в изменении историко-географической ситуации крупного историко-географического региона ранга страны, области (земли), провинции. Как правило, это совокупность событий, знаменующих переход от одной системы природопользования к другой.

Если мы принимаем термин «эпоха» как самое крупное временное подразделение для историко-географической периодизации, то этот хронотаксон должен делиться на более мелкие единицы.

Период – единица периодизации, являющаяся составной частью эпохи. Это отрезок времени с чётко очерченными границами, включающий события регионального масштаба, повлекшие за собой изменения в триаде «природа-население-хозяйство» или в одной из её составляющих (события могут быть природными, политическими, социальными, экономическими, историческими, техногенными). Внутри периода события выполняют функцию порубежного, исходного или заключительного.

Внутри периодов выделяются историко-географические э*тапы* – хронотаксоны, ограниченные событиями локального или точечного масштаба, которые ведут к качественным изменениям на топологическом уровне в природе, обществе, природопользовании. Не все периоды возможно разделить на этапы, поскольку внутри периода не

всегда выявляются уникальные события, являющиеся знаковыми для отдельной части территории, но остающиеся рядовыми для региона в целом. Таким образом, события топологического уровня способствуют выделению не только дискретных временных отрезков, но и дифференцируют пространство, поскольку географические следствия этих событий проявляются локально.

Наряду с обозначенными единицам периодизации возможно выделение более дробных таксонов, таких как фаза и стадия, при этом каждый связан с событиями определенного уровня.

В соответствии с хронотаксонами, выделяемыми в историко-географической периодизации той или иной территории, исследователь использует разные сведения, пользуется различными источниками, поэтому анализ имеющейся информации требует комплексного подхода.

Сложность характеристики хронотаксонов сводится к различным уровням описаний, где должны быть представлены разные единицы периодизации. Иерархия событий сводится к тому, что значимые (экстраординарные, сложные, парадоксальные, рутинные, критические, внешние и внутренние, инициирующие, учредительные, случайные, или их группы) события получают освещение при характеристике крупных единиц историко-географической периодизации (глобального и регионального уровня, т. е. эпохи и периода), а события локального уровня (рядовые, элементарные, единичные, разовые) – при описании более дробных (этапов, фаз, стадий).

При изложении материала по характеристике хронотаксона следует чётко дифференцировать события по значимости. Максимальным событием может начинаться и заканчиваться период, оно может также выступать как центральное. Начальные (инициирующие) события, ведущие к изменению ситуации, могут быть названы порубежными. К числу инициирующих также могут быть отнесены несколько рядовых взаимосвязанных событий, которые в своей совокупности дают толчок к началу новой ситуации в регионе или его части.

После того, как произошло начальное инициирующее событие и уже есть его проявление в различных сторонах жизни, событийный процесс разворачивается посредством совокупности (серии) центрально-этапных или внутриэтапных событий, отражающих пространственную организацию в различных аспектах человеческой деятельности (политической, природопользовательской, освоенческой, заселенческой, экономической и др.), имеющих проявление на протяжении этапа.

Ближе к концу периода может ещё раз совершиться максимальное по значимости для региона событие, по масштабам близкое к начальному, которое может быть названо порубежным концевым или

замыкающим для данного периода. При условии отсутствия важного замыкающего события, достижение кульминационного состояния, времени, когда заканчивается количественное или качественное развитие событийного процесса, может происходить при условии взаимодействия двух или более процессов, когда становится возможным определение дальнейших тенденций: стабилизации, переход в качественно новое состояние, спад состояний и др.

При характеристике периода следует показать специфику и дифференциацию освоения, проявляющуюся, например, в этнических особенностях (смене этноса и последствиях с этим связанных), культуре, хозяйстве, освоении и использовании ландшафтов, проявлении антропогенной нагрузки на природные комплексы.

Важен фактор, который определяет специфику ландшафтной дифференциации процесса хозяйственного освоения: каково разнообразие ландшафтной структуры региона освоения, какова специфика использования составных частей ландшафтов.

Характеристика каждого выделенного хронотаксона требует анализа своих (в плане одного временного отрезка) материалов, а соответственно и своих подходов, методов анализа. В частности, находит применение подход одновременности или синхронистический. Суть подхода ***синхронности – «одновременности»*** заключается в том, что информация о свойствах каждого из компонентов триединства «ландшафт – этнос – природопользование» подбирается примерно на один сравнительно небольшой отрезок времени. Возникает задача определить те отрезки времени, которые подлежат реконструкции. Это обуславливается двумя основаниями:

- важностью отрезка времени в истории региона для понимания территории;

- обеспеченностью необходимой информацией на важный с историко-географических позиций отрезок времени.

Синхронистический подход предусматривает параллельное изучение процессов изменения природных компонентов, ландшафтов, природопользования, населения, экономики, политического устройства, этносов, исследование влияния этих процессов на формирование и функционирование современных геосистем и осуществление реконструкции исследуемой территории на каждый период её освоения.

Как уже было отмечено, периодизация – это дробление глобального временного отрезка, связанного с появлением человека на конкретной территории, называемого доисторическим и историческим временем, на части в соответствии с событиями разного масштаба. Наряду с дифференциацией времени наблюдается пространственная дифференциация. Для каждого хронотаксона характерны простран-

ственные изменения в триединстве «ландшафт – этнос – природопользование». Эти изменения отражаются на схемах, которые создаются для каждого периода. Например, для территории Северо-Запада России, могут быть созданы картографические схемы временных срезов Древнейшей, Средневековой и Имперской эпох. На этих схемах получат отражение ареалы расселения различных этнических групп, транспортные магистрали, фортификационные сооружения, основные направления хозяйства, виды природопользования и т.д. Таким образом, картографический материал, с одной стороны, является визуализацией уже полученных сведений, а с другой – основой для дальнейшего анализа и последующего создания схем историко-географического районирования региона.

Следующим этапом историко-географической периодизации является сравнение каждого последующего хронопласта с предыдущим с целью «связать исторические срезы и определить общие тенденции развития географического объекта за историческое время»[1]. Для этого целесообразно использовать диахронический подход, позволяющий выявить всесторонние изменения основных составляющих исторического процесса (природы, населения и хозяйства). Для сравнения могут быть использованы разные критерии: изменение лесистости, распаханность территории, общая степень её освоенности; ландшафтные типы расселения, людность поселений, плотность населения; набор видов природопользования – все они так или иначе отражают смену историко-географических ситуаций в регионе за историческое время и способствуют фиксации времени становления антропогенного фактора.

Периодизация может использоваться как инструмент познания процесса освоения, рассматриваемого во временной координате. Как правило, цель историко-географической периодизации – выявление временных границ в процессе хозяйственного освоения и заселения региона. Временных единицами могут выступать самые разные подразделения: исторические эпохи, периоды, этапы. Общее название для всех единиц – хронотоп/хроносрез. Археологические эпохи, периоды длятся тысячелетия, а хронотопы, приближённые к современности, измеряются десятками лет[2]. Нами предложен алгоритм проведения историко-географической периодизации, применимый к региону любого ранга.

---

[1] Жекулин В. С. 1982. Указ. соч. С. 84.

[2] Вампилова Л. Б. Категория времени в исторической географии // Историческая география на рубеже веков: сб. науч. тр. к 80-летию со дня рождения В. С. Жекулина (1929–1989). СПб.: СПбГУ, 2010. С. 18–42.

Алгоритм проведения историко-географической периодизации

I. Постановка проблемы: цель создания историко-географической периодизации.

II. Отбор и анализ информации, значимой с точки зрения событийности.

III. Выстраивание выбранных событий в хронологической последовательности и формирование событийного ряда на линии времени (хронология исторических событий региона, историческая периодизация).

IV. Дифференциация событий по сферам проявления (природа, население, хозяйство), по размерности событий для региона (глобальные, региональные, топологические, точечные) и по рангу (эпохальные, исходное событие, событие-ядро, значимые, рядовые, событие-символ, единичные, элементарные).

V. Деление временного континуума на дискретные промежутки эпохальными событиями глобального масштаба (макрособытиями), характеризующими качественный переход от одной системы природопользования к другой. Полученные хронопласты являются историко-географическими единицами высшего ранга – ***эпохами*.**

VI. Отбор внутри каждой выделенной эпохи значимых событий регионального и глобального уровня, повлекших за собой коренные изменения в триединстве «природа – население – хозяйство» или в одном из его составляющих и выделение историко-географических ***периодов*.**

VII. Деление периодов на историко-географические ***этапы*** с учетом пространственной дифференциации региона на основе значимых событий локального и точечного масштаба.

VIII. Характеристика каждого выделенного хронотаксона с позиции триединства «ландшафт – этнос – природопользование».

IX. Реконструкция историко-географической ситуации региона на основе метода синхронного изучения природы, населения и хозяйства в пределах каждого временного среза любого ранга.

X. Картирование пространственных изменений в природе, населении и хозяйстве на каждый временной срез.

XI. Сравнение каждого последующего хронопласта с предыдущим посредством диахронического метода.

XII. Установление времени становления антропогенного фактора.

Выводы. Историко-географическая периодизация (ИГП) выполняет функцию теоретического знания: систематизирует информацию и позволяет провести классификацию и типологию всех событий, происходящих в регионе.

Историко-географический подход позволяет произвести оценку природно-ресурсного потенциала региона, выявить этапы и причины роста численности населения и людности поселений, определить направленность хозяйственной деятельности, начиная с первых этапов освоения и заканчивая современностью, т. е. выявить унаследованность в системе природопользования, оценить экологический потенциал ландшафтов региона и в результате выявить региональные проблемы, которые должны учитываться при разработке вариантов социально-экономического развития административной единицы.

ЧАСТЬ 2. ВРЕМЕННЫЕ СРЕЗЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

2.1. Динамика политического и административно-территориального деления Северо-Запада России

2.1.1. Изменение внешних и внутренних границ в средневековую эпоху

Новгородская земля до второй половины XIV в.

В средние века Новгородская земля представляла собой одно из крупнейших территориально-государственных образований в пределах Восточной Европы. По праву эта земля рассматривается как колыбель российской государственности, ведь именно отсюда пошла династия Рюриковичей. Новгородская земля охватывала большую часть современного Северо-Запада России, а также значительную часть Севера. В период расцвета территория Новгородской земли достигала на севере Белого моря, а на востоке – Уральских гор. Новгородская земля имела выгодное географическое положение, что давало ей возможность быть торговым посредником между зарубежной Европой и русскими княжествами.

Исследованиями территориального устройства Новгородской земли занимались такие учёные, как В.Л. Янин, К.А. Неволин, Н.П. Павлов-Сильванский, Н.Н. Воронин, Б.А. Рыбаков, А.Н. Насонов, А.В. Куза, В.А. Кучкин и др.

Первые исследования в этом направлении были проведены К.А. Неволиным ещё в XIX в. Он активно пользовался писцовыми книгами конца XV–XVII вв. и летописями. Так, он представлял развитие системы новгородских *погостов-округов,* начиная с X по XVII вв., как «различные перемены», которые «происходили в … их числе, названиях, пространстве, составе… Тот вид, в котором погосты являются по писцовым книгам, был последствием продолжительности исторического развития»[1].

Н.П. Павлов-Сильванский, как и другие исследователи, считал, что первоначально погост являлся центром земледельческой общины. Он отмечал, что причины эволюции системы погостов связаны с возникновением феодальных отношений в Древней Руси. Но в связи с утратой общиной управленческо-владельческих функций под «погостом» со временем стали подразумевать церковный посёлок[2].

---

[1] Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1853. С. 93.

[2] Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. Памятники исторической мысли. М.: Наука, 1988.

Б.А. Рыбаков наиболее раннее деление Новгородской земли представлял как «сотенное» (рис. 2), а вот «провинциальные сотни» считал установлением княжеской власти. В частности, это было характерно для XI в. Земли, освоенные немного позднее (с конца XI в. по XII в.), не были охвачены «сотенным» делением[1]. Также Б. А. Рыбаковым было предложено привязать десять «провинциальных сотен» к пятинам – по две на пятину (к Шелонской – Лужская и Княжая «сотни», к Водской – Водская и Лопская «сотни», к Обонежской – Волховская и Обонежская «сотни», к Деревской – Ржевская и Яжелбицкая «сотни» и к Бежецкой – Бежецкая «сотня» и Помостье). Таким образом, им было показано, что пятинное деление имеет более глубокие корни, опираясь на ранее существовавшее «сотенное» деление[2].

Рис. 2. Сотни Новгородской феодальной республики

---

[1] Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке // Исторические записки. Т. 2. М., 1938. 144 с.

[2] Янин В. Л. Княжеский домен в Новгородской земле // Феодализм в России. М., 1987. С. 119–134; Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 425 с.

Однако существует совсем иное толкование списка новгородских «сотен» в XIII в. Согласно этому толкованию, Княжая «сотня» находилась в южной части Деревской пятины (Стерж, Кунск, Молвотицы, Жабна, Морева, Лопастицы и Буец); Ржевская «сотня» – это Пусторжевская и Великолукская земли; Бежицкая – Бежицкая пятина; Воцкая – Водская пятина, без северной части; Лопьская – лопские погосты в северной части Водской пятины; Обониская – северная часть Обонежской пятины (обонежская и заонежская её части); Луская – Шелонская пятина; Волховская – южная часть Обонежской пятины; Яжелбицкая – Деревская пятина, кроме княжеских домениальных земель[1].

А.Н. Насонов занимался систематизацией знаний по административно-территориальному устройству Новгородской земли. Он считал, что относительно поздние погосты, которые были зафиксированы в писцовых книгах на рубеже XV–XVI вв., не могут служить материалом для изучения древних административных центров. Когда он сопоставлял деление центра Новгородской земли на пятины в конце XV в. с более ранними формами административного деления, он отмечал, что земли, не вошедшие в пятины, в XII–XIII вв. находились в совместном управлении Новгородской и Владимирской земель[2].

А.В. Куза считал, что в домонгольскую эпоху Новгородская земля была разделена на две зоны – ядро и окружающие его волости-провинции[3].

Одним из наиболее ранних сведений о наличии внутреннего административно-территориального деления было сообщение в летописи о поездке княгини Ольги по территории Новгородской и Псковской земель. Именно тогда, в 947 г. княгиня разделила земли на погосты и установила уроки.

Сведения об административно-территориальном делении Новгородской земли вплоть до 1490 г. очень скудны. По всей видимости, уже до введения пятин существовало деление земли на более мелкие единицы – погосты. Но границы пятин не везде совпадали с границами погостов. Например, границей между Водской и Обонежской пятинами являлась р. Волхов, тогда как большинство погостов включало территорию по обоим берегам реки[4].

Новгородская земля в XI в. граничила с Полоцким княжеством, о чём свидетельствуют новгородско-полоцкие конфликты 1021 и 1065–1067 гг. А в первой половине XII в. Новгородская земля граничила на

---

[1] Фролов А. А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVII века (в контексте истории территориальных юрисдикций) // Историческая география. Т. 2 / отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2014. 560 с.

[2] Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 282 с.

[3] Куза А. В. Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 168 с.

[4] Амбросиани П. Историческая топонимика Новгородской земли: названия погостов Водской пятины. URL: http://www.academia.edu.

юге со Смоленским княжеством (рис. 3). Южные границы обычно маркировались погостом Буйцы (вплоть до начала XVI в.).

В XI в. (1030 г.) Ярославом Мудрым был основан Юрьев и примерно в то же время Псков становиться «пригородом» Новгорода. Под новгородским влиянием в это время находились финно-угорские народы, в первую очередь это чудь, водь (со второй половины XI в.), корела (первая половина XII в.), ижора (первая половина XIII в.) и др.

В самом начале XII в. под влиянием Новгорода оказалась Ладога, которая ранее представляла полузависимое от Киева ярлство. Новгородцы активно осваивали северные и северо-западные районы, что позволило им впоследствии собирать дань с других народов, например с печёры. В течение XI в. их контроль распространился на многие земли Русского Севера: не позднее середины XI в. – на Тихменгу и Емцу, не позднее второй половины XI в. – на Вагу до её устья, не позднее первой четверти XII в. – на Пинегу[1].

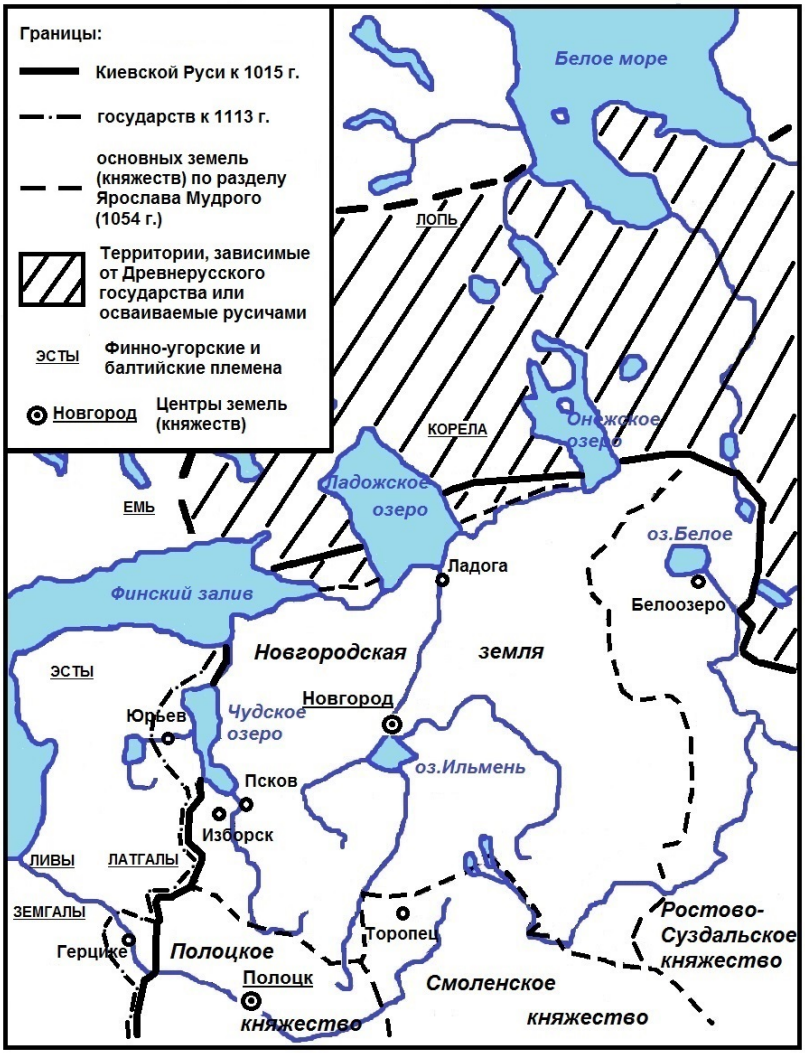

Рис. 3. Новгородская земля в XI в. (1015–1113 гг.)

[1] Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Вел. Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2001. 152 с.

Более детальные известия о южных рубежах Новгородской земли в основном можно получить по источникам XV в. По мнению В. Л. Янина, ко второй четверти XII в. обозначается новгородско-смоленская юрисдикция у земель, составляющие южное пограничье Новгородской земли. Стоит отметить, что волости Морева, Белила, Мовотицы, Жабна, Стерж, Лопастицы и Буйцы были переданы Новгородской земле киевским князем Мстиславом Владимировичем из состава смоленских земель[1].

После смерти Мстислава Владимировича Новгородская земля фактически стала частью древнерусской конфедерации, и тогда в ней возникли некоторые элементы суверенной государственности. В дальнейшем началась борьба между новгородцами и князьями Северо-Восточной Руси (в середине XII в.) за сферы влияния на приграничных территориях от Волока Ламского до Заволочья (рис. 4).

Рис. 4. Новгородская земля в первой половине XIII в.

[1] Фролов А. А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVII века (в контексте истории территориальных юрисдикций) // Историческая география. Т. 2 / отв. ред. И. Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2014. 560 с.; Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М.: Издательство МГУ, 1998. 216 с.

В XII в. Новгородская земля делилась на ряды (ранее – округа), которые носили одинаковые названия с пятинами – Вотьская земля, Обонежский и Бежецкий ряд, Шелонь, Дерева[1]. В уставе князя Святослава Ольговича 1137 г., сохранившемся в виде приписки к Синодальной кормчей 1280-х гг. и хорошо исследованном В. Л. Яниным, содержится подробное описание древнейшей территориальной структуры новгородского Заволочья, где погосты в основном локализуются по рекам Сухоне, Онеге, Северной Двине и Пинеге[2].

Как отмечается в одной из статей А. А. Фролова[3], территориально-административная структура Новгородской земли в середине XIII в. имела следующий вид: 1) новгородская метрополия – это так называемая зона новгородской юрисдикции, которая включала восемь крупных регионов – «волостей», а также округу городов Русы, Ладоги, район городков на Шелони и городка Демана; 2) периферийная зона, которая находилась в сфере более сложных схем юрисдикции, т. е. часть прерогатив принадлежало не новгородской власти, а князьям Владимирского княжества на северо-востоке и востоке и Смоленского – на юге. Нечто похожее возможно было и в северных землях Новгорода, а именно, это касается совместного сбора дани со Швецией и Норвегией. В XIV в. Новгородская земля подписала договоры со Швецией и Норвегией по вопросу сбора дани.

В 1348 г. Псковская земля вышла из-под власти Новгорода и приобрела независимость (рис. 5). Единственный вопрос, в котором Псков оставался зависимым от Новгорода, был церковный. Но необходимо отметить, что черты самостоятельности Пскова стали проявляться ещё в XII–XIII вв.[4] Особый статус в XIV в. получили земли Ржевы Пустой и Великих Лук, а в XV в. – Холмский погост[5].

---

[1] Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Вел. Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2001. 152 с.

[2] Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности // Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. VIII. М., 1952. С. 18–24.

[3] Фролов А. А. 2014. Указ. соч.

[4] Янин В. Л. «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII–XV вв. // Отечественная история, 1992. № 6. С. 3–14.

[5] Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М.: Издательство МГУ, 1998. 216 с.

Рис. 5. Новгородская земля в XIV – начале XV в.

Новгородская земля во второй половине XIV–XV вв.

Новгородская феодальная республика существовала с 1136 по 1478 гг. Конфедерация, возглавляемая Великим княжеством Владимирским, прекратила своё существование. И территории, которые находились в совладении, стали испытывать кризис. Эти территории оказались в совместном управлении с Великим княжеством Московским и Великим княжеством Литовским. Причём такое положение приводило нередко к вооружённым конфликтам.

В 1397 г. Двинская земля, Волок Ламский и Бежичи уже фактически находились под управлением Москвы. Бежецкий Верх новгородцы до конца считали своей «волостью»[1]. Затем, между 1397 и 1456 гг. новгородцы утратили контроль над Вологдой и её землями.

[1] Янин В. Л. Из истории новгородско-московских отношений в XV в. // Отечественная история. 1995. № 3. С. 150–157.

Бежичи окончательно перешли к Москве в первой половине XV в., в 1456 г. по Яжелбицкому миру новгородцы лишились земель по рекам Пинега и Мезень. Во второй половине XV в. к Москве окончательно отошёл Волок Ламский, в 1475 г. Новгород утратил Двинские земли[1] (рис. 6, 7).

Епархиальное деление дало названия новгородских пятин на рубеже 1470–1480-х гг. и полупятин во второй половине XVI в., причём все остальные церковные десятины получили свои названия от объектов, расположенных в пределах соответствующих территорий[2]. К моменту ликвидации Новгородского государства ядро Новгородской земли состояло из тысячи мелких, средних и крупных волосток, объединённых вокруг погостских (приходских) центров. В пределах территорий, описанных в составе пятин, насчитывалось более 360 приходских центров[3].

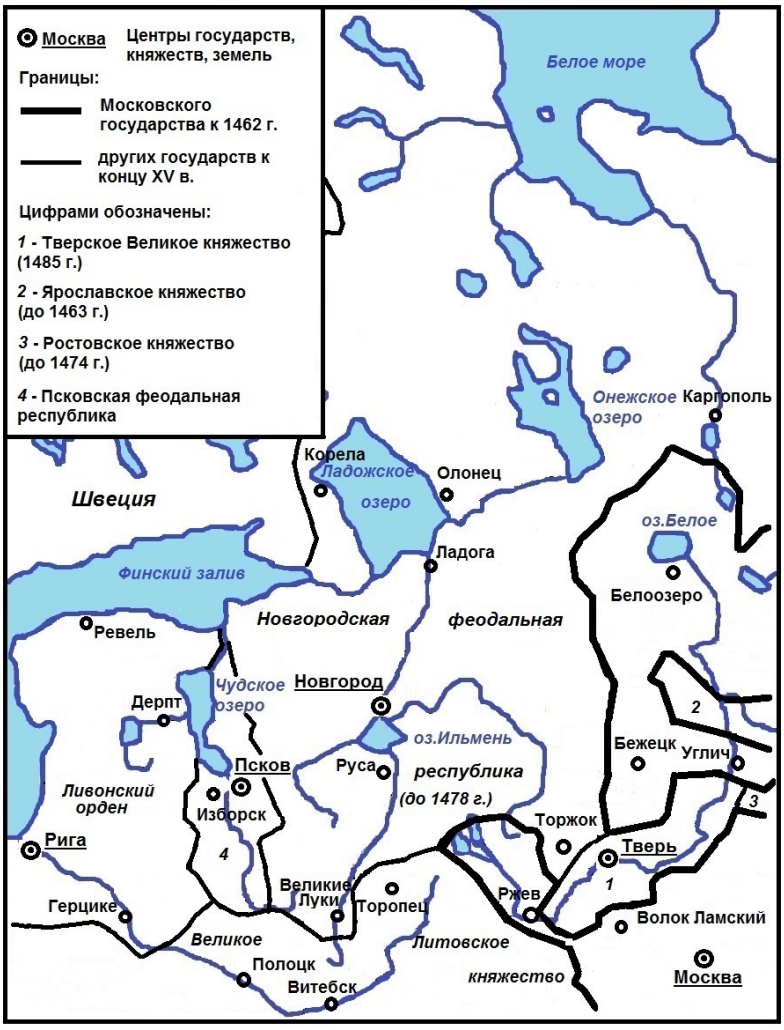

Рис. 6. Новгородская земля во второй половине XV в.

---

[1] Янин В. Л. Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50–70-х гг. XV в. // Исторические записки. Т. 108. М., 1982. С. 189–214.

[2] Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 282 с.

[3] Фролов А. А. Указ. соч.

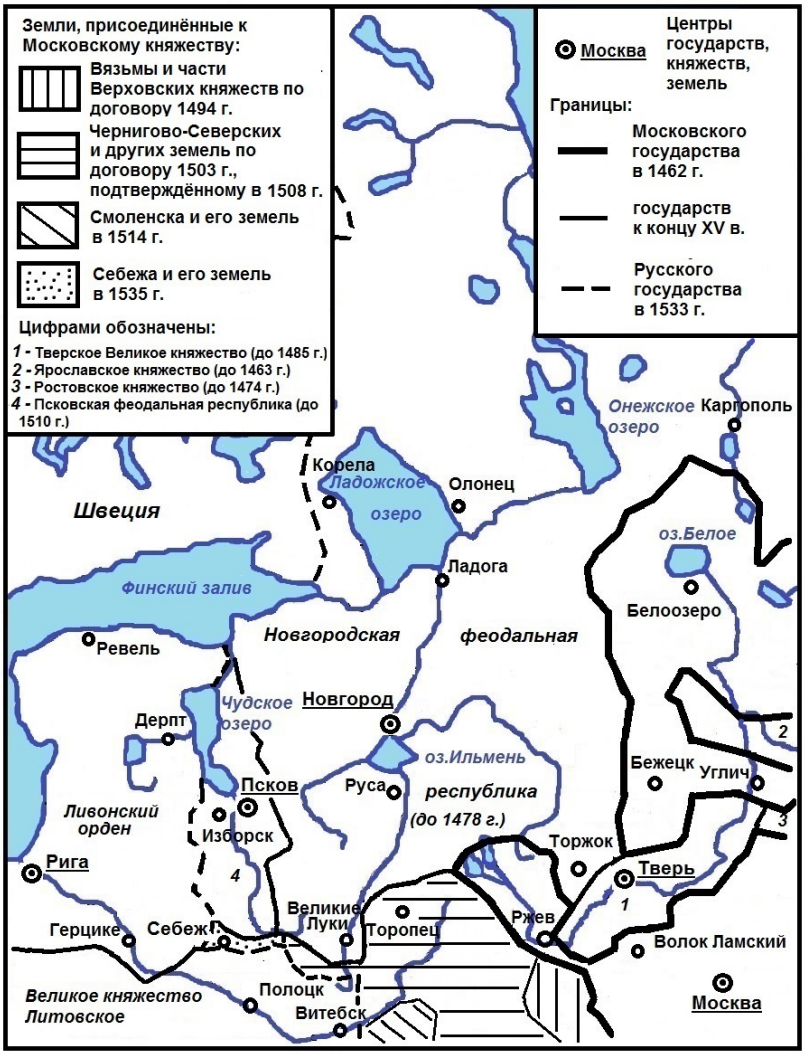

Рис. 7. Новгородская земля во второй половине XV – первой половине XVI вв.

Границы присудов разрезали территории погостов-округов. В древнейшей книге Деревской пятины (1495–1496 гг.) содержится описание территориальной структуры присуда. Так, на территории мстинско-ловатского междуречья, которая в конце XV в. составила Деревскую пятину, было три присуда: Новгородский, Деманский и Курский. Вероятно, что в основе уездов, которые были известны по другим писцовым книгам остальных новгородских пятин, также лежали присуды, существовавшие до присоединения Новгорода к Москве[1]. Наиболее значительные размеры имел Новгородский присуд. По некоторым сведениям писцовых книг можно предположить, что внутри него существовало деление по группам погостов, которые были подконтрольны одному волостелю.

Вне системы присудов находился Холмский погост с пятью волостями, которые в начале XVI в. были исключены из состава Деревской пятины и образовали Холмский уезд. Холмский погост и волости со-

[1] Фролов А. А. Указ. соч.

хранили своё управление, которое было присуще ранним, довотчинным погостам, когда границы не требовали чёткого определения в фискальных целях.

Пусторжевская и Великолукская земли, а также Холмский погост, Морева, Молвятицы, Стерж, Кунско, Березовец, Лопастицы, Буйцы и Жабна платили налоги не только Новгороду, но и Великому княжеству Литовскому. Подтверждением этого являются договоры 1431, 1441–1442 и 1471 гг. Эти земли относились к так называемому «Новгородскому Чернокунству»[1].

Многие из перечисленных территорий (Морева, Молвятицы, Стерж, Кунско, Березовец, Лопастицы, Буйцы и Жабна) в писцовых описаниях именовались «волостями», а не погостами, что было характерно для всей остальной части Новгородской земли. Исключение составлял Холмский погост, который вместе с Моревой и Велилой делился на «десятки». Об этом свидетельствуют писцовые книги Деревской пятины конца XV в. (1495–1496 гг.). В данном историческом источнике упоминалось 4 стана и 9 десятков. Хотя ещё в 1471 г. Холмский погост делился на перевары. Лазаревский стан включал в себя десятки: Замошский, Лукинский, Хлавицкий, Заечков, Стерженский. В Кунский стан входили десятки: Зуевский, Голибинский, Прилуцкий, один без названия. Ратновский стан включал в себя Муравьевский десяток. Морховский стан включал в себя десяток без названия. В других источниках уже упоминалось 5 станов: Хлавицкий, Кунейский, Морховский, Загорский, Ратновский. В дальнейшем появляется новый список станов: Лазаревский, Кунейский (Куневский), Морховский, Загородцкий, Ратновский, Муравинский и Черепенский (Черепеский погост). В Мореве было 12 десятков: Погостский, Семеновский, Туковский, Толочинский, Селецкий, Бродцкий, Жабенский, Устьморевский, Крековский, Одоевский,Чепятинский и Бельский. В Велиле было 8 десятков: Погостский, Порецкий, Добрецкий, Иломский, Замошский, Ляховицкий, Голодушский, Ополецкий. Волость Жабна делилась на «концы»: Луцкий, Жаровский, Гранитцкий, Чигаревский, Повиткинский, Клуборьский и Вятичи. Соседние земли (Торопецкая и Ржевы Володимеровой) также включали «волости». Торопецкая земля делилась на «перевары», в некоторых источниках есть упоминание о «десятках» (Лобенский, Сушков и др.) и о «концах» (Путянин у оз. Торопецкого, Березов, Кузнецов, Москотов и др.). Все рассматриваемые волости были единовладельческими.

В состав Пусторжевской земли в XV в. входили следующие погосты: Бардовский и Ошевский, в составе которых выделялись трети или губы. Что примечательно, деление на губы в первую очередь было характерно для Псковской земли. В конце XVI в. (по данным писцо-

[1] Янин В. Л. 1998. Указ. соч.

вой книги 1583 г.) в составе Пусторжевской земли отмечалось 8 станов: Борутцкий, Оршанский, Ополенский, Ошевский, Кудеверский, Полиский, Пятницкий и Влицкий. Но этот список, вполне вероятно, не полный. Кроме вышеперечисленных станов, в состав земли входили Туровский, Олянский, Острейский и Подгородный (окрестности г. Заволочья) станы. Эти территории были присоединены к Пусторжевской земле в XVI в. Заволочье при этом был основан в 1536 г. и стал административным центром Пусторжевского уезда.

В писцовых книгах XVII в. в составе Великолукской земли упоминаются 15 станов (Михайловский, Дунянский, Горожанский, Недеинский, Локновоцкий, Миритиницкий, Хрянский, Раменский, Бологоцкий, Горецкий, Спасский, Сельчецкий, Никольский, Славуйский и Липецкий)[1].

Новгородская земля в XVI в.

Административно-территориальное деление Новгородской земли в конце XV в. было представлено пятинами, которые со второй половины XVI в. делились на половины. Вероятно, что пятинное деление в Новгородской земле появилось после присоединения территории к Московскому государству в 1478 г. Известно, что оно накладывалось на более древнее – на волости, уезды (присуды), погосты и станы. В каждой пятине было по нескольку присудов (уездов), в каждом присуде – по нескольку погостов и волостей[2]. Впервые границы новгородских пятин были нанесены на карту Д. И. Языковым, которой он снабдил перевод работы А. Х. Лерберга [18]. В Новгородской земле было 5 пятин: Водская (междуречье Волхова и Луги); Обонежская (междуречье Волхова и Мсты); Бежецкая (междуречье Мсты и Мологи); Деревская (междуречье Мсты и Ловати) и Шелонская (от Ловати до Луги)[3].

Некоторые территории, которые позднее были освоены новгородцами, не вошли в пятинное деление и образовали ряд особых территорий-волостей, например, Заволочье или Двинская земля – по Северной Двине от Онеги до Мезени, Пермь – по Вычегде и верховьях Камы, Печору – по реке Печоре до Уральского хребта и Югру – за Уральским хребтом.

Описания пятин конца XV в. выглядит не совсем логичными. Во-первых, в Обонежскую пятину писцами были включены обширные территории заонежских погостов вплоть до Белого моря, а в Водскую пятину – большие территории северной Карелии, которые были насе-

---

[1] Янин В. Л. 1998. Указ. соч.

[2] Фролов А. А. Указ. соч.

[3] Ключевский В. О. О новгородских пятинах. URL: http://rushist.com/index.php/russia-children/2126-novgorodskie-pyatiny.

лены лопарями, т. е. видно, что эти земли не могли принадлежать метрополии Великого Новгорода. Во-вторых, в пятинное деление не были включены земли Пустой Ржевы и Великих Лук[1].

На рубеже XV–XVI вв. в новгородских пятинах насчитывалось 12 уездов: Новгородский, Ладожский, Копорский, Ореховский, Ямской, Корельский, Русский, Порховский, Ивангородский, Кошкина Городка, Вышгородский, Высокогородский, однако уже в первой половине XVI в. три последние уезда были упразднены, а их земли включены в состав Порховского уезда. Около 1500 г. увеличились в размерах округи, административно подчинённые Орешку и Ладоге.

В третьей четверти XVI в. пятины были разделены на «половины». Их названия стали известны из документов 70–80-х гг. XVI в. В Водской пятине это были Полужская и Корельская половины, в Обонежской – Нагорная и Заонежская половины, в Бежецкой – Тверская и Белозерская половины, в Шелонской – Залесская и Зарусская половины (при этом Старорусский уезд был исключён из системы полупятин и описывался отдельно), в Деревской – Григория Морозова и Жихоря Рябчикова половины. Объём земель каждой полупятины во многом определялся составом территории, которую описывала в конце 1530-х гг. одна писцовая комиссия (каждая пятина описывалась двумя комиссиями).

После войны с Литвой в начале XVI в. за счёт южных земель Деревской пятины был образован Холмский уезд.

В середине 1560-х гг. в связи с учреждением опричнины от Деревской пятины опричному Селижаровскому стану Ржевы Володимеровой были переданы Ясеновичский погост и волость Березовец целиком, а также южные части Жабенского, Полоновского и Посонского погостов и восточная часть волостей Буйцы и Лопастицы. Вплоть до XVIII в. эти земли развивались уже вне Новгородской земли[2].

В 1576 г. ко Ржеве Володимеровой, которая входила в «удел» «князя Московского», был передан ещё ряд земель Деревской пятины. Есть предположение, что ко Ржеве были отписаны Полоновский (северная часть), Буховский (южная часть), Деманский и Молвотицкий погосты. Возможно, что Забороровский, Вельевский, Семеновский погосты, а также северные половины Посонского, Жабенского и Буховского погостов также вошли во «вторую припись».

Либо в связи с прекращением правления Симеона Бекбулатовича (не ранее середины сентября 1576 г.), либо в связи с писцовыми ра-

---

[1] История административной системы Новгородской земли. URL: http://www.protown.ru/russia/city/articles/4253.html.

[2] Шапиро А. Л. Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л.: Наука, 1989. 231 с.

ботами 1582–1583 гг. земли, отписанные ко Ржеве Володимеровой при устройстве «удела», вернулись в состав Деревской пятины.

Граница «опричного времени» была восстановлена. Примерно в таком виде, но с небольшими изменениями, южная граница Деревской пятины существовала до самого упразднения пятин в начале XVIII в. Тяжёлые последствия для Новгородской земли имела Ливонская война. По её итогам, подведённым Плюсским перемирием 1583 г., к Швеции отходили Ивангородский, Копорский, Ямской и Корельский уезды. По Тявзинскому мирному договору 1595 г. Швеция вернула эти земли Русскому царству (рис. 8).

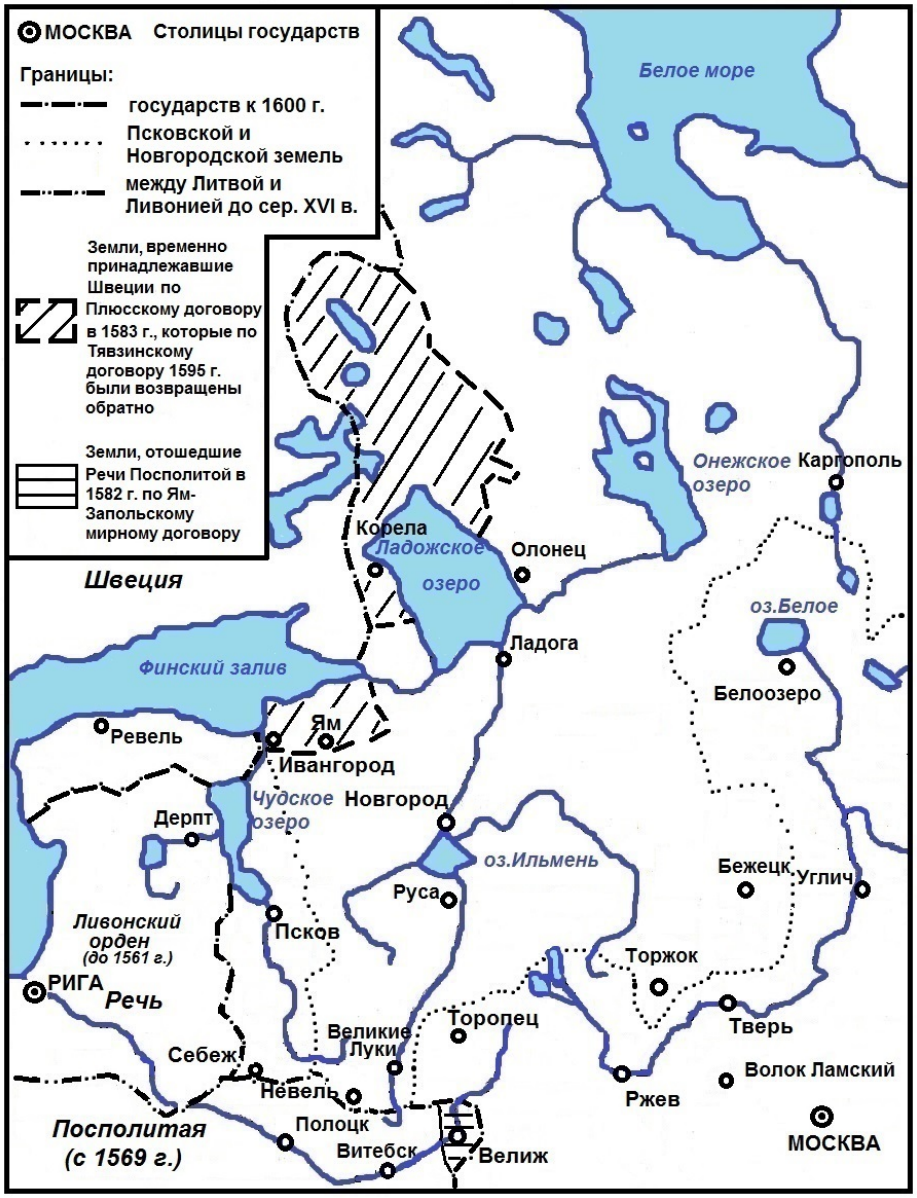

Рис. 8. Новгородская земля в конце XVI в.

Новгородская земля в XVII в.

В 1609 г. в Выборге был заключён со Швецией Выборгский договор, согласно которому шведской стороне передавался Корельский уезд[1]. В дальнейшем, по Столбовскому мирному договору 1617 г., который положил конец русско-шведской войне (1614–1617 гг.), Корельский, Ивангородский, Копорский, Ямской и Ореховский уезды (Ингерманландия), т. е. практически весь выход к Балтийскому морю, были окончательно закреплены за Швецией (рис. 9).

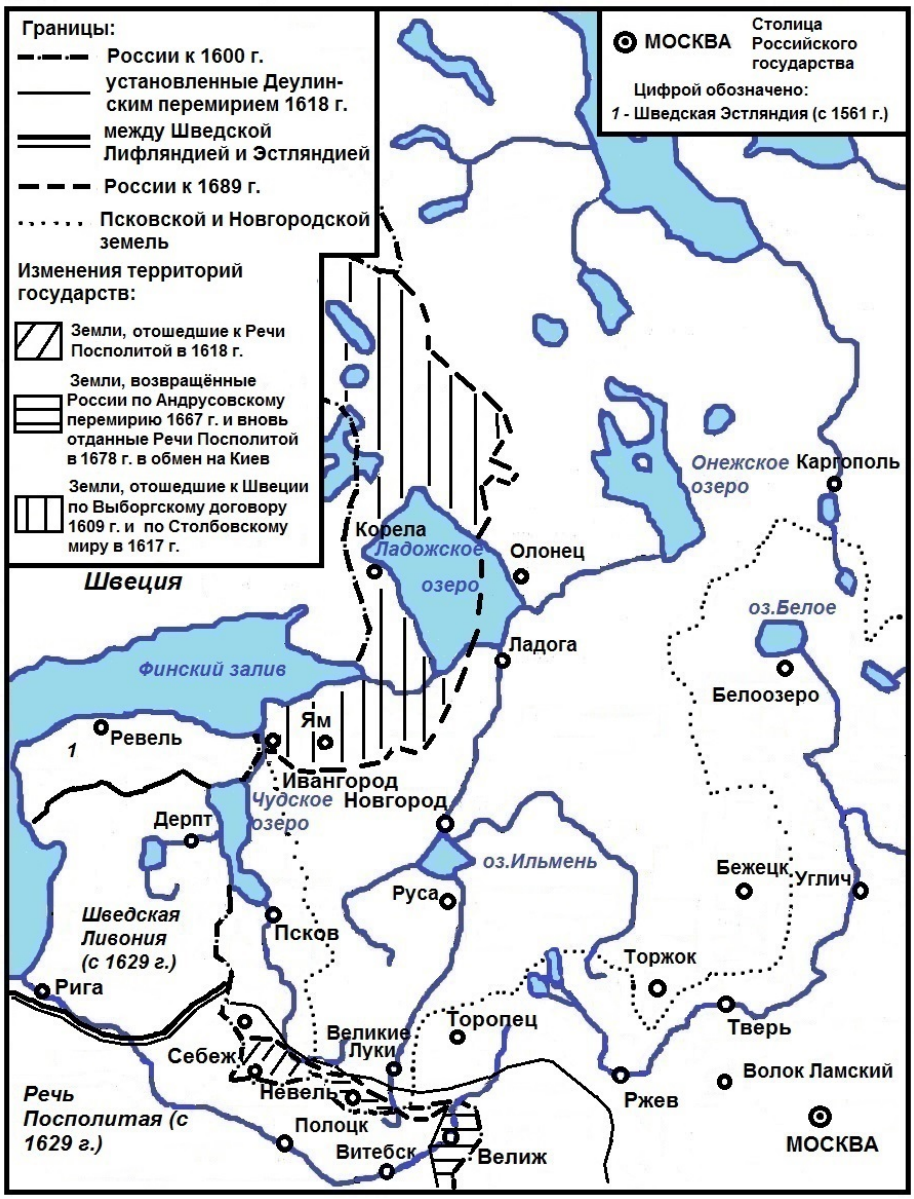

Рис. 9. Новгородская земля в XVII в.

[1] Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1950. 167 с.

Однако шведскому правительству пришлось вернуть России Новгород, Порхов, Ладогу, Старую Руссу, Гдов и Сумерскую волость[1]. Данные границы сохранялись вплоть до Северной войны (1700–1721 гг.).

Переданные Швеции земли ранее принадлежали Водской (Корельский, Ивангородский, Копорский, Ореховский и Ямский (большая часть) уезды) и Шелонской (Ивангородский и Ямской уезды) пятинам[2]. Несмотря на то, что огромная часть Новгородчины была отдана Швеции, территория пятин оставалась огромным регионом Российского государства. Так, например, площадь Бежецкой пятины составляла 38,2 тыс. кв. км, Деревской – 31,7 тыс. кв. км, Шелонской – 31,8 тыс. кв. км, Водской – 25 тыс. кв. км, а площадь Обонежской пятины составляла 106 тыс. кв. км. К середине XVII в. 17 северных погостов Обонежской пятины (62,2 тыс. кв. км) стали основой Олонецкого уезда. Крепость Олонец была построена взамен утраченных форпостов Корелы и Орешка. Площадь всех новгородских пятин на тот момент составляла 232, 7 тыс. кв. км[3].

В XVII в. границы Псковской земли также претерпели изменения. Так, после окончания польской интервенции по Деулинскому перемирию (1618 г.) к Речи Посполитой отошли земли Себежа и Красного. Красногородский уезд в 1667 г. был возвращён обратно, а Себеж вплоть до начала XVIII в. неоднократно переходил из рук в руки.

Бежецк оставался в XVII в. административным центром Городецкого стана в Бежецком Верхе[4]. В XVII в. Заонежская половина Обонежской пятины выделилась в самостоятельный административный округ – Заонежские погосты. В них входило 17 самых северных погостов Обонежской пятины, которые располагались в бассейне р. Свири, вокруг Онежского озера, на перешейке между Онежским и Ладожским озёрами и к северо-востоку до Белого моря[5].

Территория Водской пятины в 1708 г. была включена в состав Ингерманландской губернии[6]. В XVIII в. новгородские пятины перестали существовать как особые административно-территориальные образования, что было связано с образованием губерний в Российской империи.

---

[1] Рабинович Я. Н. Столбовский мир: победа или поражение // Вестн. ЧелГУ, 2008. № 18. С. 27–39.

[2] Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в., с приложением карты. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1853. 414 с.

[3] Шапиро А. Л. 1989. Указ. соч.

[4] Готье Ю. В. Замосковный край в XVII в. М., 1937. С. 372–373.

[5] Шапиро А. Л. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI века. Л.: Наука, 1971. 365 с.

[6] Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001.

Пятины Новгородской земли

Пятины Новгородской земли в значительной степени вписываются в территорию современного Северо-Запада России (Ленинградская, Новгородская и Псковская области). Лишь некоторые пятины выходили за эти границы, и сейчас эти окраинные территории входят в соседние историко-географические области. С другой стороны, в современный Северо-Запад входят некоторые средневековые политико-территориальные образования, пограничные с Новгородской землёй (рис. 10).

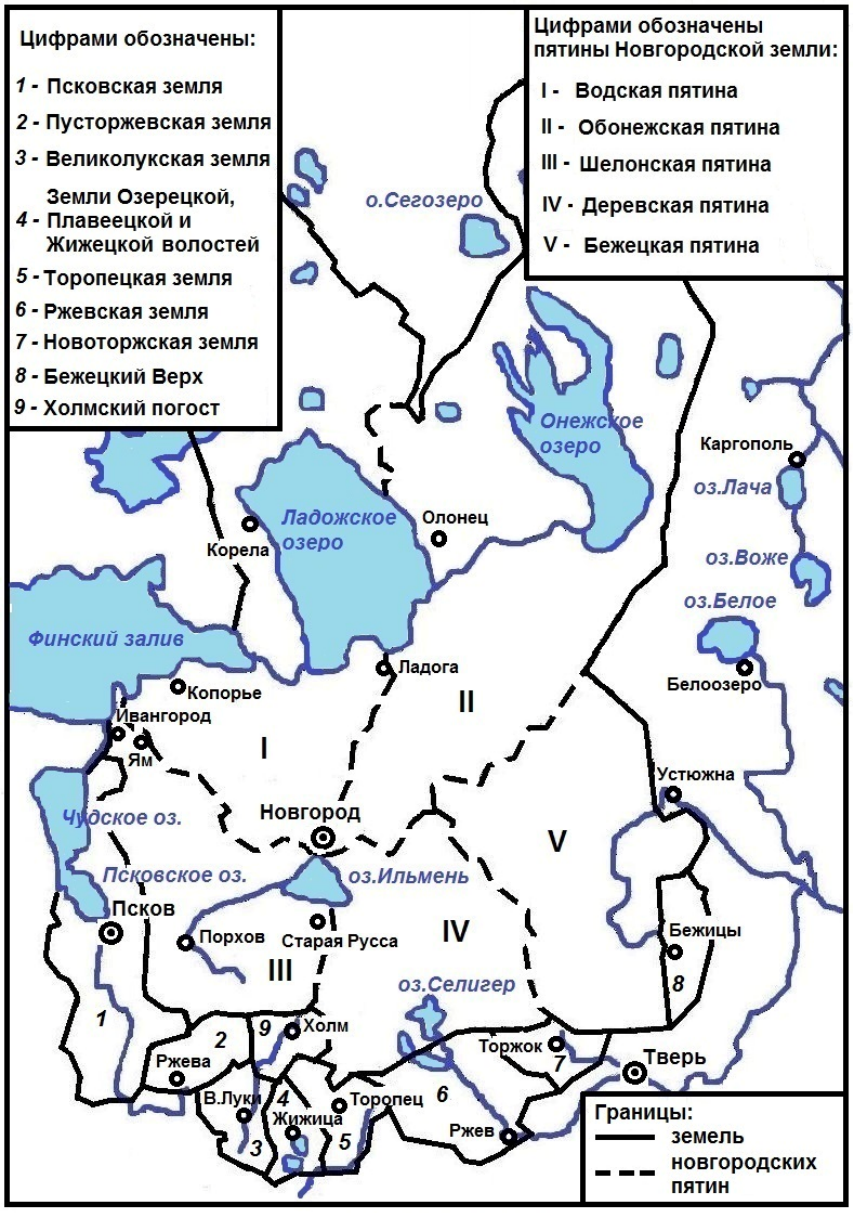

Рис. 10. Локализация новгородских пятин и соседних земель на территории современного Северо-Запада России

Деревская пятина

Данная пятина занимала юго-восточную часть Новгородской земли, границы которой проходили по рекам Мсте и Ловати, а также по оз. Ильмень. Деревская пятина имела границы на западе с Шелонской, на севере с Обонежской, на востоке с Бежецкой пятинами, на юге с волостями Торжка и Ржевы. На юго-западе Деревская пятина граничила с Великим княжеством Литовским. По подсчётам К. А. Неволина, площадь пятины равнялась примерно 35700 кв. км[1].

По писцовым книгам XV в. в пятине насчитывалось 56 погостов и 5 волостей. Но это далеко не полный перечень. Так, в описании Курского присуда, помимо Курского погоста, были включены волостки ещё семи погостов. Из них Борковский и Буховский входили в состав 56 погостов. Остальные пять нет. Это погосты Устьянский, Налючский, Петровский, Рамышевский и Черенчинский. Два первых частично лежали в этой пятине, остальные большей своей частью находились в составе Шелонской пятины. К пяти волостям (Морева, Стерж, Велиля, Буец и Лопастицы) следует прибавить ещё одну волость (Берёзовец), что у оз. Селигер. Таким образом, в Деревской пятине насчитывались 61 погост и 6 волостей[2]. Пятина делилась на половину Григория Морозова и половину Жихаря Рябчикова[3].

Во второй половине 1560-х гг. 7 южных погостов Деревской пятины (Морева, Велиля, Буец, Лопастицы, Стерж, Берёзовец и Ясеновичи) были взяты в опричнину и приписаны ко Ржеве-Володимеровой. До начала XVIII в. данный регион развивался вне Новгородской земли. В XVII в. площадь Деревской пятины составляла 31,7 тыс. кв. км[4].

Шелонская пятина

Территория Шелонской пятины занимала западную и юго-западную часть Новгородской земли. На северо-западе пятина граничила с Ливонским орденом (здесь в 1492 г. была основана Ивангородская крепость). На западных рубежах Шелонская пятина имела границы с Псковской землёй, а на юге – с Ржевскими землями. По

---

[1] Неволин К. А. Указ. соч.

[2] Шапиро А. Л. 1971. Указ. соч.

[3] Фролов А. А. Структура писцовых книг Деревской пятины 40-х годов XVI в. по данным комплекса источников конца XV – середины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4 (30). С. 69–79.

[4] Шапиро А. Л. Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л.: Наука, 1989. 231 с.

р. Луге пятина граничила с Водской пятиной. Далее граница шла от верховьев Луги на Новгород. Река Ловать являлась границей между Шелонской и Деревской пятинами.

На рубеже XV–XVI вв. в Шелонской пятине было 8 уездов, 71 погостов и др. территориальных единиц (в настоящее время известно 74 погоста). Данная территория подразделялась на уезды, среди которых были Порховский (17 погостов), Старорусский (14 погостов), Новгородский (42 погоста) и Ивангородский. Кроме того, в состав пятины входила часть Ямского уезда[1]. Площадь Шелонской пятины, по мнению К. А. Неволина, составляла 31,8 тыс. кв. км[2].

В юго-западной части пятины располагались уезды Кошкина Городка, Высокогородский, Вышегородский и Порховский, которые ещё в XV в. существовали раздельно, но в XVI в. все эти территории вошли в единый Порховский уезд. В своём составе уезд имел 17 погостов, 5 из которых граничили с Псковской землёй[3]. Порховский уезд в XVI в. был тесно связан с Псковом, и в дальнейшем вошёл в состав Псковского административного округа[4].

В 1538–39 г. Шелонская пятина в писцовых книгах впервые была описана по двум частям, с этим связывают разделение её на Заруссскую и Залесскую половины.

В 1617 г. по Столбовскому мирному договору небольшой Ивангородский уезд Шелонской пятины был передан Швеции[5].

Водская пятина

Водская пятина имела выход к морю и Ладожскому озеру. Площадь пятины составляла примерно 90 тыс. кв. км. Северную часть пятины занимал Карельский уезд, который вклинивался вглубь современной Финляндии. Пятина получила название по финно-угорскому народу водь, проживавшему на этих землях. С XVI в. пятина делилась на Корельскую (к западу от р. Волхов) и Полужскую половину[6]. В Водской пятине было 6 уездов, которые в свою очередь делились на погосты и станы. Новгородский уезд состоял из 20 погостов и

---

[1] Шапиро А. Л. 1971. Указ. соч.; Шапиро А. Л. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. Л.: Наука, 1974. 321 с.

[2] Неволин К. А. Указ. соч.

[3] Шапиро А. Л. 1971. Указ. соч.

[4] Шапиро А. Л. 1974. Указ. соч.

[5] Шапиро А. Л. 1989. Указ. соч.

[6] Неволин К. А. Указ. соч.

на севере достигал устья р. Невы. Реки Волхов и Луга отделяли его от Обонежской и Шелонской пятин. Небольшой по площади Ладожский уезд в своём составе имел 6 погостов; Ореховский – 8 погостов; Копорский – 15 погостов; Ямской – 3 погоста; Корельский – 7 погостов. Однако в начале XVI в. (1500–1501 гг.) была проведена реформа административно-территориального деления уездов. Территории Ладожского и Ореховского уездов возросла почти вдвое[1].

В 1617 г. по Столбовскому мирному договору прилегающие к Неве и Финскому заливу земли Ореховского, Копорского, Корельского и Ямского уездов оказались в зоне шведской оккупации. Площадь Водской пятины уменьшилась до 25 тыс. кв. км[2].

Бежецкая пятина

Данная пятина занимала восточную часть современной Новгородской области. С севера и северо-запада она граничила с Обонежской пятиной. Восточная граница, которая отделяла её от Белозерского и Тверского княжеств, шла от верховьев р. Колпи до верховьев р. Медведицы. Южная граница с Тверским княжеством шла от верховьев р. Медведицы до верховьев р. Тверцы, откуда начиналась юго-западная граница, которая шла по р. Мсте и отделяла Бежецкую пятину от Деревской[3]. К. А. Неволиным площадь пятины была оценена в 38,2 тыс. кв. км[4]. Данная пятина, в отличии от других, не примыкала к Новгороду и в своём составе не имела городов, хотя на её восточной границе стояли два московских города – Устюжна и Бежицы. Бежецкая пятина со времён княжения Ивана IV состояла из Тверской и Белозерской половин. Они, в свою очередь, делились на погосты, которых в целом по пятине было 98, в т. ч. в Тверской половине – 52, а в Белозерской – 46[5].

Границы Бежецкой пятины оставались неизменны до тех пор, пока в 1708 г. вся территория пятин не вошла в состав Ингерманландской губернии. Эта губерния в 1710 г. была переименована в Санкт-Петербургскую, а в 1719 г. была разделена на провинции. В 1727 г. территория Белозерской и Тверской половин, ставших к тому времени

---

[1] Рябинин Е. А. Указ. соч.; Шапиро А. Л. 1971. Указ. соч.
[2] Шапиро А. Л. 1989. Указ. соч.
[3] Шапиро А. Л. 1971. Указ. соч.
[4] Неволин К. А. Указ. соч.
[5] Шапиро А. Л. 1974. Указ. соч.

провинциями, была отделена от Санкт-Петербургской губернии и включена в состав Новгородской губернии[1].

Обонежская пятина

Обонежская пятина была самой северной в Новгородской земле. Она тянулась от самого Новгорода до Белого моря. С XVI в. пятина делилась на Заонежскую (вокруг Онежского оз.) и Нагорную (по р. Мсте) половины. Заонежская половина состояла из 45 погостов, Нагорная – из 36 погостов[2].

С XVII в. Заонежская половина выделилась в самостоятельный административный округ – Заонежские погосты. 17 северных погостов составили основу данного округа (62,2 тыс. кв. км). В дальнейшем данная территория составила основу Олонецкого уезда, который был образован в связи с постройкой вблизи нового русско-шведского порубежья Олонецкой крепости (взамен утраченных крепостей Корелы и Орешка). Крупнейшим для северных погостов «городом» на тот момент являлся Повенец. Площадь самой обширной Обонежской пятины в XVII в. составляла 106 тыс. кв. км[3].

В 1708 г. территория Обонежской пятины была разделена между Ингерманландской и Архангелогородской губерниями.

Выводы. Самой древней административно-территориальной единицей Новгородской земли по праву можно считать погост. В 947 г. о погостах было уже известно благодаря сообщению в летописи о поездке княгини Ольги по территории Новгородской и Псковской земель. Но по мнению Б. А. Рыбакова, древнейшей административно-территориальной единицей Новгородской земли являлась «сотня». В частности, данные единицы были характерны для XI в. По мнению А. В. Кузы, в домонгольскую эпоху Новгородская земля была разделена на две зоны – ядро и окружающие его волости-провинции.

Новгородские земли в древнейшие времена на западных рубежах граничили с племенами балтов и финно-угров. В дальнейшем эти земли попадали под власть Ливонского ордена, Швеции, Дании и Речи Посполитой. На юге Новгородская земля граничила с Полоцким и Смоленским княжествами, на востоке и юго-востоке – с Ростово-Суздальским княжеством. Остальные территории, в частности, север-

---

[1] Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1 / сост. К. В. Баранов. М.: «Древнехранилище», «Археографический центр», 1999.

[2] Шапиро А. Л. 1974. Указ. соч.

[3] Шапиро А. Л. 1989. Указ. соч.

ные и северо-западные, находились в стадии освоения новгородцами. Народы, которые попадали под власть Новгорода, платили дань.

В XII в. Новгородская земля делилась на ряды (ранее – округа), которые носили одинаковые названия с пятинами – Вотьская земля, Обонежский и Бежецкий ряд, Шелонь, Дерева.

Со временем Пусторжевская и Великолукская земли, а позже и Холмский погост, оказались на особом положении. Эти земли находились на границе между Новгородской землёй и Литвой, и поэтому были вынуждены платить налоги той и другой стороне.

В 1348 г. Псковская земля вышла из под власти Новгорода, хотя черты самостоятельности данной территории прослеживались ещё раньше, в XII–XIII вв.

С княжествами Северо-Восточной Руси у новгородцев часто возникал спор за сферы влияния на приграничных территориях от Волока Ламского до Заволочья.

Территориально-административное устройство Новгородской земли в середине XIII в. имело следующий вид: новгородская метрополия и периферийная зона, вторая из которых находилась в сфере более сложных схем юрисдикции, т. е. часть прерогатив принадлежало не новгородской власти, а князьям Владимирского княжества на северо-востоке и востоке и Смоленского – на юге. Нечто похожее было и в северных землях Новгорода, и касалось совместного сбора дани со Швецией и Норвегией.

В дальнейшем конфедерация, возглавляемая Великим княжеством Владимирским, прекратила своё существование. Территории, находящиеся в совместном владении, стали испытывать кризис. Эти территории оказались в совместном управлении с Великим княжеством Московским и Великим княжеством Литовским. Причём такое положение приводило нередко к вооружённым конфликтам.

На протяжении XIV–XV вв. Двинская земля, Волок Ламский, Бежичи, земли по рекам Пинега и Мезень и Вологда фактически уже находились под властью Москвы.

К моменту ликвидации Новгородского государства ядро Новгородской земли состояло из тысячи мелких, средних и крупных волосток, объединённых вокруг погостских (приходских) центров.

В конце XV в. в составе Новгородской земли упоминаются присуды. Они разрезали территории погостов-округов. Присуды нередко называли уездами. При этом Холмский погост не был включён в состав в какого-либо присуда.

Некоторые южные территории Деревской пятины находились одновременно в зависимости от Новгорода и Литвы. Некоторые из территорий, принадлежавшие к так называемому «чернокунству», в писцовых книгах именуются как волости, и лишь в составе Холмского погоста вместе с Моревой и Велилой были отмечены «десятки». Холмский погост, Пусторжевская и Великолукская земли делились на станы.

В конце XV в. появились первые сведения о пятинах. Это были Обонежская, Деревская, Водская, Шелонская и Бежецкая пятниы. Вполне возможно, что пятинное деление в Новгородской земле появилось после 1478 г., т. е. после её присоединения к Московскому государству. Пятинное деление накладывалось на более древнее – на волости, уезды (присуды), погосты и станы. В каждой пятине было по нескольку присудов (уездов), в каждом присуде (уезде) – по нескольку погостов и волостей. На рубеже XV–XVI вв. в новгородских пятинах насчитывалось 12 уездов. Однако уже в первой половине XVI в. три уезда (Кошкина Городка, Вышгородский и Высокогородский) были упразднены, а их земли включены в состав Порховского уезда. Остальные земли, которые были позже освоены новгородцами, не вошли в пятинное деление, за исключением Пусторжевской и Великолукской земель.

В третьей четверти XVI в. пятины были разделены на «половины». В середине 1560–70-х гг. ряд территорий Деревской пятины были переданы Ржеве Володимеровой.

На рубеже XVI–XVII вв. произошли значительные изменения внешних границ Новгородской земли. По окончании Ливонской войны, по результатам Плюсского перемирия 1583 г., к Швеции отошли Ивангородский, Копорский, Ямской и Корельский уезды. По Тявзинскому мирному договору 1595 г. Швеция вернула эти земли Русскому царству, но ненадолго. В 1609 г. в Выборге со Швецией был заключён новый договор, согласно которому шведской стороне передавался Корельский уезд. В дальнейшем, по Столбовскому мирному договору 1617 г., который положил конец русско-шведской войне (1614–1617 гг.), Корельский, Ивангородский, Копорский, Ямской и Ореховский уезды (Ингерманландия) были окончательно закреплены за Швецией. Шведской стороне пришлось вернуть России Новгород, Порхов, Ладогу, Старую Руссу, Гдов и Сумерскую волость. Эти границы сохранялись вплоть до начала XVIII в.

2.1.2. Изменение административно-территориального деления в имперскую эпоху

Реформы Петра I (1708–1719 гг.)

В 1708 г. началась первая в истории России реформа по унификации системы административно-территориального деления. В соответствии с указом Петра I от 18 декабря 1708 г. в России высшей единицей АТД стала *губерния*. Территория Российского государства была разделена на восемь обширных губерний – Московскую, Ингерманландскую, Архангелогородскую, Киевскую, Смоленскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую. Во главе губерний были поставлены губернаторы[1].

Древние русские земли, освобождённые в ходе Северной войны от шведов, были включены в состав обширной Ингерманландской губернии. Название *Ингерманландия* (*Ingermanland*) впервые появилась в шведских грамотах XVI в. Древнее название земли – *Inkerinmaa*, что в переводе с финского языка означает «Земля Инкери» (*Inkeri* – Инкери*, maa* – земля). Шведы добавили к этому названию компонент *land* (земля). Таким образом, в переводе *Ingermanland* означает «Земля «Земля Инкери»». Компонент *Inkeri* зачастую связывается с именем местного прибалтийско-финского народа *ижора* (ныне – *ижорцы*), но в топонимической науке такая этимология не доказана[2].

Ингерманландская губерния, площадь которой составляла 482,5 тыс. кв. км, охватывала фактически всю нынешнюю территорию Северо-Запада России (Санкт-Петербург, Ленинградскую, Новгородскую и Псковскую области), но без Карельского перешейка, а также современную территорию Тверской области, значительные части Карелии и Архангельской области, западные части Вологодской и Ярославской областей[3] (рис. 11).

---

[1] Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. 678 с.

[2] Дмитриев А. В. Водская топонимика в историко-культурном аспекте // Псковский регионологический журнал. № 4. Псков: ПГПУ, 2007. С. 110–118.

[3] Тархов С. А. Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. // ЛОГОС, 2005. № 1 (46). С. 65–101.

Рис. 11. Административно-территориальное деление северо-запада Российского государства в 1708 г. (источник: [1])
Цифрами обозначены губернии:
1 – Ингерманландская, 2 – Архангелогородская, 3 – Сибирская,
4 – Казанская, 5 – Московская, 6 – Смоленская, 7 – Киевская, 8 – Азовская

Ингерманландскую губернию часто называли также и Санкт-Петербургской, а указом от 14 октября 1710 г. это название за ней закрепилось официально[2]. Губерния не делилась на уезды, а состояла из городов вместе с прилегающими к ним землями, а также из разрядов и приказов. В 1710–1713 гг. губерния была разделена на управляемые ландратами административно-фискальные единицы, называемые *долями*.

В 1713 г. произошли новые изменения АТД северо-запада Российского государства. На присоединённых к России землях была образована Рижская губерния. В связи с этим упразднили Смоленскую губернию, территория которой была разделена между Рижской и Московской губерниями.

В 1719 г. была осуществлена ***вторая петровская реформа*** АТД России, направленная на разукрупнение слабоуправляемых обширных территорий. В соответствии с указом Петра I от 29 мая 1719 г. были упразднены *доли*. Губернии были разделены на *провинции*,

[1] Тархов С. А. Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет // География (Приложение к газете «1 сентября»), 2001, № 15. URL: http://geo.1september.ru/articles/2001/15/02.

[2] Административно-территориальное деление Ленинградской области / под общ. ред. В. А. Скоробогатова, В. В. Павлова, сост. В. Г. Кожевников. СПб., 2007. 282 с.

подчиняемые воеводам, а провинции – на *дистрикты*. Число губерний увеличилось до одиннадцати, в т. ч. к югу от Финского залива была образована Ревельская губерния. Санкт-Петербургская губерния стала делиться на 11 провинций (рис. 12). В последующем, уже после смерти Петра I, в 1726 г. была восстановлена Смоленская губерния, вернувшая свои земли из состава Московской и Рижской губерний[1].

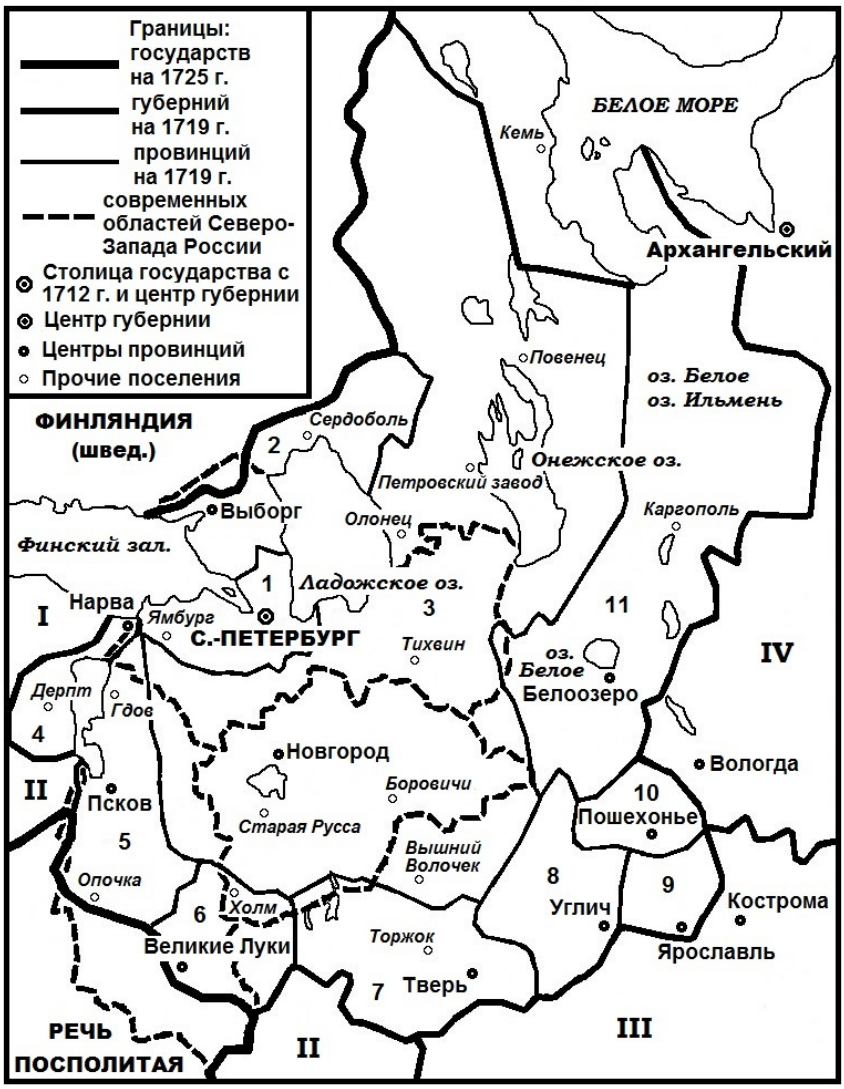

Рис. 12. Соотношение территории современных областей Северо-Запада России и провинций Санкт-Петербургской губернии в 1719–1725 гг.
Цифрами обозначены губернии:
I – Ревельская, II – Рижская, III – Московская, IV – Архангелогородская;
провинции Санкт-Петербургской губернии: 1 – Санкт-Петербургская, 2 – Выборгская, 3 – Новгородская, 4 – Нарвская, 5 – Псковская, 6 – Великолуцкая, 7 – Тверская, 8 – Углицкая, 9 – Ярославская, 10 – Пошехонская, 11 – Белозерская

[1] Тархов С. А. 2005. Указ. соч.

Реформа 1727 г. и последующие изменения АТД в 1740-е гг.

В результате проведения реформы 1727 г. были ликвидированы *дистрикты*, и нижним звеном АТД стали *уезды*. Также в ходе реформы продолжился процесс разукрупнения губерний (рис. 13). Сильно уменьшилась в размерах столичная Санкт-Петербургская губерния. Во-первых, 27 апреля 1727 г. из неё была выделена Новгородская губерния, состоящая из пяти провинций: Псковской, Великолуцкой, Новгородской, Тверской и Белозерской. К Новгородской губернии 18 октября того же года был отнесён г. Олонец[1]. Во-вторых, Ярославская, Углицкая и Пошехонская провинции Санкт-Петербургской губернии были переданы Московской губернии[2]. В-третьих, Нарвская провинция была передана провинции Эстляндии, соответствующей Ревельской губернии. В итоге Санкт-Петербургская губерния сохранила в своем составе только две провинции – Петербургскую и Выборгскую.

После реформы 1727 г. наступил достаточно длительный период, когда АТД Российской империи было относительно стабильным. Но и в этот период происходили небольшие изменения. В результате русско-шведской войны 1741–1743 гг. территория Карельского перешейка к северо-западу от Выборга была присоединена к России. В 1744 г. была создана Выборгская губерния, включившая земли присоединённых частей Финляндии, а также Выборгской и Кексгольмской провинций Санкт-Петербургской губернии. В 1745 г. Выборгская губерния включала три уезда: Выборгский, Кексгольмский и Кюмменегорский[3].

Таким образом, Санкт-Петербургская губерния уменьшилась до минимальных размеров за всю историю своего существования. Изменилось и её внутреннее деление. В этот период было возвращено деление прибалтийских губерний на *дистрикты*, вновь заменивших провинции и уезды. Санкт-Петербургская губерния в это время состояла из четырёх дистриктов: Петербургского, Шлиссельбургского, Копорского и Ямбургского[4].

---

[1] Мартынов В. Л. Эволюция системы административно-территориального деления северо-запада европейской России // Псков. № 8. 1998. С. 202–212.

[2] Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. Реформа 1727 г. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. М., 1913. 472 с.

[3] Готье Ю. В. Указ. соч.

[4] Тархов С. А. 2005. Указ. соч.

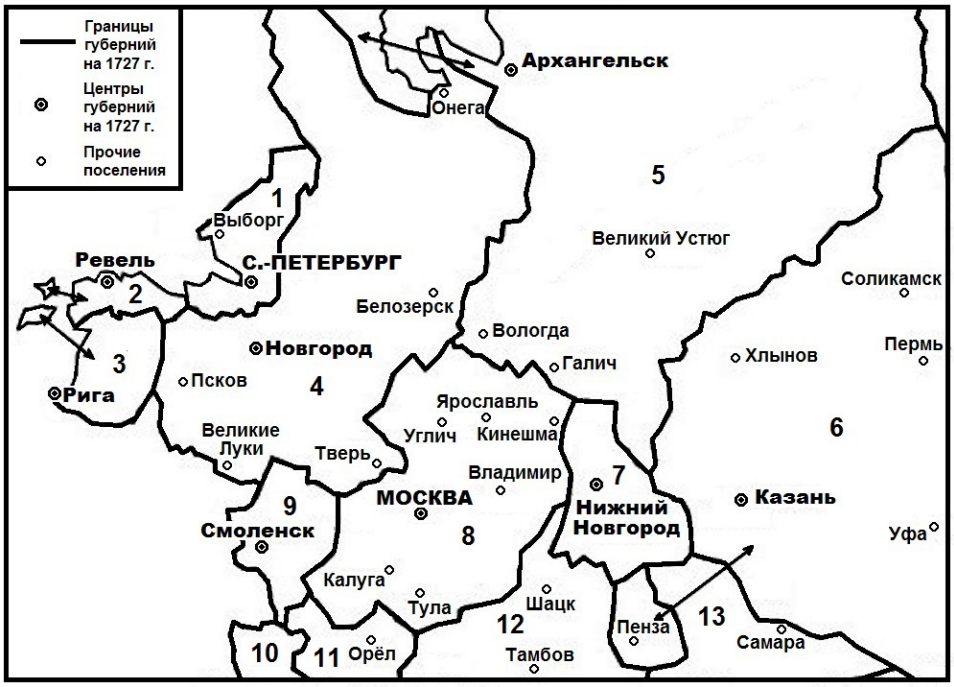

Рис. 13. Административно-территориальное деление северо-запада Российской империи в 1727 г. (источник: [1])
Цифрами обозначены губернии:
1 – Санкт-Петербургская, 2 – Ревельская, 3 – Рижская, 4 – Новгородская, 5 – Архангелогородская, 6 – Казанская, 7 – Нижегородская, 8 – Московская, 9 – Смоленская, 10 – Киевская, 11 – Белгородская, 12 – Воронежская, 13 – Астраханская

Реформы Екатерины II (1775–1785 гг.)

С приходом к власти в Российской империи Екатерины II были произведены небольшие изменения, которые предшествовали радикальному реформированию АТД. Эти изменения включали в основном образование новых губерний на вновь присоединённых землях. Кроме того, в 1766 г. в Выборгской губернии были выделены три провинции. В 1770 г. в состав Санкт-Петербургской губернии был включён г. Нарва[2].

В 1772 г., в результате первого раздела Речи Посполитой, в Российской империи были организованы две новые губернии – Псковская и Могилёвская. Могилёвская губерния была организована на вновь присоединённых к России территориях. А вот территория Псковской губернии включала как старые, так и новые российские земли. Для создания новой губернии были выделены две старые провинции Новгородской губернии (Псковская и Великолуцкая), к которым были

[1] Тархов С. А. 2001. Указ. соч.
[2] Мартынов В. Л. Указ. соч.

добавлены две новые провинции – Двинская (бывшая Польская Лифляндия) и Полоцкая (земли бывшего Витебского воеводства). В том же году Псковская губерния получила расширение за счёт Витебской провинции Могилёвской губернии. Интересно, что с 1772 по 1776 гг. центром Псковской губернии был город Опочка, получивший этот статус в основном благодаря своему центральному положению во вновь образованной губернии (рис. 14).

Перед началом реформы местного управления 1775 г. Выборгская губерния делилась на три провинции (Кюмнегорскую, Выборгскую и Кексгольмскую), включавшие пять уездов. Санкт-Петербургская губерния в это время делилась на четыре уезда. Новгородская губерния включала четыре провинции (Новгородскую, Тверскую, Белозерскую и Олонецкую), делившиеся на 23 уезда. Псковская губерния делилась на пять провинций (Псковскую, Великолуцкую, Двинскую, Полоцкую и Витебскую), включавшие16 уездов[1].

Рис. 14. Административно-территориальное деление северо-запада Российской империи в 1775 г. (источник: [2])
Цифрами обозначены губернии:
1 – Санкт-Петербургская, 2 – Выборгская, 3 – Ревельская, 4 – Рижская, 5 – Псковская, 6 – Новгородская, 7 – Архангелогородская, 8 – Сибирская, 9 – Казанская, 10 – Нижегородская, 11 – Московская, 12 – Смоленская, 13 – Могилёвская, 14 – Киевская, 15 – Белгородская, 16 – Воронежская, 17 – Астраханская, 18 – Оренбургская

[1] Григорьев В. А. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб., 1910. 387 с.

[2] Тархов С. А. 2001. Указ. соч.

Екатерининская реформа АТД стала четвёртой в истории Российского государства. Новая административная реформа началась 7 ноября 1775 г., с момента подписания Екатериной II закона «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». Началось наиболее существенное разукрупнение ячеек АТД по сравнению со всеми предыдущими реформами. В соответствии с новым законом размеры губерний были заметно уменьшены, а их число увеличено примерно вдвое. Большинство *губерний* стало называться *наместничествами*. В ходе реформы были ликвидированы *провинции* и изменена нарезка *уездов*. Уезды стали основной единицей АТД второго уровня. Лишь в некоторых случаях губернии делились на *области*. Реализация реформы растянулась на 10 лет, вплоть до 1785 г. За это время были образованы 40 губерний (наместничеств), а также две области на правах губерний[1].

Основными критериями выделения как губерний, так и уездов стала численность населения. В среднем в губернии (наместничестве) должно было проживать от 300 до 400 тыс. чел., а в уезде – от 20 до 30 тыс. чел. Первоначально наместничествами называли создаваемые единицы высшего звена (выше уровня губернии), включавшие от двух до четырёх губерний, а затем название «наместничество» стали применять к самим губерниям. При этом объединение нескольких губерний стало именоваться *генерал-губернаторством*[2].

Одним из первых изменений АТД в 1775 г. стало образование Тверского наместничества, которое включило в свой состав Тверскую провинцию и Вышневолоцкий уезд Новгородской губернии, а также Бежецкий и Кашинский уезды Московской губернии. В 1776 г. из Псковской и Великолуцкой провинций старой Псковской губернии и Порховского и Гдовского уездов Новгородской губернии была создана новая Псковская губерния. В том же году из оставшихся частей Новгородской губернии было организовано Новгородское наместничество, разделённое на две области – Новгородскую и Олонецкую. В 1777 г. на южных и западных землях старой Псковской губернии (присоединённых к России в результате Первого раздела Речи Посполитой) было организовано Полоцкое наместничество.

В 1780 г. в ходе реформирования местного управления была реорганизована Санкт-Петербургская губерния, которая при этом не пе-

---

[1] Тархов С. А. 2005. Указ. соч.
[2] Мартынов В. Л. Указ. соч.

решла в разряд наместничеств, а осталась губернией, включающей семь уездов. Вместо Архангелогородской губернии было создано Вологодское наместничество, к которому был присоединён также Каргопольский уезд Новгородского наместничества. Новообразованное наместничество было разделено на две области – Архангельскую и Вологодскую.

В 1781 г. произошло значительное расширение Санкт-Петербургской губернии: из Новгородского наместничества ей были переданы Новоладожский уезд и Олонецкая область, а из Псковского наместничества – Лужский и Гдовский уезды. При этом Санкт-Петербургская губерния стала включать две области – Петербургскую и Олонецкую.

Летом 1783 г. произошло преобразование трёх прибалтийских губерний в наместничества, но без изменения территории, т. е. фактически просто переименование: Ревельской губернии – в Ревельское наместничество, Рижской губернии – в Рижское наместничество, Выборгской губернии – в Выборгское наместничество.

В марте 1784 г. вместо Вологодского наместничества было создано два отдельных наместничества – Архангельское и Вологодское. Последнее было разделено на две области – Вологодскую и Великоустюжскую. И наконец, в мае 1784 г. было организовано Олонецкое наместничество (с центром в Петрозаводске) на основе Олонецкой провинции Санкт-Петербургской губернии. Таким образом, Санкт-Петербургская губерния непродолжительное время (с 1781 по 1784 гг.) имела достаточно обширную площадь, но к окончанию екатерининских реформ вернулась к средним размерам (рис. 15).

Реформирование АТД Российской империи к 1785 г. было в основном завершено. В результате екатерининской реформы империя оказалась разделённой на 38 наместничеств, три губернии (Петербургскую, Московскую и Курляндскую) и одну область на правах наместничества (Таврическую). Размеры и границы большинства наместничеств в европейской части страны (в последующем – вновь губерний), образованных в 1775–1785 гг., почти не изменялись вплоть до 20-х гг. XX в., если не считать кратковременного периода реформ АТД, проведённых Павлом I[1].

[1] Тархов С. А. Указ. соч.

Рис. 15. Губернии и наместничества северо-запада Российской империи в 1743–1796 гг. (источник: [1])
Цифрами обозначены уезды: **Санкт-Петербургской губернии**:
1 – Санкт-Петербургский, 2 – Шлиссельбургский, 3 – Софийский,
4 – Рождественский, 5 – Ораниенбаумский, 6 – Ямбургский, 7 – Нарвский,
8 – Гдовский, 9 – Лужский, 10 – Новоладожский; **Псковского наместничества**:
11 – Псковский, 12 – Печорский, 13 – Островский, 14 – Порховский,
15 – Новоржевский, 16 – Холмский, 17 – Торопецкий, 18 – Великолуцкий,
19 – Опочецкий; **Новгородского наместничества**: 20 – Новгородский,
21 – Старорусский, 22 – Крестецкий, 23 – Валдайский, 24 – Боровичский,
25 – Тихвинский, 26 – Устюжинский, 27 – Белозерский,
28 – Череповецкий, 30 – Кирилловский.

Реформы Павла I и Александра I (1796–1802 гг.)

Реформа Павла I стала первой в послепетровскую эпоху укрупнительной реформой АТД Российской империи. Павел I, отрицавший всё, что было сделано в царствование Екатерины II, предпринял попытку восстановления АТД доекатерининской эпохи[2]. *Наместничества* были официально преобразованы в *губернии.* Указом от

[1] Атлас Российской империи (52 карты). Санкт-Петербург, 1796.
[2] Мартынов В. Л. Указ. соч.

12 декабря 1796 г. были упразднены 13 губерний, в т. ч. Олонецкая и Полоцкая. Территория Олонецкой губернии была разделена между Архангельской и Новгородской губерниями. Также были изменены названия прибалтийских губерний. Рижская губерния была переименована в Лифляндскую, Ревельская – в Эстляндскую. Вместе с тем, проводилось укрупнение уездов. Часть уездных городов переведена в категорию «*заштатных*».

Но уже с 1801 г. новый император Александр I решил восстановить прежнюю сетку губерний, созданную в период реформ Екатерины II. Указом от 9 сентября 1801 г. было восстановлено пять упразднённых Павлом I губерний в границах до 1796 г., в т. ч. и Олонецкая губерния. В результате реформы было увеличено число уездов, их средний размер уменьшился.

В 1802 г. были продолжены изменения в сетке АТД Российской империи. Так, в марте этого года перестала существовать Белорусская губерния. Вместо неё были созданы Могилёвская и Витебская губернии[1].

В Санкт-Петербургской губернии в 1802 г. были упразднены Рождественский и Нарвский уезды. В результате количество уездов в столичной губернии уменьшилось до восьми, и они затем уже не менялись вплоть до 1922 г. (только в 1808 г. Софийский уезд был переименован в Царскосельский, а в 1848 г. Ораниенбаумский уезд – в Петергофский)[2].

В конце 1802 г. Выборгская губерния была переименована в Финляндскую. Однако в результате войны со Швецией 1808–1809 гг. к России была присоединена основная часть территории Финляндии. Под именем Великого княжества Финляндского эти земли приобрели особый статус в Российской империи. В 1811 г. Финляндская губерния (с центром в г. Выборг) вошла в состав Великого княжества Финляндского.

Таким образом, в период правления Александра I фактически завершилось преобразование сетки АТД на северо-западе Российской империи, после чего начался период стабильности АТД, продолжавшийся вплоть до Первой мировой войны (рис. 16, 17). В хронологическом порядке учреждение губерний на северо-западе Российской империи (по официальным источникам) выглядит следующим образом: Новгородская губерния – 1776 г., Псковская губерния – 1777 г., Санкт-Петербургская и Вологодская губернии – 1780 г., Олонецкая губерния – 1784 (1801) г., Витебская губерния – 1802 г.[3]

---

[1] Тархов С. А. 2005. Указ. соч.

[2] Административно-территориальное деление Ленинградской области / под общ. ред. В. А. Скоробогатова, В. В. Павлова, сост. В. Г. Кожевников. СПб., 2007. 282 с.

[3] Тархов С. А. 2005. Указ. соч.

В последующем, вплоть до окончания существования Российской империи в 1917 г., происходили лишь небольшие изменения, связанные с изменением системы управления единиц АТД разного уровня. Так, например, в 1823 г. Псковская губерния была причислена к Ост-Зейским провинциям, управление которыми осуществлялось на началах, отличных от остальной империи. Но в 1830 г. губерния вновь стала управляться обычным порядком[1].

В связи с проведением крестьянской реформы в 1861 г. появилось новое звено АТД на низшем уровне – уезды были разделены на *волости*. С 1865 г. часть губерний империи получила статус «*земских*», т. к. в них был введён институт местного управления (земства). «Земскими» стали Новгородская, Псковская, Санкт-Петербургская, Тверская губернии. В дальнейшем этот список пополнился: в 1866 г. – за счёт Смоленской губернии, в 1867 г. – Олонецкой губернии, в 1870 г. – Вологодской губернии[2].

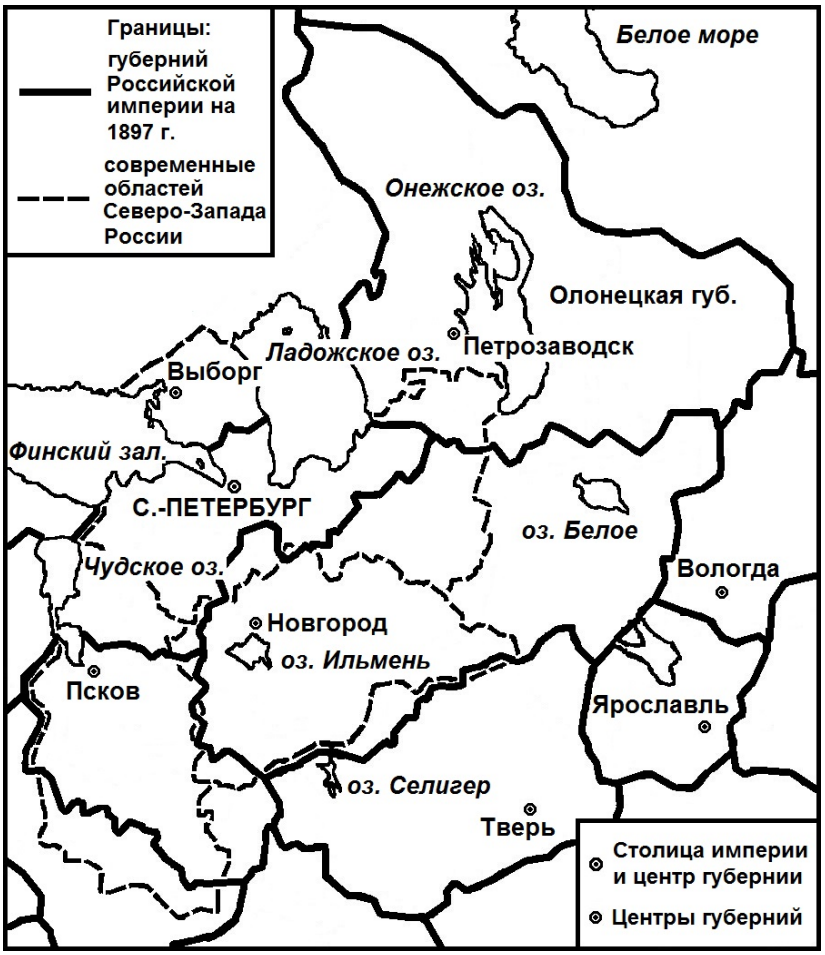

Рис. 16. Соотношение территорий современных областей Северо-Запада России и губерний Российской империи в XIX – начале XX вв.

[1] Мартынов В. Л. Указ. соч.
[2] Тархов С. А. 2005. Указ. соч.

Рис. 17. Уезды губерний Российской империи в 1897 г.
(в пределах современных территорий Северо-Запада России)
Цифрами обозначены уезды **Санкт-Петербургской губернии**:
1 – Санкт-Петербургский, 2 – Петергофский, 3 – Ямбургский, 4 – Гдовский,
5 – Лужский, 6 – Царскосельский, 7 – Шлиссельбургский, 8 – Новоладожский;
Псковской губернии: 9 – Псковский, 10 – Порховский, 11 – Островский,
12 – Опочецкий, 13 – Новоржевский, 14 – Холмский, 15 – Великолуцкий,
16 – Торопецкий; **Витебской губернии**: 17 – Велижский, 18 – Невельский,
19 – Себежский; **Новгородской губернии**: 20 – Новгородский, 21 – Старорусский,
22 – Демянский, 23 – Крестецкий, 24 – Валдайский, 25 – Боровичский,
26 – Тихвинский, 27 – Устюжинский, 28 – Белозерский, 29 – Череповецкий,
30 – Кирилловский; **Олонецкой губернии**: 31 – Лодейнопольский

В 1871 г. Санкт-Петербург был выделен из состава Санкт-Петербургской губернии в отдельное градоначальство. Вне ведения как губернии, так и градоначальства находились Кронштадт (управлявшийся военным губернатором) и «города дворцового ведомства» (Петергоф, Царское Село, Ораниенбаум и Гатчина)[1]. В дальнейшем, вплоть до революции 1917 г., серьёзных изменений АТД на современной территории Северо-Запада России не происходило.

В 1914 г., перед Первой мировой войной современные территории Северо-Запада России входили в основном с состав трёх губерний – С.-Петербургской (образована в 1780 г.), Псковской и Новгородской

[1] Мартынов В. Л. Указ. соч.

(образованы в 1776 г.), а также частично – в состав Олонецкой (1784 г.), Выборгской (1744 г.) и Витебской губерний (1802 г.). Результатом вступления России в войну с Германией и Австро-Венгрией стало переименование С.-Петербурга в *Петроград*, и соответственно, губерния также стала называться *Петроградской*.

Выводы. Таким образом, изменение административного деления является прямым следствием проводимых в государстве реформ. В целом имперская эпоха на Северо-Западе России по динамике политических и административных границ может быть разделена на два почти равных по продолжительности периода: 1) 1708–1802 гг. – период становления нового АТД Российского государства, отличавшийся неустойчивостью административных границ; 2) 1803–1917 гг. – период относительной стабильности сети АТД европейской части Российской империи. В первом периоде реформы АТД имели как укрупнительный характер (первая реформа Петра I в 1708 г., реформа Павла I в 1796 г.), так и были направлены на разукрупнение ячеек АТД (вторая петровская реформа 1719 г., реформа 1727 г., «губернская» реформа Екатерины II в 1775–1785 гг., реформа Александра I в 1801–1802 гг.). В начале XIX в., после века предварительной «утряски» АТД, губернская система Российской империи пришла в состояние относительного равновесия, и уже не подвергалась существенным изменениям вплоть до революции 1917 г.

На протяжении имперской эпохи число единиц АТД первого порядка, охватывающих современную территорию Северо-Запада России, менялось от одной в 1708–1727 гг. (Ингерманландская / Санкт-Петербургская губерния) до шести, начиная с 1784 г. (Санкт-Петербургская, Новгородская, Псковская, Олонецкая, Выборгская и Полоцкая (Витебская) губернии / наместничества). Наибольшей устойчивостью границ единиц АТД второго порядка (уездов) характеризовался период с 1802 по 1917 гг., что важно с точки зрения использования метода «временных срезов» в исторической географии населения.

И наконец, в качестве исторических событий, наиболее значимых для осуществления историко-географической периодизации в имперскую эпоху, можно считать годы проведения наиболее масштабных реформ АТД: 1708, 1719, 1727, 1775, 1796 и 1801 гг. В качестве политических событий второго порядка на Северо-Западе России можно принять даты менее значительных преобразований, обычно сопряжённых с расширениями территории Российской империи: 1713, 1744, 1772, 1811 гг. Остальные изменения в сетке АТД Северо-Запада можно отнести к политическим событиям третьего порядка.

2.1.3. Изменение административно-территориального деления в советскую эпоху

Сосуществование старых и новых единиц административно-территориально деления (1917–1926 гг.)

Ещё в конце XIX в. появились проекты разукрупнения АТД России. В 1914–1917 гг. в прессе активно обсуждался вопрос о необходимости организации новых губерний в центральной части страны. Эти проекты стали осуществляться почти сразу после Октябрьской революции 1917 г. На основной территории страны, которая в 1918 г. стала именоваться РСФСР, начался процесс разукрупнения ряда старых губерний. В числе нескольких новых советских губерний оказалась ***Череповецкая губерния***, которая в июне 1918 г. была выделена из северо-восточной части Новгородской губернии. По соседству, из северной и северо-восточной частей Вологодской губернии в июле 1918 г. была образована ***Северо-Двинская губерния*** (с центром в Великом Устюге)[1].

В апреле 1918 г. был создан Союз коммун *Северной области*, в который были объединены восемь северо-западных губерний: Петроградская, Псковская, Новгородская, Вологодская, Череповецкая, Олонецкая, Архангельская и Северо-Двинская. Но уже в 1919 г. Северная область была упразднена, причём этому решению был придан вид народного волеизъявления, как и предшествующему созданию области[2]. В 1921 г. было организовано новое хозяйственное объединение – *Северо-Западная область*, включавшая Петроградскую, Новгородскую, Псковскую, Череповецкую, Мурманскую губернии и Карелию, которые сохраняли при этом самостоятельность в административном плане. Хозяйственная деятельность в них координировалась областным экономическим совещанием.

Параллельно шёл процесс формирования новых советских республик и обмены территорий между ними и РСФСР. В январе 1919 г. из вновь провозглашённой Белорусской ССР в состав РСФСР вошли Смоленская, Витебская и Могилёвская губернии, в которых преобладало русское и еврейское население[3].

В июне 1920 г. в рамках РСФСР была образована новая национальная автономия – ***Карельская трудовая коммуна***, которая была преобразована в АССР в 1923 г. Вслед за этим в 1922 г. была упразднена Олонецкая губерния, и два её бывших уезда (Вытегорский и Ло-

---

[1] Административно-территориальное деление Союза ССР и список важнейших населенных пунктов. С хронологическим перечнем постановлений об изменении границ губерний, областей, республик с 1917 г. до 1929 г. 8-е изд. М.: НКВД, 1929. 320 с.

[2] Мартынов В. Л. Указ. соч.

[3] Тархов С. А. 2005. Указ. соч.

дейнопольский) были включены в состав Петроградской губернии. В 1924 г. Петроград был переименован в *Ленинград*, а Петроградская губерния – в *Ленинградскую*[1].

Новой советской реформе АТД предшествовали небольшие изменения, которые проходили пока ещё в рамках губернского деления. Так, в марте 1924 г. значительная часть Витебской губернии и ряд уездов Смоленской губернии были переданы из РСФСР в состав Белорусской ССР. Три уезда упразднённой Витебской губернии (Себежский, Невельский и Велижский) были включены в состав *Псковской губернии*[2].

С этого времени Северо-Запад вышел на современные административные рубежи на своём крайнем юго-западе (рис. 18). После этого начался процесс полной перекройки границ старых губерний.

Рис. 18. Уезды северо-западных губерний РСФСР в 1926 г.
Цифрами обозначены уезды **Ленинградской губернии**:
1 – Ленинградский, 2 – Троцкий, 3 – Кингисеппский, 4 – Гдовский, 5 – Лужский, 6 – Волховский, 7 – Лодейнопольский, 8 – Вытегорский; **Псковской губернии**: 9 – Псковский, 10 – Порховский, 11 – Островский, 12 – Опочецкий, 13 – Новоржевский, 14 – Холмский, 15 – Великолуцкий, 16 – Торопецкий, 17 – Велижский, 18 – Невельский, 19 – Себежский; **Новгородской губернии**: 20 – Новгородский, 21 – Старорусский, 22 – Демянский, 23 – Маловишерский, 24 – Валдайский, 25 – Боровичский; **Череповецкой губернии**: 26 – Тихвинский, 27 – Устюжинский, 28 – Белозерский, 29 – Череповецкий, 30 – Кирилловский

[1] Административно-территориальное деление Союза ССР… 1929. Указ. соч.

[2] Административно-территориальное деление Псковской области (1917–1988). Справочник: в 2 кн. № 1 / ред. Т.Е. Герасименок и др. Л.: Лениздат, 1988. 454 с.

Первая советская реформа: укрупнение единиц АТД (1927–1929 гг.)

Новый этап реформ АТД начинается почти сразу после создания СССР, образованного 30.12.1922 г. путём объединения РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и Закавказской СФСР. Так, на начальном этапе, в 1923 г. Госпланом было осуществлено первое экономическое районирование СССР.

В соответствии с этим районированием начинается новое реформирование сети АТД, которое характеризовалось значительным укрупнением административно-территориальных единиц. Суть реформы состояла в замене старых губерний на огромные советские области, соответствующие выделенным Госпланом экономическим районам страны. Области были разделены последовательно на округа, районы и сельсоветы. Упразднялись как губернии, так и уезды с волостями. Округа стали единицей АТД крупнее бывших уездов, а районы заняли ячейку, промежуточную между уездами и волостями[1].

Ещё в конце 1925 г. на Северо-Западе были созданы областные (надгубернские) хозяйственные организации[2]. И наконец, в мае 1927 г. было принято решение о создании огромного по площади *Северо-Западного края* с центром в Ленинграде, включающего Ленинградскую, Псковскую, Новгородскую, Череповецкую и Мурманскую губернии. Вместо уездов и волостей были организованы округа и районы. Через некоторое время, 1 августа 1927 г. ВЦИК и СНК РСФСР принял постановление о переименовании Северо-Западного края в ***Ленинградскую область***[3].

Площадь Ленинградской области в 1927 г. составляла 360,4 тыс. кв. км. Она включала девять округов: Ленинградский (в составе 21 района), Лодейнопольский (10 районов), Лужский (11 районов), Новгородский (19 районов), Боровический (13 районов), Псковский (18 районов), Великолукский (23 района), Череповецкий (19 районов) и Мурманский (6 районов) [1]. При этом Мурманский округ Ленинградской области оказался отделённым от её основной части территорией Карельской АССР (рис. 19).

---

[1] Тархов С. А. 2005. Указ. соч.
[2] Мартынов В. Л. Указ. соч.
[3] Административно-территориальное деление Союза ССР… 1929. Указ. соч.

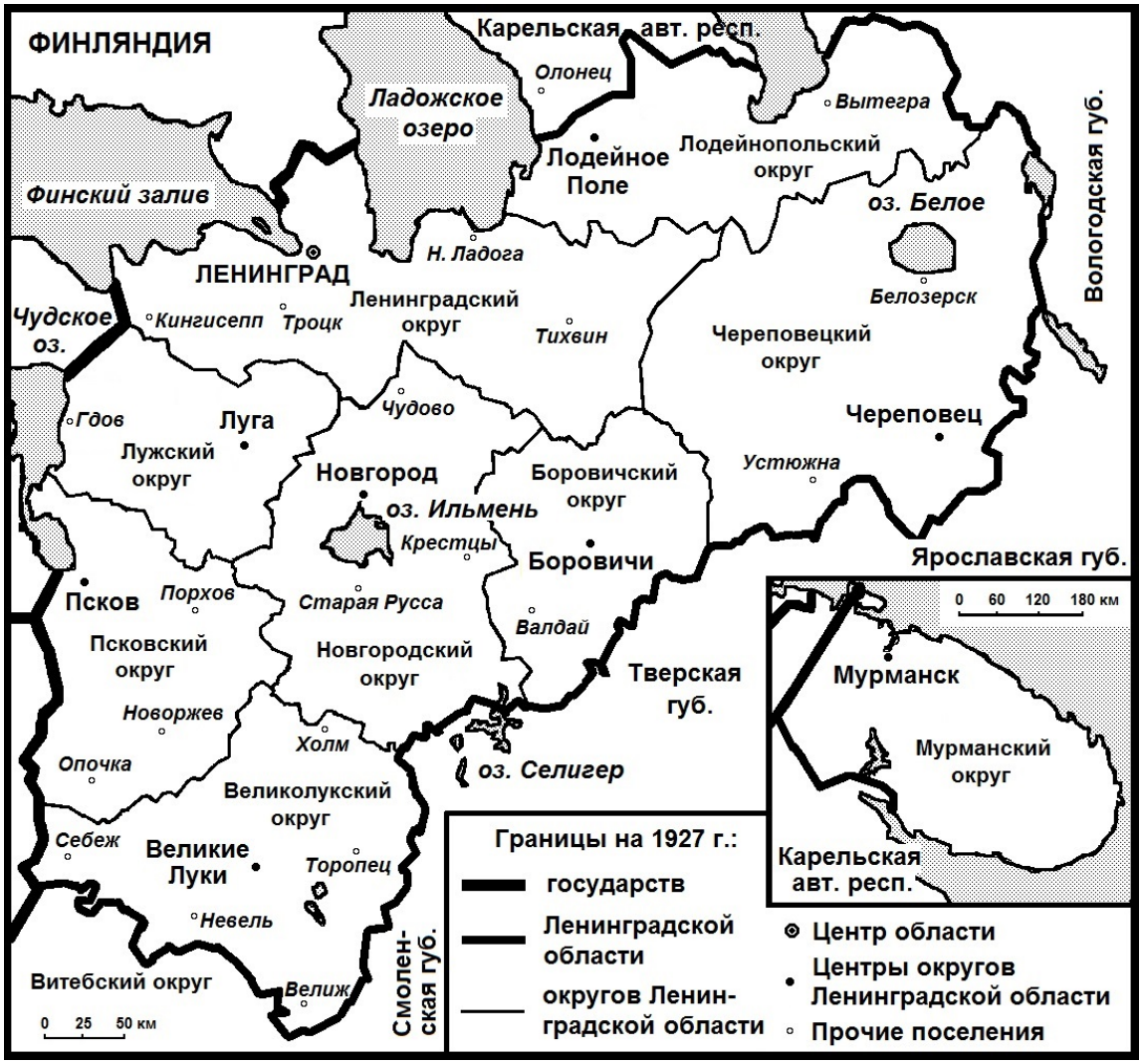

Рис. 19. Ленинградская область в 1927 г.

Завершающим шагом этой реформы стало постановление Президиума ВЦИК от 14 января 1929 г. о полной ликвидации губерний и создании областей и краёв на остальной части страны. В частности, были образованы соседние с Ленинградской областью ***Северный край*** и ***Западная область***. При создании Западной области Ленинградская область понесла первые потери, т. к. утратила в пользу новообразованной области Великолукский округ (рис. 20).

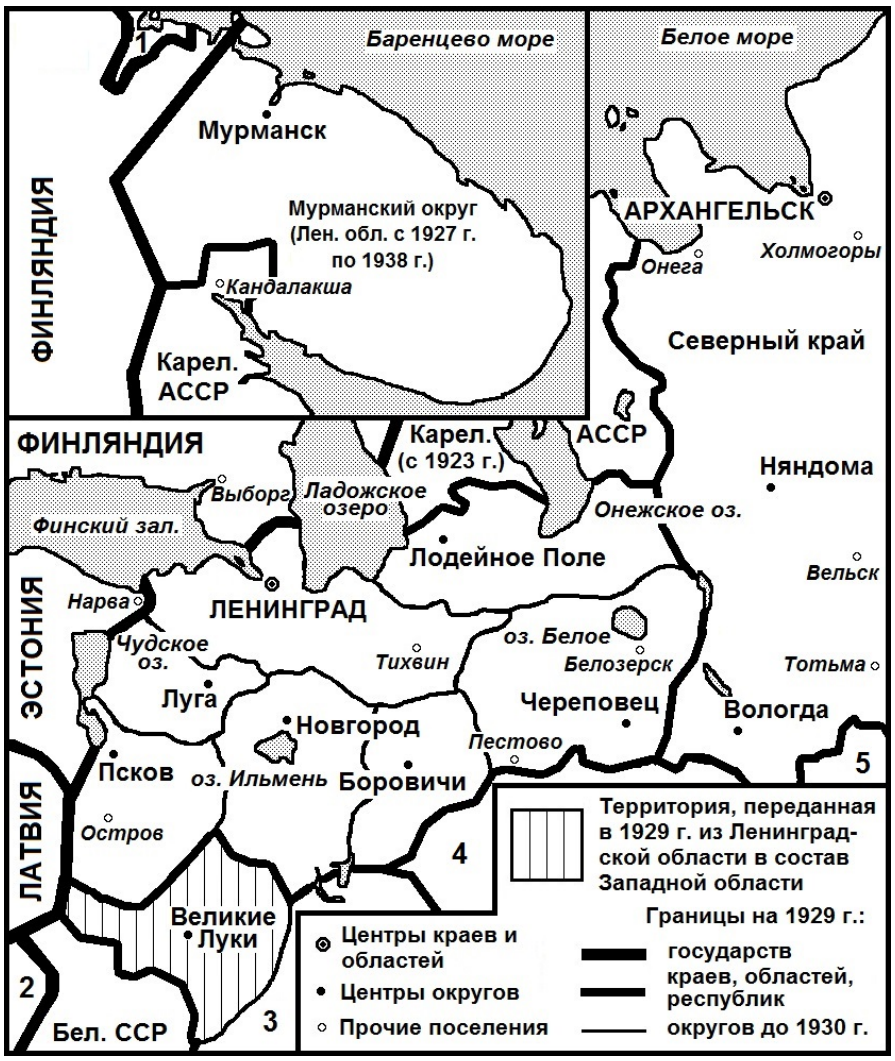

Рис. 20. Административно-территориальное деление Северо-Запада в 1929 г.
Цифрами обозначены территории:
1 – Норвегии, 2 – Литвы, 3 – Западной области,
4 – Московской области, 5 – Ивановской промышленной области

Площадь Ленинградской области с этого момента уменьшилась до 341,4 тыс. кв. км. Также в состав Западной области, с центром в г. Смоленске, вошли упразднённые Брянская и Смоленская губернии, южная часть Тверской и западная половина Калужской губерний[1].

Вторая советская реформа АТД: разукрупнение ячеек (первая фаза: 1930–1940 гг.)

По причине плохой управляемости огромных по площади, населению и числу районов единиц АТД сразу же после завершения первой реформы встал вопрос о разукрупнении наиболее крупных по своим размерам краёв и областей. Разукрупнение АТД проходило по-

[1] Тархов С. А. 2005. Указ. соч.

этапно: 1) разделение ряда краёв и больших областей на меньшие по размерам области в 1934–1935 гг.; 2) полное раздробление всех больших краёв и областей в 1936–1938 гг.

Одновременно было принято решение отказаться от окружного звена в АТД. Уже летом 1930 г. произошёл переход на новую структуру АТД – «область-район-сельсовет». Соответственно, в Ленинградской области были ликвидированы округа (за исключением Мурманского), и установлено районное деление. При этом Псков, Новгород, Боровичи и Череповец стали подчиняться непосредственно областному исполкому в качестве самостоятельных административных единиц.

В 1931–1933 гг. в Ленинградской области достаточно интенсивно шёл процесс укрупнения районов, всего было ликвидировано 32 района. В этот же период, в декабре 1931 г. по решению ЦК ВКП(б), в связи с ростом промышленности и населения, а также расширением территории, Ленинград был выделен из областной структуры в отдельный административно-хозяйственный центр, в город республиканского подчинения, оставаясь при этом областным центром[1].

В январе 1935 г., в рамках разукрупнительной реформы АТД, на стыке трёх «больших» областей – Западной, Московской и Ленинградской была образована «малая» область – ***Калининская***, в состав которой отошли пять районов Ленинградской области. В феврале того же года на её западе был выделен Великолукский округ. В марте 1935 г. в составе Ленинградской области вновь были выделены Кингисеппский и Псковский округа (просуществовавшие до сентября 1940 г.), что было обусловлено их пограничным положением.

В 1937 г. в Калининской области были образованы Опочецкий (приграничный) и Карельский национальный (с центром в г. Лихославле) округа. Однако уже в 1938 г. были упразднены Великолукский и Карельский национальный округа, в Калининской области сохранился только Опочецкий округ.

В сентябре 1937 г. *Северная область* была разделена на ***Архангельскую*** и ***Вологодскую*** области. В состав последней были переданы 18 районов Ленинградской области (территория бывшей Череповецкой губернии). В то же время *Западная область* преобразуется в ***Смоленскую область***.

В 1938 г. из состава Ленинградской области вышел *Мурманский округ* в связи с образованием самостоятельной ***Мурманской области***. Это было, по сути, последним шагом в разукрупнении «большой» области в ходе данной реформы. В итоге в состав Ленинградской области на момент проведения переписи населения 1939 г. входило 63 района, 15 из которых образовывали два приграничных округа – Кингисеппский и Псковский (рис. 21).

---

[1] Административно-территориальное деление Ленинградской области... СПб., 2007. 282 с.

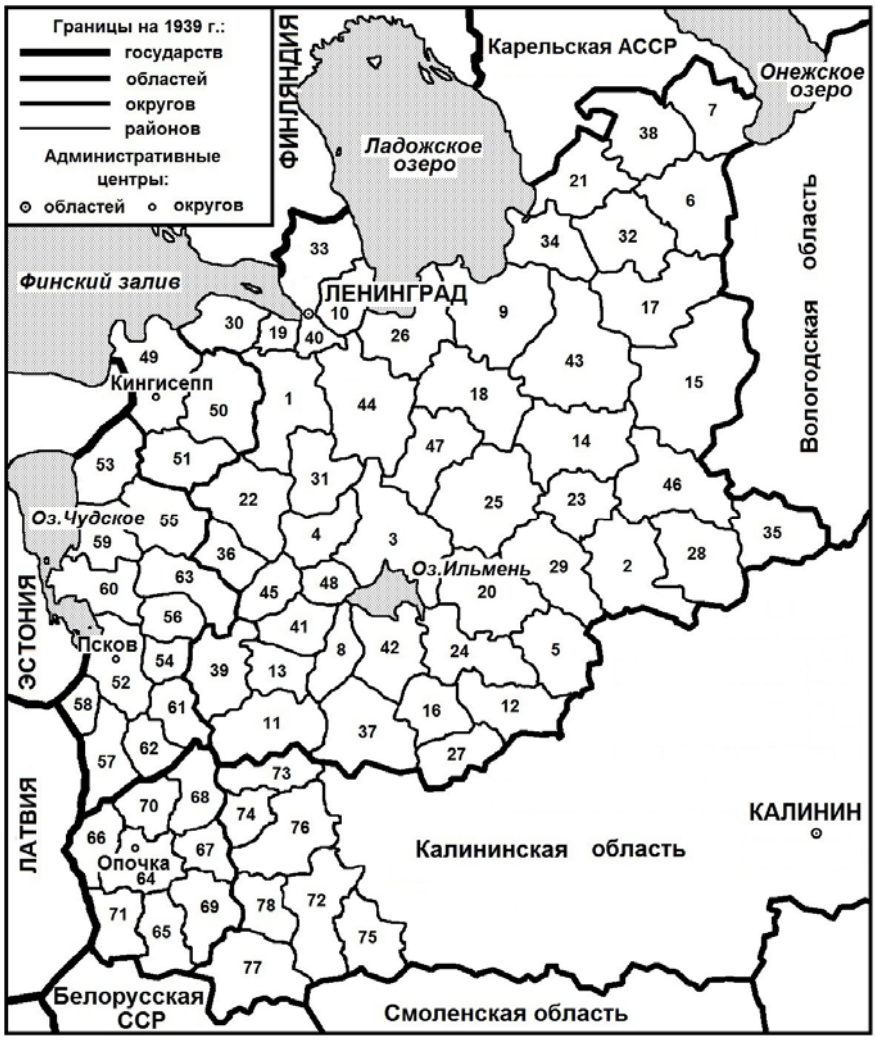

Рис. 21. Административные районы и округа Ленинградской области и западные районы Калининской области в 1939 г.
Цифрами обозначены районы **Ленинградской области**: 1 – Красногвардейский, 2 – Боровичский, 3 – Новгородский, 4 – Батецкий, 5 – Валдайский, 6 – Винницкий, 7 – Вознесенский, 8 – Волотовский, 9 – Волховский, 10 – Всеволожский, 11 – Дедовичский, 12 – Демянский, 13 – Дновский, 14 – Дрегельский, 15 – Ефимовский, 16 – Залучский, 17 – Капшинский, 18 – Киришский, 19 – Красносельский, 20 – Крестецкий, 21 – Лодейнопольский, 22 – Лужский, 23 – Любытинский, 24 – Лычковский, 25 – Маловишерский, 26 – Мгинский, 27 – Молвотицкий, 28 – Мошенский, 29 – Окуловский, 30 – Ораниенбаумский, 31 – Оредежский, 32 – Оятский, 33 – Парголовский, 34 – Пашский, 35 – Пестовский, 36 – Плюсский, 37 – Поддорский, 38 – Подпорожский, 39 – Порховский, 40 – Слуцкий, 41 – Солецкий, 42 – Старорусский, 43 – Тихвинский, 44 – Тосненский, 45 – Уторгошский, 46 – Хвойнинский, 47 – Чудовский, 48 – Шимский; **Кингисеппского округа Ленинградской области**: 49 – Кингисеппский, 50 – Волосовский, 51 – Осьминский; **Псковского округа Ленинградской области**: 52 – Псковский, 53 – Гдовский, 54 – Карамышевский, 55 – Лядский, 56 – Новосельский, 57 – Островский, 58 – Палкинский, 59 – Полновский, 60 – Серёдкинский, 61 – Славкинский, 62 – Сошихинский, 63 – Стругокрасненский; **Опочецкого округа Калининской области**: 64 – Опочецкий, 65 – Идрицкий, 66 – Красногородский, 67 – Кудеверский, 68 – Новоржевский, 69 – Пустошкинский, 70 – Пушкиногорский, 71 – Себежский; **Калининской области**: 72 – Великолукский, 73 – Ашевский, 74 – Бежаницкий, 75 – Куньинский, 76 – Локнянский, 77 – Невельский, 78 – Новосокольнический

Однако, кроме территории Ленинградской области, в пределы современного **Северо-Запада России** попадают также западные районы Калининской области, в последующем переданные сначала в состав Великолукской области (с 1944 г.), а затем – Псковской области (с 1957–1958 гг.). В общей сложности это 15 районов, 8 из которых входили в 1939 г. в состав Опочецкого приграничного округа.

С 1940 г., после войны с Финляндией, территория Карельского перешейка вошла в состав СССР. В марте 1940 г., на основе *Карельской АССР* и присоединённых к СССР восточных участков Финляндии была образована ***Карело-Финская ССР***, которая была выведена из состава РСФСР. Северная часть Карельского перешейка отошла к Карело-Финской ССР, южная его часть – к Ленинградской области (рис. 22). Перед началом Великой Отечественной войны в Ленинградскую область входило 72 района и 12 городов областного подчинения[1].

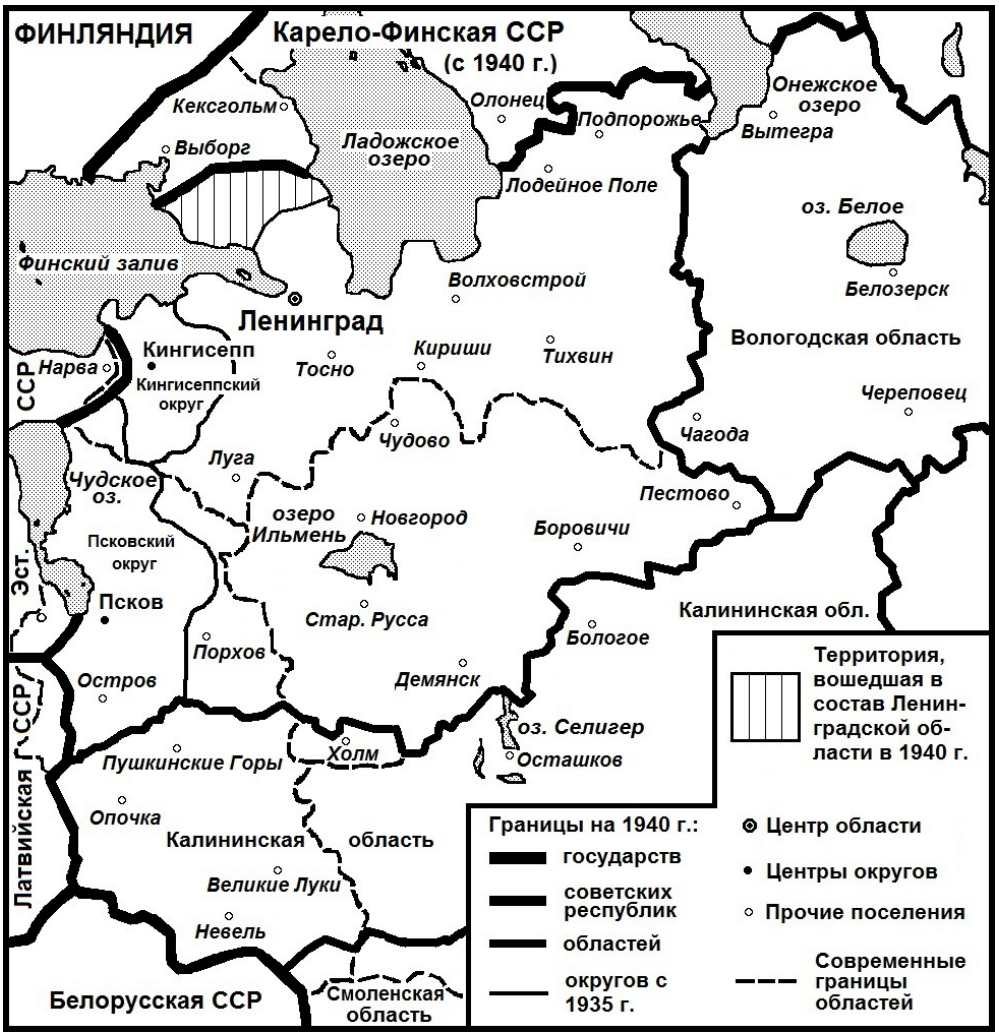

Рис. 22. Административно-территориальное деление Северо-Запада в 1940 г.

[1] Тархов С. А. 2005. Указ. соч.

В мае 1940 г., после окончания второго этапа разукрупнительной реформы АТД, площадь Ленинградской области составляла 143,7 тыс. кв. км. То есть она стала сопоставима по размерам с некоторыми другими «малыми» областями, например, с расположенными по соседству Вологодской (150,0 тыс. кв. км) и Калининской (106,4 тыс. кв. км)[1]. Тем не менее, процесс разукрупнения Ленинградской области не был завершён. Многие новые области имели заметно меньшие размеры и в значительной мере напоминали упразднённые в 1927–1929 гг. губернии.

Интересной особенностью АТД на низовом уровне в 1930-е гг. было существование национальных районов и национальных сельсоветов. Так, в Ленинградской области в 1933 г. было 4 национальных района и 122 национальных сельсоветов за их пределами, в 1936 г. – 5 национальных районов и 129 сельсоветов[2].

Вторая фаза разукрупнения областей (1944–1957 гг.)

Хотя процесс разукрупнения «больших» областей и краёв, возникших в 1920-е гг., был в основном завершён перед началом Великой Отечественной войны, некоторые вновь выделенные «малые» области сохраняли большую площадь и были неудобны для управления. Поэтому ближе к окончанию войны прошла ещё одна волна разукрупнения сравнительно больших областей, к которым, в частности, относились Ленинградская и Калининская[3].

В июле-августе 1944 г. на Северо-Западе появились сразу три новые «малые» области: ***Великолукская***, ***Новгородская*** и ***Псковская*** (рис. 23). Эти области, как отмечалось в официальных документах, были созданы в целях усиления организаторской работы местных Советов по быстрейшему восстановлению народного хозяйства.

---

[1] Административно-территориальное деление союзных республик на 1 мая 1940 г. М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. С. 6–10.

[2] Административно-территориальное устройство Ленинградской области. Л.: Изд-во Ленинградского облисполкома и Ленсовета 1933. 444 с.; Административно-экономический справочник по Ленинградской области. Л.: Изд-во Ленинградского облисполкома и Ленсовета, 1936. 384 с.

[3] Тархов С. А. 2005. Указ. соч.

Рис. 23. Изменения в административно-территориальном делении Северо-Запада в 1944 г.

Образование двух последних областей завершило процесс распада «большой» области, возникшей в 1920-е гг. – Ленинградской. Великолукская область получила ряд территорий Калининской, Смоленской и Ленинградской областей. Из последней в её состав был включён Холмский район, который перед этим уже успел побывать в составе только что образованной Новгородской области[1]. Правда, и сама Великолукская область просуществовала недолго – всего 13 лет (до 1957 г.).

В ноябре 1944 г. территория Ленинградской области получила приращение за счёт вхождения в её состав всего Карельского перешейка, а также Ивангорода и четырёх волостей, расположенных на

[1] Мартынов В. Л. Указ. соч.

правом берегу р. Нарвы и выделенных из состава Эстонской ССР[1]. К началу 1945 г. расширилась и территория Псковской области, куда были переданы земли из Эстонской и Латвийской ССР, утраченные Россией в 1920 г. согласно Тартускому и Рижскому договорам[2].

В результате этих последних преобразований АТД, к 1955 г. площадь Ленинградской области уменьшилась до 85,1 тыс. кв. км, но при этом она сохранила своё лидерство по размерам в пределах Северо-Запада. Второй по площади стала Новгородская область (53,7 тыс. кв. км), третьей – Великолукская (44,9 тыс. кв. км), четвёртой – Псковская (31,7 тыс. кв. км). Две последние оказались в числе наименее малых по размерам областей в РСФСР. Например, площадь также «малых» соседних с Северо-Западом областей составляла: Калининской области – 66,0 тыс. кв. км, Смоленской области – 49,0 тыс. кв. км[3].

В июле 1956 г. была упразднена *Карело-Финская ССР*, и под названием ***Карельской АССР*** была включена в состав РСФСР, как это было до марта 1940 г.

После достижения самого низкого уровня разукрупнения, в 1957 г. был сделан небольшой шаг назад в направлении укрупнения – ликвидировано несколько неудачно организованных периферийных областей. Это касалось тех областей, которые имели слабые центры и сильно зависели от более удалённых крупных экономических центров, своим влиянием подавлявших эти небольшие областные города. Так, в апреле 1957 г. была ликвидирована *Великолукская область*, территория которой была разделена между Псковской и Калининской областями (рис. 24). В 1958 г. из Псковской области Холмский район был передан в Новгородскую область, Плоскошский район – в Калининскую область[4].

Этими актами завершились последние крупные территориальные перетряски сетки АТД РСФСР, которая в основных чертах с этого момента и до наших дней не менялась (за исключением передач небольших участков территории, переименований и т. п.). Последующие изменения на уровне основных единиц АТД носили лишь «косметический» характер. С 1958 г. площадь областей Северо-Запада закрепилась на следующем уровне: Ленинградская область – 85,9 тыс. кв. км, Новгородская и Псковская области – по 55,3 тыс. кв. км.

---

[1] Административно-территориальное деление Ленинградской области… СПб., 2007. 282 с.

[2] Административно-территориальное деление Псковской области (1917–1988). Л.: Лениздат, 1988. 454 с.

[3] РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 января 1955 года. М.: Известия Советов депутатов трудящихся, 1955. 440 с.

[4] Административно-территориальное деление Псковской области (1917–1988). Л.: Лениздат, 1988. 454 с.

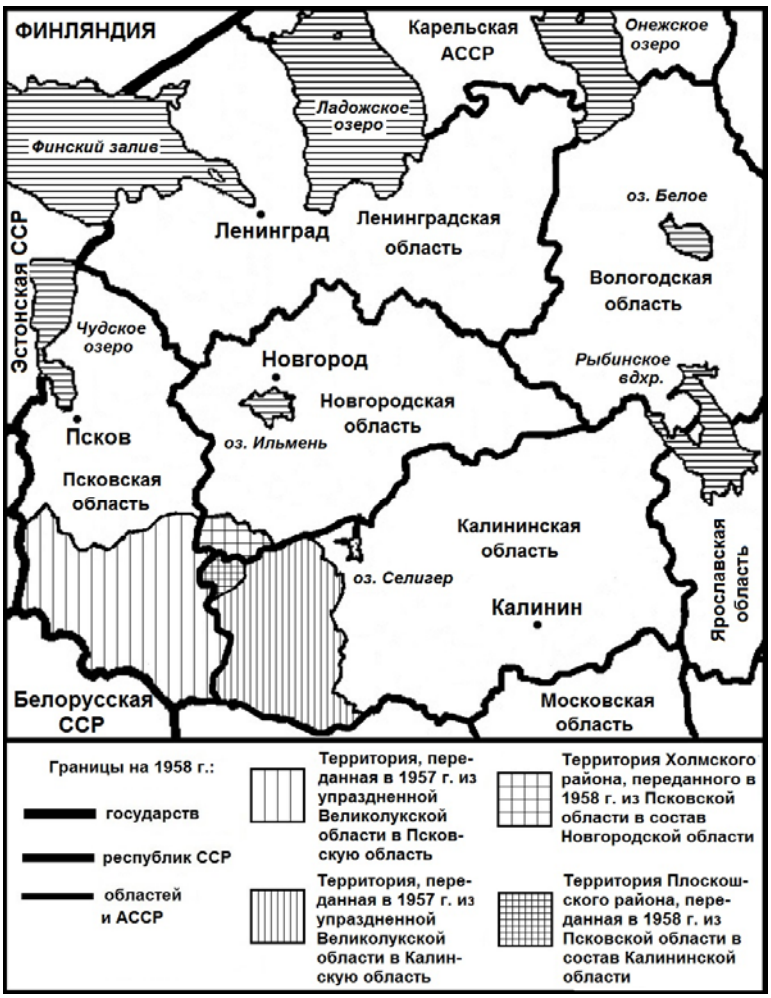

Рис. 24. Изменения в административно-территориальном делении Северо-Запада в 1957–1958 гг.

Переход к стабильности АТД на районном уровне (с 1957 г.)

Тем не менее, на районном уровне происходило достаточно много изменений. Так, например, в Псковской области в 1957 г. насчитывалось 40 районов, с 1957 по 1963 гг. шёл процесс укрупнения районов, и их количество в итоге сократилось до 13. В 1964–1966 гг. вновь происходило разукрупнение, а точнее, восстановление ликвидированных ранее административных районов. В результате к 1967 г. их количество вышло на уровень 24, и с тех пор пока не менялось[1].

Аналогичные процессы укрупнения и разукрупнения административных районов происходили и в других областях Северо-Запада. Например, в Ленинградской области последовавший за разукрупнением 1940-х – начала 1950-х гг. этап укрупнения районов продолжался вплоть до 1963 г., и тогда число районов достигло своего минимума – 10. В последующем, до 1965 г. происходило разукрупнение районов, и

[1] Административно-территориальное деление Псковской области (1917–1988). Л.: Лениздат, 1988. 454 с.

их число выросло до 16. После этого наступил период стабильности внутриобластного АТД, и только в 1977 г. был создан 17-й район – Кировский, после чего АТД области на районном уровне не менялось[1].

В 1991 г. Ленинграду было возвращено его историческое название – *Санкт-Петербург*. При этом за областью сохранилось её прежнее название – *Ленинградская* (рис. 25). Это переименование «северной столицы» знаменовало переход к новой эпохе – постсоветской.

Рис. 25. Административные районы областей Северо-Запада России в 2010 г.
Цифрами обозначены районы **Ленинградской области:**
1 **–** Бокситогорский, 2 – Волосовский, 3 – Волховский, 4 – Всеволожский, 5 – Выборгский, 6 – Гатчинский, 7 – Кингисеппский, 8 – Киришский, 9 – Кировский, 10 – Лодейнопольский, 11 – Ломоносовский, 12 – Лужский, 13 – Подпорожский, 14 – Приозёрский, 15 – Сланцевский, 16 – Тихвинский, 17 – Тосненский; **Псковской области:** 18 **–** Бежаницкий, 19 – Великолукский, 20 – Гдовский, 21 – Дедовичский, 22 – Дновский, 23 – Красногородский, 24 – Куньинский, 25 – Локнянский, 26 – Невельский, 27 – Новоржевский, 28 – Новосокольнический, 29 – Опочецкий, 30 – Островский, 31 – Палкинский, 32 – Печорский, 33 – Плюсский, 34 – Порховский, 35 – Псковский, 36 – Пустошкинский, 37 – Пушкиногорский, 38 – Пыталовский, 39 – Себежский, 40 – Стругокрасненский, 41 – Усвятский; **Новгородской области:** 42 **–** Батецкий, 43 – Боровичский, 44 – Валдайский, 45 – Волотовский, 46 – Демянский, 47 – Крестецкий, 48 – Любытинский, 49 – Маловишерский, 50 – Маревский, 51 – Мошенский, 52 – Новгородский, 53 – Окуловский, 54 – Парфинский, 55 – Пестовский, 56 – Поддорский, 57 – Солецкий, 58 – Старорусский, 59 – Хвойнинский, 60 – Холмский, 61 – Чудовский, 62 – Шимский

[1] Административно-территориальное деление Ленинградской области СПб., 2007. 282 с.

Согласно Конституции РФ 1993 г. Ленинградская, Новгородская и Псковская области, а также город федерального значения С.-Петербург получили статус субъектов Российской Федерации. То есть, для проведения реформирования на уровне субъектов РФ теперь требуется внесение изменений в Конституцию страны.

В 1994–1995 гг. для низших единиц АТД в субъектах РФ на Северо-Западе вместо названия «сельсовет» стало использоваться исторически традиционное наименование административно-территориальной единицы России – «волость».

Выводы. История реформ АТД в России включает попеременные волны укрупнения и разукрупнения административно-территориальных единиц первого ранга иерархии. К примеру, со значительного укрупнения сети АТД России начиналась имперская эпоха (реформа Петра I, стартовавшая в 1708 г.), но последующие реформы XVIII в. были нацелены в основном на разукрупнение единиц АТД, и только в начале XIX в. Российская империя перешла в период стабильных границ губерний.

Как показал анализ изменений в АТД в советскую эпоху, после революционной укрупнительной реформы, по истечении примерно трети века, система АТД фактически вернулась в состояние, близкое к дореволюционным губерниям. В целом советская эпоха на Северо-Западе России по динамике административных границ может быть разделена на два периода: 1) период становления советского государства (между двумя мировыми войнами) с крайне неустойчивым АТД; 2) период относительной стабильности сети АТД после второй мировой войны.

В пределах ***первого (межвоенного) периода*** можно выделить следующие этапы: 1) сосуществование старых и новых единиц АТД (1917–1926 гг.), частичное *разукрупнение* губерний; 2) первая советская реформа (1927–1929 гг.), нацеленная на масштабное *укрупнение* единиц АТД; 3) вторая советская реформа, направленная на *разукрупнение* областей и краёв, первая фаза которой пришлась на 1930–1940 гг.

Вторая фаза разукрупнительной реформы, прерванной войной, пришлась уже на ***военно-послевоенный период*** – с 1944 по 1957 гг. После трёх десятилетий реформ АТД страны пришла в состояние относительного равновесия и уже не подвергалась существенным изменениям вплоть до настоящего времени. С 1957 г. начинается этап устойчивости областных границ, внутри которого можно выделить две стадии с учётом изменений АТД на районном уровне: «утряска» сети административных районов до 1966 г., после чего произошёл переход к относительно стабильному районному делению.

На протяжении советской эпохи число единиц АТД первого порядка, охватывающих Северо-Запад России (без Калининградской обла-

сти, и если не считать изменений, касающихся Карельского перешейка), менялось от одной в 1927–1929 гг. (Ленинградская область) до четырёх в 1944–1957 гг. (Ленинградская, Новгородская, Псковская и Великолукская области). Наибольшей устойчивостью границ единиц АТД второго порядка (районов) характеризовался период со второй половины 1960-х гг., что важно с точки зрения использования метода «временных срезов» в исторической географии населения.

В качестве исторических событий, наиболее значимых для осуществления историко-географической периодизации в советскую эпоху, можно считать годы, когда происходили наиболее масштабные изменения АТД на Северо-Западе России: 1918, 1927, 1935, 1937, 1944 и 1957 гг. При этом в качестве политических событий второго порядка можно принять даты менее значительных преобразований, обычно сопряженных с корректировками территории союзных республик: 1919, 1922, 1924, 1929, 1940 и 1956 гг. Остальные изменения в сети АТД Северо-Запада можно отнести к политическим событиям третьего порядка.

2.2. История учёта населения Северо-Западной России

2.2.1. Учёт населения до конца XIX века

Учёт населения до Петра I

Первые учёты населения на Руси с целью податного обложения проводятся с IX–X вв. Но сведения о численности населения в этот период почти не сохранились. Когда российские княжества попали в зависимость от Золотой орды, они были вынуждены выплачивать дань. Для определения размеров налога производился учёт населения некоторых русских княжеств. При этом учитывались для обложения данью дома, дворы, т. е. учёт был похозяйственным. Не учитывалось лишь духовенство. В последующем князья стали сами отвозить дань в Орду, вследствие чего появилась потребность в учёте русского населения[1]. В любом случае, учёт численности населения не стоял на первом месте у переписчиков, надо было с помощью этого мероприятия определить размер взимаемого налога. На протяжении XIII в. ордынцами было проведено четыре переписи (в 1245 г., в 1257 г., в 1259 г. и в 1273 г.).

В связи со становлением централизованного государства в XIV–XVI вв. начинает развиваться учётно-статистическое дело. Объектом

[1] Антушева Е. Генеалогия, история семьи Писцовые книги, ревизские сказки, переписи. URL: http://subscribe.ru/archive/history.genealogy4your/200812/20101728.html

обложения в XIV в. стали земельные участки, используемые в хозяйстве – «соха» (позднее – четверть, десятина). С XVII в., помимо описания земельных участков, указывалось также число дворов и «людей». Результаты переписей фиксировалось в писцовых книгах. Писцовые книги являются сводными документами хозяйственных описаний, которые систематически издавались в России на протяжении XV–XVII вв. Наиболее ранние из всех сохранившихся писцовых книг являются новгородскими, и относятся они к концу XV в., а самые поздние – к 1684–1687 гг. Данные издания служили основанием для податного земельного обложения – «сошного письма». Писцовые книги составлялись по населённым пунктам. Указывались город (его укрепления, церкви, лавки, дворы, население и т. д.), уезд, стан и волость. Давалось подробное описание пахотных земель, сенокосные угодья и лесные участки[1]. «Людьми во дворах» считались главы семей, женатые мужчины[2]. По мнению Н. А. Рожкова, «люди во дворах» – это крестьянское рабочее население[3]. В. О. Ключевский в свою очередь считал, что этот термин обозначает «дворохозяев»[4].

В серии книг по «Аграрной истории Северо-Запада России» делаются выводы о количестве, плотности и движении населения за конкретный период. При этом в данном исследовании условно считается, что один «человек» во дворе соответствует пяти душам обоего пола, каждый следующий «человек» (семья) добавляет к ним ещё 2,5 души обоего пола на двор[5]. Данный принцип применялся в основном при описании писцовых книг XV–XVII вв. Сведения по писцовым книгам за 1616–1623 гг. были обработаны именно по такому принципу, а вот начиная со второй половины XVII в. писцовые данные были удвоены [40]. Ранее считалось, что в первом случае писцы учитывали только глав семей, а во втором – уже всё мужское население[6]. А.М. Андрияшев сделал предположение, что в писцовых книгах 1470-х – начала 1490-х гг. перечислены дворохозяева, а в более поздних книгах – главы семейств[7].

---

[1] Водарский Я. Е., Кабузан В. М. Территория и население России в XV–XVIII веках. URL: http://statehistory.ru/

[2] Шапиро А. Л. 1971. Указ. соч.

[3] Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в 16 веке. М., 1899. С. 147–151.

[4] Ключевский В. О. Соч. Т. VIII. М., 1959. С. 373–374.

[5] Шапиро А. Л. 1971. Указ. соч.

[6] Черненко Д. А. К вопросу о «людях» писцовых книг: По материалам писцовой книги Суздальского уезда 1628–1630 гг. // Материалы XIII Всероссийской научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XIX вв. Вологда: Русь, 2003. С. 83–93.

[7] Андрияшев А. М. Материалы по исторической Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. I. Списки селений. М., 1914. С. 7–8.

Помимо подворных переписей, в отдельных регионах проводились и общегосударственные переписи (1646, 1678, 1710, 1716–1717 гг.)[1]. В XVII в. были проведены две переписи населения (1646–1647 гг. и 1678–1679 гг.). В то время учитывалось только мужское население. Для проведения переписей в разные уезды отправлялись писцы со своими помощниками (подьячими). У переписчиков была инструкция о том, как проводить перепись населения и делать «приправочную книгу» с описанием местности. Воеводы, как правило, содействовали им и отправляли своих помощников[2]. Итоги переписи 1646–1647 гг. сохранились до наших дней[3]. Перепись обеспечивала крепостное право без возможности выхода и с бессрочным сыском беглых крестьян, что было утверждено на законодательном уровне в 1649 г. (Соборное уложение)[4]. Во время второй переписи в XVII в. (1678–1679 гг.) проводилось уже полное описание населения. Учитывались не только дворовладельцы со своими родственниками, но и соседи, подсоседники и захребетники в их дворах. В одной из книг Я. Е. Водарского даётся поуездное описание итогов переписи 1678 г.[5] По результатам этой переписи возникает ряд вопросов. Например, непонятно, какие группы населения подлежали учёту, неизвестен уровень утайки населения, а также вызывает сомнение точность подсчёта результатов переписи. Подворные переписи проводились вплоть до 1715–1717 гг. (Ландратская перепись при Петре I).

Из-за отсутствия достоверных сведений о численности и составе населения исследователи прибегают к использованию различных методик по исчислению данных показателей. Подсчёты численности населения в целом по Древней Руси производились исходя из средней заселённости городов и учитывая, что собственно в городах была сосредоточена небольшая часть всего населения. Во время раздробленности Руси и господства Орды у ряда исследователей возникает сложность при подсчётах из-за высокой степени миграции населения, в первую очередь, в Северо-Западную и Северо-Восточную части Руси. Попытки подсчитать численность населения Руси были предприняты Я. Е. Водарским[6], А. И. Копаневым[1], П. Н. Милюковым[2], Б. Ц. Урланисом[3] и др.

---

[1] Учёт и перепись населения в России до 1917 г. URL: http://istoriirossii.ru/19-vek/96-uchet-i-perepis-naseleniya-v-rossii-do-1917-g.html

[2] История переписей населения в России. URL: http://www.balakhna.nn.ru/?id=8529

[3] Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. М., 1911. С. 4–5.

[4] Ключевский В. О. Материалы Русской истории. URL: http://magister.msk.ru/library/history/kluchev/kllec49.htm

[5] Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века: Численность, сословно-классовый состав, размещение. М.: Наука, 1977. 266 с.

[6] Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М.: Просвещение, 1973. 160 с.

Наиболее корректной методикой расчёта является предложенное ещё в середине XIX в. приравнивание территории страны к суммарной территории её губерний. Данная методика была предложена К. И. Арсеньевым, она не даёт точных данных, хотя из-за обширности территории страны погрешностями можно пренебречь. Примерная площадь России подсчитывалась при помощи анализа, выявляющего, в какое время были присоединены те или иные территории к России, затем шло сопоставление губерний на данных территориях. Такая методика в основном применима для территории России с периода княжения Ивана III, т. е. начиная с XV в.[4].

П. Н. Милюков предпринимал попытку определить численность населения страны по итогам первой ревизии (1719 г.), при этом он опирался на данные переписи 1710 г. Им была оценена доля неподатного населения в 1678 г. в 16 %, а также убыль населения в период 1678–1719 гг. в 20 %. Этот же процент он применил для периода 1600–1650 гг., провёл оценку людности дворов (в 6,98 чел.), прирост населения в 1620–1670 гг. (в 30 %). Проведя все эти действия, он определил численность населения в 1678 г. и ранее[5]. Однако эти расчёты в дальнейшем были подвергнуты сомнению.

П. Н. Копанев предложил свой вариант оценки численности населения в XVI в. Он использовал плотность населения трёх новгородских пятин (она была ещё раньше подсчитана А.М. Гневушевым), которую потом приравнял к двум другим пятинам и Псковской земле. Таким образом, он оценил численность населения Новгородско-Псковской земли на начало XVI в. в 1 млн. чел. Потом он использовал ранее предложенный процент прироста населения в 50 % за полвека и рассчитал численность населения Новгородско-Псковской земли на середину XVI в. в 1,5 млн. чел. Затем, используя измерения площадей по исторической карте, составленной И. А. Голубцовым, исключил слабозаселённые территории (север и северо-восток). Остальная территория страны была в шесть раз больше Новгородско-Псковской земли, и население было размещено таким же образом, как в этом регионе. Соответственно, численность населения он умножил на шесть[6].

---

[1] Копанев А. И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. Т. 64. М., 1959. С. 233–254.

[2] Милюков П. Н. Государственное хозяйство России. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909. С. 24–27.

[3] Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941. С. 191–193.

[4] Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 53–58, 489; Водарский Я. Е., Кабузан В. М. Территория и население России в XV–XVIII веках. URL: http://statehistory.ru/

[5] Водарский Я. Е., Кабузан В. М. Указ. соч.; Милюков П. Н.. Указ. соч.

[6] Копанев А. И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. Т. 64. М., 1959. С. 233–254.

Но данные подсчёты также неоднократно подвергались критике. Плотность населения на различных территориях весьма отличалась, что ставит под сомнение результаты исследований П. Н. Копанева. Кроме того, были отмечены большие погрешности при подсчёте площадей разных регионов страны[1]. Таким образом, у каждого исследователя была своя методика оценки численности населения страны до XVIII в., следовательно, и результаты их расчётов отличались.

Учёт населения в XVIII–XIX вв.

В начале XVIII в., при Петре I, было проведено две общегосударственные переписи населения – в 1710 г. и 1716–1717 гг.[2]. В ходе переписей производился сбор материалов подворного учёта населения. Отметим, что в 1703 г. в России была осуществлена ещё одна перепись населения, но она была проведена исключительно для рекрутского набора. Так как часть населения скрывалась от рекрутского набора, результаты переписи были не точными[3]. Перепись 1710 г. была признана провальной, т. к. её итоги показали резкое сокращение податных хозяйств (на 19,5 %). Петром I итоги переписи были отвергнуты, и он приказал принимать подати по книгам 1678 г. Позже была проведена так называемая «Ландратская перепись» (1716–1717 гг.).

Указом Петра I от 26 ноября 1718 г. было положено начало государственным ревизиям для определения численности населения, облагаемого податями, прежде всего, крестьян и мещан, учёт податного и не подлежащего обложению населения[4]. Ревизии (от позднелатинского revisio – «пересмотр») – переписи населения в России, проводившиеся на протяжении XVIII–XIX вв.[5]. Всего было проведено десять ревизий (первая – в 1719–1727 гг., вторая – в 1744–1747 гг., третья – в 1761–1767 гг., четвёртая – в 1781–1782 гг., пятая – в 1794–1795 гг., шестая – в 1811 г., седьмая – в 1815 г., восьмая – в 1833 г., девятая – в 1850 г., десятая – в 1857–1858 гг.). Первая ревизия началась сразу после опубликования указа Сената от 22 января 1719 г. «Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок и о взыскании за утайку душ». Это постановление сформулировало порядок проведения переписи, её цель, территории и кате-

---

[1] Водраский Я. Е., Кабузан В. М. Указ. соч.

[2] Клочков М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1. СПб.: Сенатская типография, 1911.

[3] Варфоломеева Г. И. Двойная спираль. М., 2004. 384 с.

[4] Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – в первой половине XIX в. по материалам ревизии. М.: АН СССР, 1963. С. 64.

[5] Кабузан В. М. Значение слова «Ревизия (перепись населения)» в Большой Советской Энциклопедии. URL: http://bse.sci-lib.com/article095898.html

гории населения, на которые она распространялась. Перепись охватила почти все категории населения страны, хотя и продолжалась несколько лет[1].

В ходе проведения первой, второй и шестой ревизий учитывалось только мужское население. Единицей учёта мужского населения являлась «ревизская душа», которая, в свою очередь, во время переписи вносилась в «ревизские сказки». Хотя первоначально Пётр I хотел переписать всё население, но был вынужден отказаться от этой идеи. В момент проведения ревизий учитывалась также и большая часть неподатного населения (духовенство, отставные солдаты, ямщики и др.) Однако в некоторых ревизиях не учитывались дворяне и чиновники.

Ревизские сказки позволяли получить следующие сведения[2]:

- сословную принадлежность лица, подающего сказку;
- возраст на момент проведения переписи (т. е. не год рождения, поэтому подсчитанные годы рождения по разным ревизиям, как правило, различались);
- фамилию (если была), имя, отчество;
- место рождения;
- место постоянного жительства;
- наличие детей мужского и женского пола (кроме первой, второй и шестой ревизий) с указанием времени и места их рождения;
- родственников и «работных людей» с указанием фамилий, имён, возраста и сословной принадлежности;
- размеры податей, уплачиваемых казне;
- имущественное положение подающего сказку (не всегда);
- национальность (в ряде случаев по ревизиям с первой по пятую);
- физические недостатки (например, по первой ревизии – «увечен», «слеп»).

Обычно ревизии длились один-два года, а в перерыве между ревизиями собирались сведения, позволяющие дополнить и уточнить первоначально полученные данные.

Первая ревизия продолжалась дольше других. В период её проведения издавались многочисленные указы, которые дополняли и уточняли предыдущие, что усложняло проведение переписи. Ревизия проводилась с применением жёстких карательных санкций, т. к. население неохотно предоставляло сведения о себе. По этим причинам первая ревизия была проведена не достаточно основательно.

---

[1] Кабузан В. М. Народы России в XVIII в.: Численность и этнический состав. М., 1990. 256 с.

[2] Антушева Е. Генеалогия, история семьи Писцовые книги, ревизские сказки, переписи. URL: http://subscribe.ru/archive/history.genealogy4your/200812/20101728.html

Во время проведения второй ревизии собиралась не только информация о наличном податном населении, но и сведения о динамике населения[1].

Третья ревизия учитывала уже не только мужское население, но и женское. Вся обязанность по переписи населения была возложена на помещиков. Из городов и посадов сказки в свою очередь подавались магистрами и ратушами, из других земель – их управленцами. Контроль за подачей сказок осуществлялся со стороны губернских, провинциальных и воеводских канцелярий. При этом Елизаветой Петровной был принят указ о проведении переписи в течение пяти месяцев. Третья ревизия, несмотря на ряд изменений, также прошла неудачно.

Четвертая ревизия была проведена в 1781–1782 гг. Был учтён опыт предыдущей ревизии и принято решение об отказе посылать специальных ревизоров на места. Но, несмотря на некоторые проблемы проведения данного мероприятия, она дала сравнительно более полные сведения о неподатном населении.

Пятая ревизия, как и предыдущие, не была проведена в короткие сроки. Хотя решение о начале проведения ревизии было принято в 1794 г., её результаты поступали вплоть до 1808 г.[2]

Начало проведения шестой ревизии приходится на 1811 г. Срок проведения этой ревизии был ограничен четырьмя месяцами для Европейской части России и десятью месяцами для Сибири. Причём в каждом уезде была учреждена ревизская комиссия для приёма сказок. Во время проведения ревизии учитывалось как мужское население, так и некоторая часть неподатного населения.

Седьмая ревизия была проведена вскоре после окончания войны с Наполеоном в 1815 г. Основной целью ревизии было определение степени демографических потерь в результате войны. По этим же причинам возникали сложности при проведении ревизии, во многих губерниях данное мероприятие проходило с нарушениями.

Восьмая ревизия была начата до окончания проверки седьмой ревизии в 1833 г. Ревизии подвергалось всё податное наличное население, а также подданные России любого возраста, пола, племени и закона, состоявшие на льготах, и те, кто отбывал другие государственные повинности. Население учитывалось как с целью платежа податей или для отбывания повинностей, так и для одного только счёта его численности. Таким образом, впервые в 1833 г. была выражена потребность администрации в получении полных данных о численности и структуре населения страны.

---

[1] Кабузан В. М., Шепукова Н. М. Табель первой ревизии народонаселения России (1718–1727 гг.) // Исторический архив. № 3. 1959.

[2] Ден В. Э. Население России по Пятой ревизии. Т. 1. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1902. 388 с.

Девятая и десятая ревизии были проведены в 50-е гг. XIX в. В ходе девятой ревизии впервые были перечислены лица, не платившие податей, к которым относились дворяне, чиновники, почётные граждане и многие др. Населению было объявлено о пользе проведения ревизии. Учитывались нравы, образ жизни разных народов и местностей[1].

Десятая ревизия состоялась фактически сразу же по окончании девятой. Это было связано со значительной убылью населения, причиной чего стали многочисленные эпидемии и войны.

Ревизии, проводимые на протяжении XVIII–XIX вв., были ещё далеки от современных переписей населения и проводились по другим методикам. Данные переписи позволяли собрать данные по податному населению с целью его налогообложения. Соответственно, эти переписи охватывали не всё население. Проводились они, как правило, несколько лет и собранные в их ходе сведения чаще всего не относились к одному моменту времени. Кроме того, ревизии учитывали только приписное население, а не наличное и постоянное.

Так как переписи проводились с целью налогового обложения, население в основном пыталось укрыться от этого мероприятия. Помещики, которые должны были предоставить полные сведения, зачастую их приуменьшали. Были часты злоупотребления со стороны чиновников и других лиц, участвовавших в проведении ревизий. К другим недостаткам следует отнести то, что во время проведения первой, второй и шестой ревизий учитывалось только мужское население. Но, несмотря на отмеченные недочёты, ревизии дают нам важные сведения о населении тех лет и представляют большой интерес для современных исследователей. В некоторых ревизиях учитывались возраст, брачное состояние, национальность, сословия, собирались сведения по численности городского и сельского населения. В 1861 г. было отменено крепостное право, ревизии потеряли своё значение и с тех пор больше не проводились[2].

Большой вклад в исследование результатов ревизий внёс В. М. Кабузан. Им была рассмотрена история и методы проведения ревизий, был проведён сравнительный анализ их итогов на региональном уровне[3].

---

[1] Кеппен П. И. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб., 1857. 314 с.

[2] Пархоменко А. А. Ревизии населения как основа изменений социальной структуры общества в российской империи 1719–1858 гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 2 (26).

[3] Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1971. 188 с.; Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – в первой половине XIX в. по материалам ревизии. М.: АН СССР, 1963. С. 64.

Помимо ревизских сказок, численность и состав населения XVIII–XIX вв. можно оценить с помощью материалов церковного и административно-полицейского учёта населения. Много работы в этом направлении было проведено Б. Н. Мироновым. *Церковный учёт* включал сбор данных о рождении, крещении, венчании и исповеди. Наиболее ранние сведения сохранились с 1690 г. Эти данные касаются только православного населения, но именно они составляли в XVIII в. подавляющее большинство населения страны. Что касается других конфессий, то такие сведения сохранились с 20–30 гг. XIX в.[1]

В Российской империи велись *метрические книги*, в которых составлялись реестры рождений, смертей и браков с начала XVIII в. по 1918 г. Метрическая книга представляет собой хронологический список событий за год, делящийся на три основные части: 1) записи «о рождающихся»; 2) часть «о бракосочетающихся»; 3) блок «об умирающих». Они велись в церковных и государственных учреждениях. Кроме этого, в данных книгах можно найти информацию о конфессиональной принадлежности населения, месте жительства, социальном статусе, возрасте и т. д. Однако в данный список не вносились младенцы, умершие до крещения, и самоубийцы[2]. Православные метрические книги велись с 1722 г., лютеранские – с 1764 г., католические – с 1826 г. (в некоторых приходах – с 1710 г.), мусульманские – с 1828 г., иудейские – 1835 г. (в некоторых приходах – с 1804 г.), баптистские – с 1879 г., старообрядческие и сектантские – по 1905 г. (последние три велись полицейскими чиновниками)[3].

Ещё одним документом, предоставляющим сведения о численности и составе населения, были *исповедные росписи*. Данный документ составлялся по каждому приходу православной церкви Российской империи в период с XVIII в. по начало XX в. Первая исповедная роспись была составлена в 1697 г., последняя – в 1917 г., хотя в некоторых регионах данный документ составлялся и позже. Окончательная форма документа была определена в 1737 г. Исповедь проводилась во время Великого поста. Если человек не успевал исповедаться в этот период, то он мог сделать это в другое время, в частности, в Петров, Успенский и Рождественский пост. В формуляре исповедной росписи были следующие графы: порядковый номер домов или дворов, число людей (отдельно мужчин и женщин), фамилия (для полной семьи – одна фамилия для всех, для супругов – только имя и отчество, для детей – только имя; если же умер один из супругов, то в живых

---

[1] Народонаселение России в XVIII веке. Численность, материалы учета. URL: http://studopedia.ru/2_106809_natsionalniy-sostav-demograficheskoe-povedenie.html

[2] Церковные метрические книги – где хранятся документы. URL: http://livemem.ru/articles/metricheskie_knigi.html

[3] Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги: Время собирать камни // Отечественные архивы. 1996. № 4, 5.

отмечалось вдовство), возраст, количество детей старше одного года. Исповедную роспись подписывал настоятель храма и весь его причт[1].

В XIX в. периодически выпускались печатные издания, содержащие сведения о населении той или иной территории. Так, в различных губерниях Российской империи в разное время выпускались «Губернские ведомости», «Обзоры губерний» и др. издания. В период с 1830-х гг. до 1917 г. практически во всех губерниях и областях выпускались *памятные книжки.* Именно эти издания представляют наибольшую ценность в плане накопления статистической информации за вторую половину XIX в. – начало XX в. Памятные книжки включали четыре раздела: адрес-календарь, административный справочник, статистический обзор и научно-краеведческий сборник. В административном разделе указывались сведения об административно-территориальном делении губернии, приводились списки населённых мест. Статистические таблицы населения, как правило, входили в статистический раздел. Это, безусловно, придаёт памятным книжкам особую ценность при проведении историко-географических исследований на конкретных территориях. С помощью памятных книжек можно в полной мере представить картину жизни региона, уезда, отдельного населённого пункта в определённом году[2].

Выводы. Учёты населения (переписи, ревизии и др.) позволяют получить сведения о численности и составе населения, необходимые для исследования по исторической географии населения, опирающегося на методику временных срезов. В ранние периоды истории государства переписи проводились с целью сбора сведений о военнообязанном и податном населении. Такой подход сохранялся вплоть до XVIII в., когда были поставлены более широкие задачи в проведении подобных мероприятий. В период расцвета Московского государства выпускались писцовые книги, являющиеся источниками поземельных описей. Начиная со времени правления Петра I было проведено десять ревизий населения. Но они по-прежнему не давали точных сведений о численности и составе населения страны, кроме того, они длились достаточно длительное время. В последующем в различных регионах страны начали проводить собственные сборы статистических сведений, которые были отражены в местных изданиях. Некоторые даты проведения переписей, ревизий и других форм учёта населения могут быть включены в историко-географическую периодизацию с целью создания комплексной историко-географической характеристики конкретных регионов страны.

---

[1] Исповедная роспись. URL: http://www.icon-favor.ru/index.php?idslovo=1322&page=859; Метрические книги как источник по истории населения России. URL: http://publications.hse.ru/articles/77713872

[2] Памятные книжки губерний и областей Российской империи. URL: http://www.nlr.ru/pro/inv/mem_buks.htm

2.2.2. Учёт населения с конца XIX века

В 1861 г. в России было отменено крепостное право, и ревизии населения больше не проводилось, т. к. в них уже не было необходимости. В городах и губерниях стали проводиться переписи населения, первоначально представляющие полицейские «народосчисления». Потом, особенно в С.-Петербурге и Москве, стали проводиться общенаучные переписи населения. И в других регионах переписи проводились в первую очередь в городах.

В 1897 г. по инициативе П. П. Семёнова-Тянь-Шанского была проведена Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Она проходила одновременно по всей территории страны по единой схеме. В переписной лист входили следующие пункты: пол, возраст, место прописки и постоянного места жительства, национальность, сословие, вероисповедание и др. Перепись продолжалась три месяца. Её итоги были опубликованы в 89 томах, издание которых растянулось до 1905 г.

С помощью переписи 1897 г. можно оценить общую численность населения и его размещение по различным территориям Российской империи. Кроме того, был произведён сбор сведений по полу, возрасту, брачному состоянию, по семейному положению, по родному языку, грамотности, вероисповеданию, по занятиям, дающим средства для существования, по отраслям народного хозяйства и др. В дальнейшем были предприняты попытки проведения переписей населения в 1910 г. и 1915 г., но обе попытки закончились неудачно.

В 1920 г., в разгар гражданской войны, была проведена перепись населения, охватившая 72 % населения страны. В дальнейшем, в 1923 г., был проведён сбор сведений о населении в городских поселениях, одновременно с переписью промышленных и торговых предприятий. Вторая по масштабности и первая в Советском Союзе перепись населения прошла 17 декабря 1926 г. В переписной листок были включены следующие вопросы: пол, возраст, этническая принадлежность, родной язык, грамотность, место рождения, продолжительность проживания в месте переписи, наличие физических и психических заболеваний. Материалы по итогам этой переписи были опубликованы в 56 томах. Данные переписи 1926 г. стали применяться при расчётах численности населения, уровня смертности, строились демографические прогнозы на последующие годы.

Период 20–30-х гг. XX в. для некоторых территорий СССР характеризовался неустойчивостью сетки АТД. Современной территории Псковской области это коснулось в первую очередь. В этот период была упразднена Псковская губерния (в 1927 г.) и образованы Псковский и Великолукский округа в составе Ленинградской области. В них вместо гостатоотдела были созданы Псковское и Великолукское

окружные статистические отделы, но со временем и они были ликвидированы. В 1928 г. были изданы статистические сборники по Псковскому и Великолукскому округам, в которых были предоставлены сведения по населению, размерам территории и экономике на районом уровне[1]. Наибольшие сложности возникли при составлении данного справочника по Великолукскому округу. При составлении сборника учитывались прежние дореволюционные и послереволюционные издания, материалы переписи 1926 г., прочие данные (например, по колхозам и совхозам) за 1927–1928 гг.[2]

В 1930 г. Псковский и Великолукский округа были ликвидированы. Появилась необходимость в сборе статистических данных в районном разрезе. В связи с этим в 1930 г. вышел в свет «Краткий статистический справочник по районам Ленинградской области», в котором были предоставлены сведения о районах бывшего Псковского округа[3]. Спустя два года был опубликован «Экономико-статистический справочник Ленинградской области»[4]. Он содержал в себе статистические материалы, которые характеризуют основные процессы хозяйственной деятельности и социально-культурной жизни Ленинградской области. Кроме того, в справочнике были предоставлены сведения о развитии отраслей экономики за 1928–1931 гг. Справочник создавался в период нестабильности сетки АТД, поэтому в нём был приложен перечень ликвидированных районов.

В 1935 г., после выделения из Ленинградской области ряда районов в состав вновь образованной Калининской области, был издан статистический сборник, который содержал ряд сведений о некоторых южных районах современной Псковской области[5]. Спустя год Ленинградским облисполкомом было выпущено следующее издание – «Административно-экономический справочник по районам Ленинградской области». В нём было предоставлено описание районов, которые напрямую подчинялись облисполкому (в т. ч. северная часть современной Псковской области), а также районов Псковского пограничного

---

[1] Великолукский округ Ленинградской области. В. Луки: Изд. окружного стат. отдела, 1928. 254 с.; Псковский округ: (основные статистико-экономические сведения) / РСФСР, Псковский окружной исполнительный комитет. Псков: Издание президиума Окрисполкома, 1928. 44 с.

[2] Филимонов А. В. Источники по истории Псковского края (Послеоктябрьский период). Материалы по курсу «Источниковедение отечественной истории». Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 2001. 108 с.

[3] Справочник по районам Ленинградской области / изд. орготд. Леноблисполкома. Л., 1930. 312 с.

[4] Экономико-статистический справочник Ленинградской области. Л.: Издательство Леноблисполкома и Ленсовета, 1932. С. 394–399.

[5] Калининская область. Статистический сборник / Калининское областное управление народнохозяйственного учета. М., 1935.

округа. В справочнике даются сведения о городах, посёлках (рабочих и дачных), сельсоветах, предприятиях и учреждениях.

Следующая перепись состоялась в 1937 г., но по многим причинам она была признана неудачной. В связи с тем, что уровень жизни повышался, прогнозировался рост населения в СССР в период с 1933 по 1937 гг. с 165,7 до 180,7 млн. чел., но перепись дала совсем иные результаты (менее 163 млн. чел.). Многие, кто участвовал в этой переписи, были арестованы, некоторые из них были расстреляны, некоторые погибли в ГУЛАГе. Причиной уменьшения численности населения был голод 1932–1934 гг., когда погибло около 7 млн. чел., но властями данный факт не признавался. Кроме того, очень много хлопот переписчикам и для всего населения доставлял вопрос: «верующий или неверующий».

Так как перепись 1937 г. была признана неудачной, был поставлен вопрос о проведении другой переписи – в 1939 г.[1] Перепись населения 1939 г. также прошла с некоторым напряжением. Но в этот раз прогнозируемое число жителей страны было подтверждено переписью (более 170 млн. чел.).

В августе 1944 г. в связи с образованием Псковской и Великолукской областей начали работу Управления статистики уполномоченного Госплана СССР по этим областям, которые анализировали работу народного хозяйства и осуществляли контроль за выполнением госпланов. До этого времени во всех районах и городах региона действовали инспектуры Ленинградского областного Управления народнохозяйственного учёта. С марта 1948 г. данные органы государственной статистики стали подчиняться ЦСУ СССР[2].

В 1957 г. был издан Великолукский статистический сборник. В нём была отражена картина развития народного хозяйства и культуры за послевоенные и некоторые довоенные годы[3]. В Пскове был издан аналогичный сборник, где были предоставлены также сведения за 1913 и 1940 гг. Само издание вышло в свет только в 1960 г., то есть уже после объединения Псковской и Великолукской областей (1957 г.)[4]. Следующий сборник по Псковской области, причём уже в современных границах, был выпущен в 1968 г. в связи с 50-летием Советской власти, в котором давались сведения за 1967 г.[5].

---

[1] Всесоюзная перепись населения 1939 года. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=2

[2] Филимонов А. В. Указ. соч.

[3] Народное хозяйство Великолукской области. Статистический сборник. Великие Луки, 1957.

[4] Народное хозяйство Псковской области. Статистический сборник. Л., 1960.

[5] Народное хозяйство Псковской области. Статистический сборник. Л., 1968.

Первая послевоенная перепись населения прошла после смерти Сталина, в 1959 г. В этот период в стране стал проявляться интерес к научным исследованиям демографических и экономических процессов. Поэтому итоги переписи в значительной степени дали толчок в развитии науки. Результаты переписи населения 1959 г. были опубликованы в 16 томах (один том был посвящён СССР, остальные пятнадцать – союзным республикам). Переписной лист в то время насчитывал 15 вопросов. Вопрос о грамотности был соединён с вопросом об образовании. Поэтому респондента не спрашивали, окончил ли он среднюю или высшую школу. В отличие от переписи 1939 г., вопросы о месте работы и занятия поменялись местами (сначала о работе, затем о роде занятий), а для тех, кто не указал эти занятия в качестве источника дохода, надо было указать другой источник средств к существованию.

Следующая перепись населения была проведена в 1970 г. Она проходила с некоторыми новшествами. В переписной лист входило 18 вопросов. Причём они были построены так, что на 11 из них отвечали 100 % населения, а на 7 – лишь 25 %. С помощью выборочного метода достигалась экономия финансов и людских ресурсов. Вопрос о гражданстве был объединён с вопросом о национальности. В результате этого о национальности стали отвечать советские граждане, а о гражданстве – иностранцы. Собирались сведения о знании других языков (в частности, народов СССР). Было уделено внимание миграциям населения (следовало указать время проживания в данном населённом пункте, а для живущего менее двух лет – указать место предыдущего постоянного места жительства и причину его смены). Особое внимание во время проведения переписи уделялось трудоспособному населению. Была поставлена задача изучения продолжительности работы в разных отраслях хозяйства. Итоги переписи были опубликованы в 7 томах, а также в 10 томах под грифом «Для служебного пользования».

В 1979 г. была проведена очередная перепись населения СССР. Переписной лист состоял из 16 вопросов, из них 11 были предназначены для всего населения, а 5 – для 25 % жителей страны. Впервые при обработке собранных сведений были использованы ЭВМ. Стали собираться сведения о числе детей, рождённых женщиной, о населении в трудоспособном возрасте, занятом как в домашнем, так и личном подсобном сельском хозяйстве. Главу семьи должны были указывать сами члены семьи, а если возникали трудности с этим вопросом, то в графе обозначали того, кто в семье обеспечивал основные средства к существованию. Кроме того, в переписном листе был пункт, касавшийся тех, кому 100 и более лет. Результаты переписи 1979 г. были опубликованы в 1 томе, а также в 10 томах «Для служебного пользования».

9 октября 2002 г. состоялась перепись населения, ставшая первой в истории современной России. Изначально проведение переписи было запланировано на 1999 г., т. к. по стандартам ООН она должна проходить каждые 10 лет. Но в связи с кризисом перепись была перенесена на более позднее время. В переписных листах отмечались следующие пункты: возраст, семейное положение, знание языков, национальность, образование, а также имущественное положение и состояние жилья. Последняя перепись населения Российской Федерации была проведена 14–25 октября 2010 г. Население переписывалось, как и в 2002 г., по месту жительства, которым является населённый пункт, а также дом, квартира и др.[1]

Выводы. Учёты населения (переписи, ревизии и др.) позволяют получить сведения о численности и составе населения, необходимые для исследования по исторической географии населения, опирающегося на методику временных срезов. Начиная с 1897 г. в России проводятся всеобщие переписи населения. В советское время наиболее полное представление о населении страны дают итоги переписей 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. В постсоветский период было проведено пока две переписи населения – в 2002 и 2010 гг. В различных регионах страны в XX и начале XXI вв. проводились собственные сборы статистических сведений, которые были отражены в местных изданиях.

2.3. Исторические срезы в географии населения Северо-Запада России

2.3.1. Динамика численности и этнической структуры населения по итогам ревизий XVIII–XIX вв.

Ревизии населения проводились в России на протяжении большей части XVIII и XIX вв. В. М. Кабузаном были обозначены основные годы проведения ревизий населения с 1719 по 1857 гг.: первая ревизия – 1719 г., вторая – 1744 г., третья – 1762 г., четвёртая – 1782 г., пятая – 1795 г., шестая – 1811 г., седьмая – 1815 г., восьмая – 1883 г., девятая – 1850 г., десятая – 1857 г. Также для удобства В. М. Кабузан, по причине частых изменений АТД в XVIII в., рассмотрел динамику численности населения в границах губерний XIX в., составляющих

[1] Корсунский М. Итоги переписи населения в России в 2010. URL: http://www.russianscientist.org/

Озёрную область. Такая условность позволила проанализировать движение населения на уровне губерний с 1719 до 1897 гг.[1] (рис. 26).

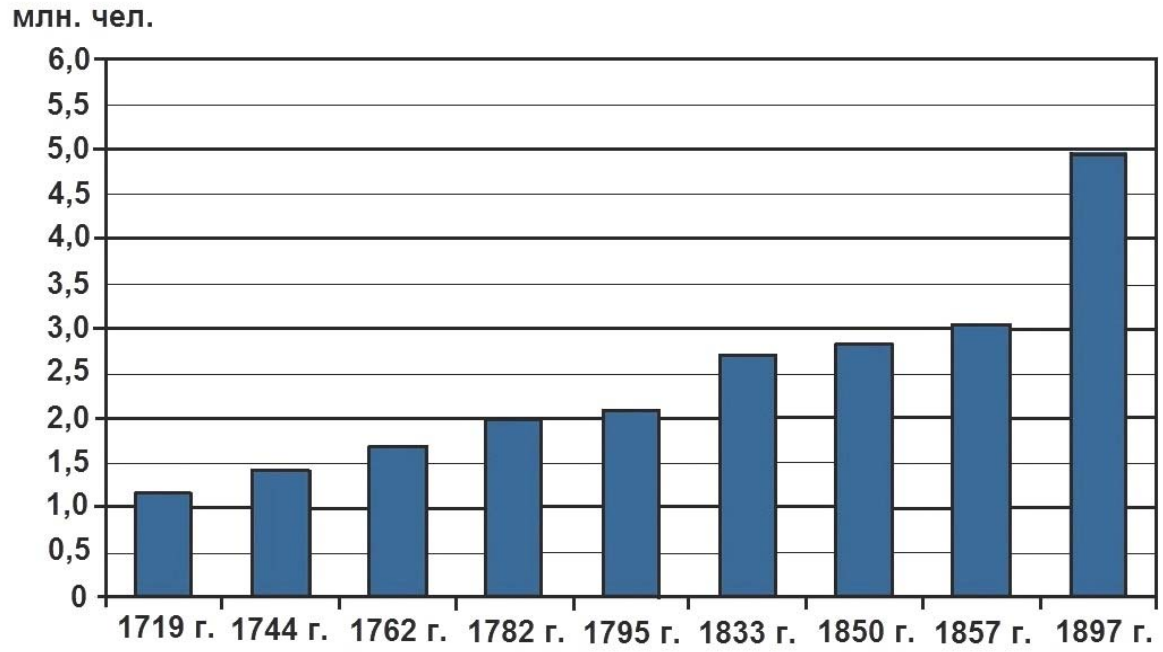

Рис. 26. Динамика численности населения Северо-Запада России (Озёрной области) в 1719–1897 гг.

Прирост населения Озёрной области между ***первой и второй ревизиями*** был достаточно высоким – 21,8 %, что заметно превышало среднероссийский показатель (табл. 5). Прирост населения между ***второй и третьей ревизиями*** также превышал средний по стране (17,4 к 15,8 %), причём в среднегодовом исчислении даже вырос по сравнению с предыдущим периодом.

[1] При написании раздела, составлении таблиц и диаграмм использовались источники: Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – в первой половине XIX в. по материалам ревизий. М.: АН СССР, 1963. 230 с.; Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1971. 190 с.; Кабузан В. М. Народы России в XVIII в.: численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. 256 с.; Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в.: численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. 216 с.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=.

Таблица 5

Изменение численности населения Северо-Запада России (Озёрной области) в 1719–1897 гг.

Ревизии	Основной год ревизии (переписи)	Численность населения, тыс. чел.	Интервал между ревизиями (лет)	Прирост населения, %	Среднегодовой прирост, %
I	1719	1175,4			
II	1744	1431,2	25	+21,8	+0,79
III	1762	1680,4	18	+17,4	+0,90
IV	1782	1990,1	20	+18,4	+0,85
V	1795	2080,8	13	+4,6	+0,34
VIII	1833	2704,2	38	+29,95	+0,69
IX	1850	2838,0	17	+4,9	+0,28
X	1857	3035,6	7	+6,95	+0,97
Первая перепись	1897	4965,5	40	+63,6	+1,24
За весь период	1719–1897		178	рост в 4,22 раза	+0,81

При этом в границах Петербургской губернии прирост населения в периоды между ревизиями вырос наиболее заметно – с 4,5 до 51,2 %, но на соседних территориях снизился: в границах Псковской губернии – с 40,1 до 16,9 %, Олонецкой губернии – с 20,2 до 13,6 %, Новгородской губернии – с 18,3 до 8,6 %. Прирост населения на территории Олонецкой и Новгородской губерний оказался ниже, чем в среднем по стране.

В границах Петербургской губернии в 20–30-е гг. XVIII в. (между **первой и второй ревизиями**) наиболее высокие темпы прироста населения наблюдались в Шлиссельбургском и Гдовском уездах (на 41,1 и 32,8 % соответственно). Население Петербургского уезда увеличилось всего на 4,7 %, что и предопределило низкие темпы роста населения столичной губернии в целом. Наиболее динамично росло население в границах Псковской губернии, причём фактически во всех уездах, что свидетельствует о высоких темпах естественного прироста, т. е. по сути, о первых проявлениях «демографического взрыва» на этих аграрных территориях. Несколько менее динамично росло население в границах Новгородской и Олонецкой губерний.

Между **второй и третьей ревизиями** (в 1840–1850-е гг.) лидерство по темпам роста населения в границах Петербургской губернии, да и всей Озёрной области, перехватил С.-Петербург. Так, население Петербургского уезда выросло на 68,8 %, а, например, в Ямбургского уезда – всего на 13,8 %. То есть быстрый рост населения Озёрной об-

ласти был вызван, в первую очередь, бурным развитием столичного С.-Петербурга, успешно преодолевшего кризис 20-х гг. XVIII в.

Население в границах Псковской губернии увеличивалось исключительно за счёт повышенного естественного прироста. В некоторых уездах, расположенных в средней части Псковщины, между второй и третьей ревизиями прирост населения превышал 30 %. Заметно ниже был естественный прирост на территории Олонецкой и Новгородской губерний, что вместе с прекращением миграционного притока привело к снижению здесь темпов роста населения в целом.

Административная реформа 1775 г. сильно перекроила уездные границы, поэтому данные четвёртой ревизии плохо сопоставимы с итогами третьей ревизии. В новых границах Озёрной области население по итогам третьей ревизии оценивается в 1623,7 тыс. чел, что на 56,7 тыс. чел. меньше, чем в старых границах (см. табл. 1). Это расхождение намного меньше, чем в других регионах России, и потому можно не акцентировать на нём своё внимание.

Между ***третьей и пятой ревизиями*** (в 60–80-е гг. XVIII в.) в России происходил довольно быстрый рост населения, особенно в 60–70-е гг., когда среднегодовой темп прироста достиг 1 % (в Озёрной области – 0,85 % или 1,01 % в новых границах). В этот период в стране не отмечалось ни одного повсеместного неурожая, Россия вела всего лишь одну войну (в 1768–1774 гг. с Турцией). Более заметное влияние на снижение темпов роста населения в Озёрной области оказала эпидемия чумы 1771 г., затронувшая Новгородскую губернию. При этом Озёрная область в с 1762 по 1782 гг. оказалась в группе регионов с близкими к средним по стране темпами прироста населения (18,4 или 22,6 % в новых границах).

Между **третьей и четвёртой ревизиями** (в 1760–1770-е гг.) наиболее быстро росло население Петербургской губернии (на 30,5 % в границах XIX в.). Здесь в числе лидеров были Шлиссельбургский и Петербургский уезды (прирост населения на 41,7 и 33,3 % соответственно), а аутсайдеров – Новоладожский, Гдовский и Лужский уезды (на 19,1 %, 23,8 % и 25,8 % соответственно).

В границах Новгородской губернии население выросло на 23,1 %, и в большинстве уездов показатель был выше среднего по России. А пониженными темпами прироста отличались Белозерский и Череповецкий уезды (6,8 и 8,7 % соответственно). В границах Псковской губернии население выросло на 17,5 %. Здесь лидировали Псковский и Островский уезды (прирост свыше 30 %), а в юго-восточных уездах (Великолукском, Торопецком и Холмском) прирост был менее 8 %. Сильно различалась динамика населения по уездам Олонецкой губернии. В целом прирост здесь составил 16,3 %, наиболее динамично увеличивали население Петрозаводский и Повенецкий уезды (свыше 30 %), а в Каргопольском уезде население уменьшилось на 14,5 %.

Между **четвёртой и пятой ревизиями** (с 1782 по 1795 гг.) население Озёрной области выросло всего на 4,6 %. Продолжался относительно быстрый рост населения Петербургской губернии (на 7,2 %), но почти исключительно за счёт Петербургского и Софийского (в дальнейшем – Царскосельского) уездов (свыше 20 %). При этом ряд других уездов (Ораниенбаумский, Ямбургский, Новоладожский и Шлиссельбургский) испытывал убыль населения, что свидетельствует о начале процесса поляризации населения не только во всём Озёрном крае, но и в столичной губернии.

Новгородская и Псковская губернии имели схожую динамику населения – прирост на 5,8 и 5,6 % соответственно. Но интересен факт, что в обеих губерниях центральные уезды отличались низким приростом населения (а в Псковском уезде население даже уменьшилось на 8,9 %). Наиболее динамично росло население Островского уезда в Псковской губернии (на 31,6 %) и Старорусского уезда в Новгородской губернии (на 16,9 %). В остальных уездах население увеличивалось очень медленно, или даже уменьшалось.

Население Олонецкой губернии между четвёртой и пятой ревизиями уменьшилось на 8,2 %, причём лидером по депопуляции стал динамично развивавшийся в предыдущий период Повенецкий уезд (убыль на 26,8 %).

Таким образом, в период с 1762 по 1795 гг. население Озёрной области выросло на 28,1 % (в новых границах). Лидером по росту населения была Петербургская губерния (на 39,8 %, в большей степени благодаря Петербургскому и Софийскому уездам). Население Новгородской губернии выросло на 30,2 %. Здесь поуездные различия были выражены не столь ярко, но следует отметить Устюжинский и Белозерский уезды с минимальным ростом населения. Население Псковской губернии выросло на на 24,1 %, где минимальным ростом отличались Холмский и Торопецкий уезды. При этом сравнительно медленный рост населения в Псковском и Новгородском уездах, возможно, свидетельствует о переселении части жителей губернских центров в столицу империи. Население Олонецкой губернии выросло на 6,7 %. Здесь находился лидер по депопуляции во всей Озёрной области – Каргопольский уезд, где убыль населения за весь период составила 16,4 %.

С ***пятой по восьмую ревизии*** (с 1795 по 1833 гг.) население Озёрной области выросло почти на 30 % (среднегодовой прирост – около 0,7 %). Темпы роста населения несколько замедлись по причине войны с Наполеоном, но оставались достаточно высокими. Это было связано, в первую очередь, со стягиванием со всей страны населения в столичный С.-Петербург. Так, например, по данным **седьмой и восьмой ревизий** (с 1815 по 1842 гг.) Озёрная область относилась к районам с миграционным притоком населения, хотя и не

очень значительным. Но результаты восьмой ревизии, проводившейся с 1826 по 1842 гг., показали, что фактически миграционный прирост населения характеризовал только Петербургскую губернию, в то время как соседние губернии испытывали отток населения. Особенно в этом плане выделялась Псковская губерния, несколько меньшим миграционным оттоком характеризовалась Олонецкая губерния, ещё меньшим – Новгородская губерния.

С ***восьмой по десятую ревизии*** (с 1833 по 1857 гг., т. е. за 24 года) население Озёрного края выросло на 12,3 %, а между десятой ревизией и ***Первой всеобщей переписью населения*** Российской империи 1897 г. (т. е. за 40 лет) – на 63,6 %. К 1897 г. численность населения Озёрной области приблизилась к 5 млн. чел. Среднегодовые темпы прироста населения Озёрной области во второй половине XIX в. превысили 1 %, причиной чего стали: 1) проявление «демографического взрыва» в Российской империи, т. е. заметное снижение смертности населения при сохранении высокого уровня рождаемости, что привело в итоге к высокому естественному приросту населения; 2) значительный миграционный приток населения со всей территории империи в столичный С.-Петербург. Однако быстрое развитие С.-Петербурга оказывало отрицательное влияние на демографические процессы в пределах Озёрной области, где усилилась поляризация, т. е. стягивание населения, в особенности из Псковской и Новгородской губерний, в сторону столицы Российской империи.

Изменение национального состава населения Северо-Запада России (Озёрной области) с 1719 по 1897 гг.

Для анализа динамики национального состава населения Северо-Запада России в XVIII–XIX вв. нами были отобраны данные по итогам пяти ревизий (первой, третьей, пятой, восьмой и десятой), что позволяет рассмотреть изменения за относительно большие промежутки времени (соответственно между основными годами ревизий – 43, 33, 38, 24 лет, а также 40 лет между десятой ревизией и Первой переписью населения Российской империи). В ряде случаев нами рассмотрены и результаты других ревизий населения.

Озёрная область на протяжении XVIII–XIX вв. выступала в качестве основных регионов проживания **русского** населения в Российской империи. Доля русских здесь держалась в течение двух веков на уровне около или немного выше 90 % от всего населения. Уже в первой половине XVIII в., несмотря на недавнее присоединение значительной части этих земель к России, доля русского населения здесь достигла 90 % (между первой и второй ревизиями населения, т. е. с 1719 по 1744 гг. доля русских выросла с 89,39 до 90,4 %). К третьей ревизии (1762 г.) произошло некоторое уменьшение доли русских, но в

новых границах Озёрной области именно в это время был достигнут максимальный удельный вес русских в населении – 92,7 %. В 60–90-е гг. XVIII в. по доле русского населения Озёрная область уступала в России только Центрально-Промышленному району (свыше 96 %), и немного превосходила Северный район (чуть более 90 %). В XIX в. доля русских в населении Озёрной области немного снизилась и держалась на уровне 88–89 %, что объясняется значительным миграционным притоком, в т. ч. иноязычного населения, в столицу Российской империи, а также переселенческими волнами из Прибалтики (эстонского и латышского населения) в соседние губернии – Петербургскую и Псковскую.

Таблица 6

Изменение этнического состава населения Северо-Запада России (Озёрной области) в 1719–1897 гг.

Ревизии и переписи населения	Первая ревизия (1719 г.)	Третья ревизия (1762 г.)	Пятая ревизия (1795 г.)	Восьмая ревизия (1833 г.)	Десятая ревизия (1857 г.)	Первая перепись (1897 г.)
Интервал (лет)		43	33	38	24	40
Численность населения, тыс. чел.	1175,4	1680,4 (1623,7)	2080,8	2704,2	3035,6	4965,5
Национальности	*Доля в общей численности населения, %*					
Русские (великоруссы)	89,39	89,43 (92,71)	92,06	88,72	88,40	88,64
Украинцы (малоруссы)	...	...	...	...	...	0,16
Белорусы (белоруссы)	...	...	...	...	...	0,15
Поляки	...	...	...	0,77	0,74	1,07
Латыши и литовцы	0,02	0,02	0,02	0,09	0,12	0,66
Немцы	...	...	0,06	1,96	1,88	1,44
Евреи	...	...	...	...	0,07	0,56
Прибалтийско-финские народы, в т. ч.	8,19	8,05 (5,84)	6,13	6,47	6,28	6,84
карелы	4,63	4,36 (3,14)	3,03	2,75	2,65	1,42
финны	3,39	3,50 (2,22)	2,68	3,09	2,97	2,76
эстонцы (эсты)	0,17	0,20 (0,48)	0,42	0,63	0,66	1,87
ижорцы (ижора)	...	...	...	...	...	0,28
вепсы (чудь)	...	...	...	...	...	0,52

Заметное снижение доли русского населения в Озёрной области происходило в основном в первой половине XIX в. (с 92,1 до 88,4 % между пятой и десятой ревизиями, т. е. между 1795 и 1857 гг.). В этот период Псковская и Новгородская губернии оставались почти исключительно русскими. При этом по доле русского населения лидировала Псковская губерния, хотя в течение полувека его удельный вес в населении несколько уменьшился – 98,8 до 98,2 %. Связано это было с прибытием на территорию губернии переселенцев из Прибалтики (эстонцев и латышей). В то же время в Новгородской губернии происходил рост доли русского населения – с 95,2 до 95,6 %, что являлось следствием ассимиляции местного прибалтийско-финского населения (чуди/вепсов и карел).

В Петербургской губернии за первую половину XIX в. доля русского населения уменьшилась с 86,5 до 78,9 %, хотя минимум пришёлся на 1830-е гг. (77,5 %), после чего увеличился приток в С.-Петербург собственно русского населения и ускорилась ассимиляция местных прибалтийско-финских народов (ижоры и чуди, в первую очередь). Однако, известна и ещё одна причина уменьшения доли русских в населении губернии в 30-е гг. XIX в., а именно, начало более строго учёта нерусского населения. Во второй половине XIX в. в столичной губернии продолжался ускоренный рост доли русского населения.

Наименее «русской» в Озёрной области была Олонецкая губерния, где доля русского населения за первые полвека XIX в. уменьшилась с 78,6 до 76,3 %. Однако данное снижение было вызвано, прежде всего, тем, что во время последней ревизии (1857 г.) более добросовестно были учтены «обруселая чудь и корела», т. е. была несколько завышена доля карел и вепсов. В реалии же Олонецкая губерния в этом плане почти не отличалась в середине XIX в. от Петербургской губернии, т. к. согласно девятой ревизии (1850 г.) доля русских здесь составляла 78,7 %. Схожие результаты дала и перепись 1897 г.

Согласно переписи 1897 г. самой «русской» губернией Озёрной области стала Новгородская, где русские составили 96,8 % населения. В этом плане Новгородская губерния заметно обогнала Псковскую губернию, испытывавшую во второй половине XIX в. заметный миграционный приток прибалтийских переселенцев (эстонцев и латышей). Соответственно, второй по доле русского населения в 1897 г. была Псковская губерния (94,7 %), третьей – Петербургская (81,9 %), четвёртой – Олонецкая (78,2 %).

Польское население во второй половине XVIII в. можно определить весьма приблизительно, т. к. полноценно фиксировалось оно в это время только в Лифляндии («рижские поляки»). Согласно имеющимся данным, поляки составляли около 3 % населения будущей Витебской губернии (до 1772 г. – часть Речи Посполитой), куда входили южные окраины Псковской губернии (в границах 1924–1927 гг.).

В первой половине XIX в. доля поляков в Витебской губернии увеличилась до 5 %, вероятно, за счёт более высокого естественного прироста. Причём в Себежском уезде Витебской губернии их доля достигла 14 %. Озёрная область к середине XIX в. вошла в число районов преимущественного проживания польского населения в границах империи. Их доля здесь превысила 0,7 %, однако, главным образом, за счёт С.-Петербурга. В целом же в столичной губернии их доля составляла около 2 %.

К концу XIX в. доля поляков в Озёрной области достигла 1,07 %, но они по-прежнему концентрировались в Петербургской губернии (2,13 % населения). В других губерниях области их доля в населении была заметно меньше: в Псковской – 0,4 %, в Новгородской – 0,23 %, в Олонецкой – 0,08 %.

Соседство Озёрной области с Прибалтикой сказывалось на относительно повышенной доле народов летто-литовской группы. В первую очередь, это относится к **латышам** (рис. 27). Однако вплоть до XIX в. их доля в Озёрной области была незначительной. Относительно повышена была их доля только на землях, вошедших в 1772 г. в состав Псковской губернии, а затем выделенных в Витебскую губернию. Здесь по итогам третьей и пятой ревизий (60–90-е гг. XVIII в.) доля латышей превышала 16 %. В XIX в. их доля в Витебской губернии даже повысилась: по данным восьмой ревизии (1833 г.) приблизилась к 19 % и затем держалась на высоком уровне (по данным ревизии 1857 г. и первой переписи 1897 г. – 17,7 %).

Собственно в Озёрной области в первой половине XIX в. латыши концентрировались в С.-Петербурге и Островском уезде Псковской губернии. Но уже тогда обозначилось переселенческое движение латышей из Прибалтики в Озёрную область, их доля здесь с конца XVIII в. по середину XIX в. выросла с 0,02 до 0,12 %, а к 1897 г. достигла 0,66 %. Согласно результатам переписи населения 1897 г. народы летто-литовской группы (латыши и очень немногочисленные в Озёрной области литовцы) составляли 1,0 % населения Псковской губернии, 0,7 % – Петербургской губернии, 0,5 % – Новгородской губернии и 0,01 % – Олонецкой губернии.

Немцы до 60-х гг. XVIII в. проживали только в Лифляндии и Эстляндии, и даже в С.-Петербурге их численность была незначительна. В 1760-е гг. начинается переселение немцев во внутренние губернии России, в первую очередь, в Нижнее Поволжье. В дальнейшем немецкие колонисты стали осваивать разные территории России. Также их доля стала расти вследствие расширения территории Российской империи.

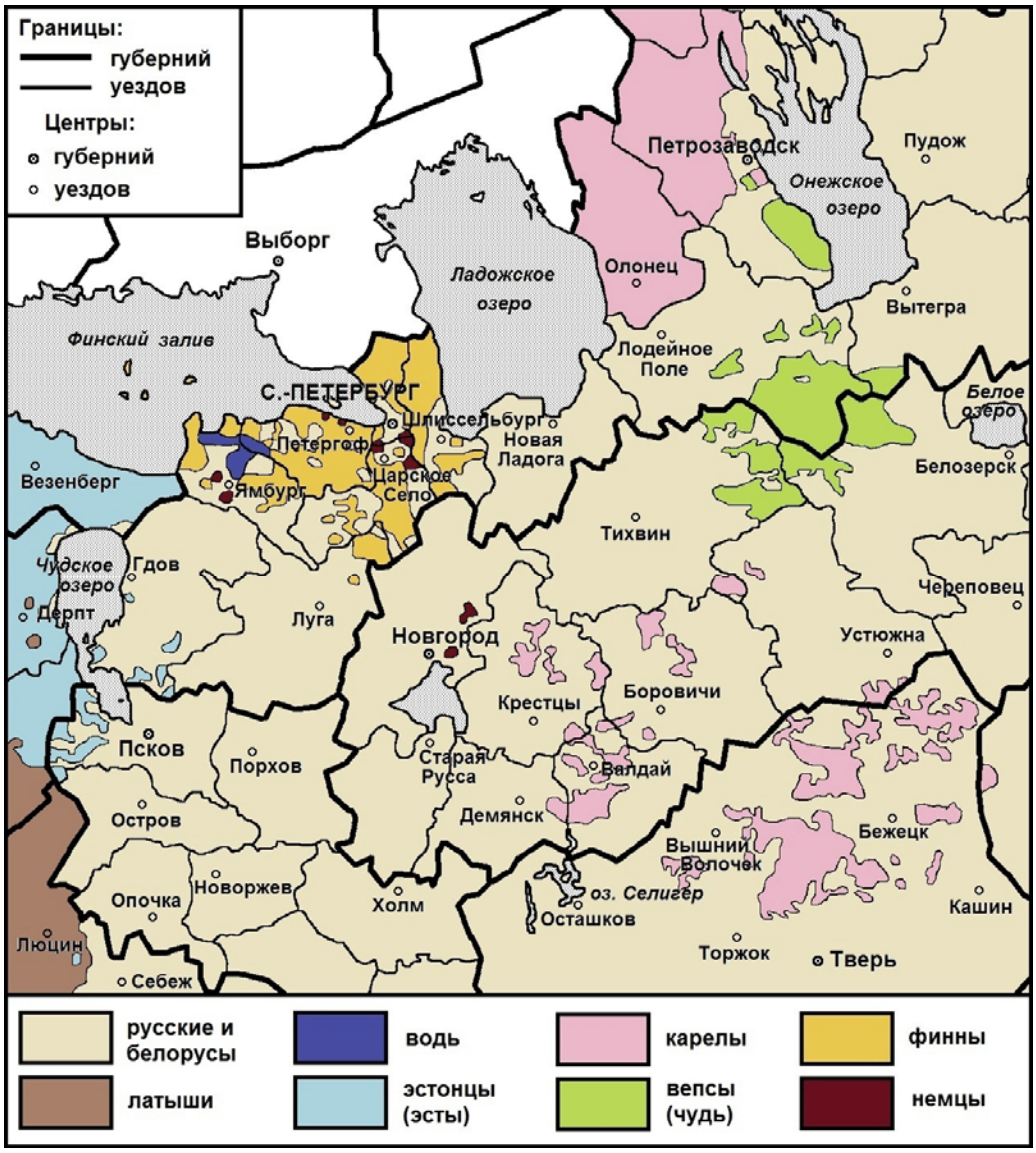

Рис. 27. Ареалы расселения народов в губерниях Озёрного края (по карте, составленной П. И. Кёппеном в 1851 г.[1])

К середине XIX в. немцы расселились во многих губерниях России, и значительное их число осело в С.-Петербурге. Причём рост немецкого населения был вызван как колонизационным притоком, так и повышенным естественным приростом благодаря ряду льгот (освобождение от рекрутской повинности, пособия из казны и т. д.). Доля немцев в населении Озёрной области достигла максимума в середине XIX в. (свыше 2 % при 0,06 % в конце XVIII в.), но к концу XIX в. несколько снизилась (до 1,44 % в 1897 г.).

В Петербургской губернии, относившейся к числу основных районов концентрации немцев в России, их доля в конце XVIII в. составля-

[1] Этнографическая карта Европейской России, составленная П.И. Кёппеном. СПб., 1851.

ла 0,21 % (пятая ревизия), достигла максимума в 1833 г. (восьмая ревизия) – 5,5 %, затем стала уменьшаться – до 5 % в 1857 г. (десятая ревизия) и 3 % в 1897 г. (первая перепись). Что касается других территорий Озёрной области, то отметим, что согласно итогам переписи 1897 г. доля немцев в населении Псковской губернии составляла 0,34 %, Новгородской губернии – 0,31 %, Олонецкой губернии – 0,04 %.

До 60-х гг. XVIII в. в России фактически не было **евреев**, и только к концу века их численность начинает достаточно быстро расти. Так, на территории Витебской губернии евреи в конце XVIII в. составляли свыше 2 %. Но в XIX в. темпы прироста еврейского населения стали самыми высокими среди народов России. Возможно, что в конце XVIII в. их численность также была более значительной, чем показывают имеющиеся данные. Учёт их в это время имел крайне низкое качество. Еврейская беднота всяческими путями стремилась уклониться от ревизского учёта и последующего подушного обложения.

Евреи занимали в России особое положение. Серия законов 1794, 1799 и 1825 гг. определила территорию, на которой официально разрешалось проживание евреев. Евреи в XIX в. жили замкнуто, не вступали в тесные контакты с окружающим населением, придерживались своей религии и почти не были подвержены ассимиляции. Евреи занимались преимущественно торгово-промышленной деятельностью и в Российской империи были сконцентрированы в городах и местечках Белоруссии, Литвы, Польши и Галиции.

Доля евреев в Озёрной области в середине XIX в. составляла 0,05 %, а к 1897 г. их доля выросла на порядок, достигнув 0,56 %, в т. ч. в Петербургской губернии – 0,76 %, в Псковской губернии – 0,66 %. В Новгородской губернии в 1897 г. евреи составляли 0,27 %, в Олонецкой губернии – 0,12 %.

Озёрная область относилась к числу главных районов проживания **карел**. Здесь было сконцентрировано свыше 40 % карел России. Основная их часть размещалась на землях Олонецкой губернии, значительная часть которой в последующем вошла в состав Карелии: в начале 1760-х гг. их доля здесь составляла 16,5 %, в 1795 г. – 18,0 %, в 1857 г. – 15,7 %, в 1897 г. – 16,3 %. В частности, в Повенецком уезде во второй половине XVIII в. карелы составляли около 45 %, в Олонецком и Лодейнопольском – около 40 %, в Петрозаводском – немного более 20 %. К середине XIX в. их доля заметно изменилась, достигнув в Олонецком уезде 70 %, а Петрозаводском – 22 %. В Повенецком уезде карелы по-прежнему составляли 45 %, но заметно снизилась их доля в Лодейнопольском уезде – до 5 %.

Однако приведённые данные примерны, т. к. основаны не на результатах ревизий, а на данных исчисления 40-х гг. XIX в., проведённых по инициативе П. И. Кёппена. Карелы в XVIII–XIX вв. не принимали заметного участия в миграционных процессах. Тем не ме-

нее, в 60–70-е гг. XVIII в. карелы проживали на гораздо большей территории, чем в 40-е гг. XIX в., часть их к тому времени подверглась обрусению.

В Петербургской губернии на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. на долю карел приходилось около 0,4 % населения. Они жили в Шлиссельбургском (около 9 %), Лужском (около 0,7 %) и Петербургском (0,2 %, или 3 % без города) уездах. К 1897 г. в столичной губернии осталось всего 835 карел, что составило 0,04 % её населения.

После потери Россией в пользу Швеции в 1617 г. Карельского перешейка часть карел переселилось на Новгородские земли (в дальнейшем – территория Новгородской губернии), прилегающие к «свейской» границе. Два крупных переселенческих потока было направлено в сторону Валдая (валдайские карелы) и Тихвина (тихвинские карелы). Поток мигрантов усилился во время русско-шведской войны 1656–1658 гг. Однако, мигрантов 50–60-х гг. XVII в. называли «новоприходцами» в отличие от переселенцев первой трети XVII в. – карел «старого выхода»[1].

На территории Новгородской губернии во второй половине XVIII в. карелы составляли 3,8 %, и проживали здесь преимущественно в Валдайском (около 15 %), Тихвинском и Крестецком (около 9 %), Боровичском и Устюжском (около 3 %) и Старорусском (около 2 %) уездах. К середине XIX в. доля карел в Новгородской губернии снизилась до 3,2 %, но география их проживания фактически не изменилась.

Быстрое обрусение карел Новгородской губернии началось в пореформенный период, и уже к 1897 г. их доля снизилась до 0,73 %. Если в начале XIX в. на территории Новгородской губернии проживало около 25 тыс. карел, ближе к середине века – 27 тыс.[2], а в 1858 г. даже 31 тыс., то к 1897 г. их осталось менее 10 тыс., а последующие переписи вообще не зафиксировали здесь карел.

Меньше всего карел в Озёрной области проживало в Псковской губернии. Перепись населения 1897 г. зафиксировала здесь всего 37 карел (0,003 % населения губернии).

Вепсы (в то время называемые **чудью**) концентрировались как на землях Новгородской губернии (Новгородский, Тихвинский и Белозерский уезды) и Олонецкой губернии (Петрозаводский, Олонецкий и Лодейнопольский уезды). В 1897 г. их было зарегистрировано 25,6 тыс. (0,52 % населения Озёрной области).

---

[1] Фишман О. М., Цыпкин Д. О. Тихвинские карелы. Опыт изучения самосознания локальной этноконфессиональной группы // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 5. Историческая этнография. Русский Север и Ингерманландия. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. С. 73–84.

[2] Кёппен П. И. Об этнографической карте Европейской России. СПб., 1852.

Эстонцы в XVIII в. почти полностью концентрировались в Эстляндии и Лифляндии. Кроме Прибалтики, небольшое количество эстонцев проживало в соседних уездах Петербургской и Псковской губерний. Озёрная область стала территорией, куда началось переселение эстонских крестьян. В XVIII в. в Петербургской губернии небольшие группы эстонцев стали проживать в Гдовском и Нарвском уездах. В Псковской губернии эстонцы проживали в Псковском уезде (около 3 %, включая «псковских эстов», или сету) и Опочецком уезде (0,5 %).

В начале XIX в, а именно в 1816 г. и 1819 г. царские законы раскрепостили крестьян Эстляндской и Лифляндской губерний. Свыше 100 тыс. эстонских и латышских крестьян в 1840-е гг. приняли православную веру в стремлении освободиться от помещиков с помощью российского правительства. По законам 1849 г. и 1856 г. крестьянам было разрешено покупать землю в собственность, но помещики требовали слишком большую плату за землю или её аренду. В этих условиях началась массовая миграция эстонского и латышского населения из Прибалтики, особенно на территорию соседних российских губерний – Петербургской и Псковской[1].

Причиной оседания эстонцев и латышей в достаточно слабо освоенных, лесистых и заболоченных местах, какие представляли собой территории Восточного Причудья, была более низкая плата за аренду, как и цена для выкупа земли в частную собственность. Губернские власти охотно принимали прибалтийских переселенцев, видя в них пионеров сельскохозяйственных нововведений и учителей по правильной обработке полей и лугов.

Поэтому в XIX в. в Озёрной области доля эстонцев стала быстро расти, особенно в пореформенный период. Так, если в 30–50-е гг. XIX в. их доля в населении края держалась на уровне свыше 0,6 %, то согласно переписи 1897 г. их удельный вес составил 1,87 %. В населении Петербургской губернии их доля за это время выросла с 0,85 до 3,04 %, в Псковской губернии – с 1,3 до 2,27 %. К середине XIX в. эстонцы обосновались в Гдовском (2,66 %) и Петербургском (1,13 %) уездах столичной губернии, то к концу столетия они расселялись практически во всех уездах Петербургской губернии. В населении Новгородской и Олонецкой губерний в 1897 г. доля эстонцев была незначительной (0,23 % и 0,006 % соответственно).

В Псковской губернии эстонцы (включая сету, называемых также «псковскими эстами» или «полуверцами») концентрировались в

---

[1] Маамяги В. А. Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. М.: Наука, 1990. 200 с.

Псковском уезде: в 1830-е гг. – 6,2 %, в 1897 г. – 7,82 %. Общее число «псковских эстов» в 80-е гг. XIX в. оценивалось в 12–13 тысяч[1]. Согласно переписи населения 1897 г. численность «полуверцев» составляла 16,5 тыс.[2]

Финны в XVIII–XIX вв. концентрировались на территории Петербургской губернии. По окончании военных действий в годы Северной войны Ингерманландию покинули шведские и немецкие землевладельцы, но осталась значительная часть финского населения. Уже в 1710-е гг. наблюдался новый приток переселенцев из Финляндии, вызванный трудными условиями жизни в разорённой войной стране. Однако эта миграционная волна поглощалась городами, почти не влияя на численность финнов в сельской местности[3]. Доля финнов в Озёрной области в первой половине XVIII в. держалась на уровне около 3 % и затем начала уменьшаться из-за невысокого естественного прироста.

В XVIII в. доля финнов в уздах Петербургской губернии составляла: в Шлиссельбургском уезде – 42,6 %, в Софийском (с 1808 г. – Царскосельском) – 41,4 %, в Ораниенбаумском (с 1848 г. – Петергофском) – 37,6 %. Заметно ниже их доля была в Рождественском уезде – около 19 %, Ямбургском – 12,8 %, Петербургском – около 2 %.

В начале XIX вв. наметился небольшой рост численности финнов в Озёрной области, их доля выросла с 2,68 % (1775 г.) до 3,09 % (1833 г.). Связано это было с тем, что после присоединения в 1809 г. Финляндии к Российской империи усилился приток финского населения в С.-Петербург и частично в сельскую местность Ингерманландии. Но в последующем начался обратный процесс и к 1897 г. их доля уменьшилась до 2,76 %.

В 1862 г. в Петербургской губернии насчитывалось 77,8 тыс. финнов[4]. В середине XIX в. финны составляли 42 % населения Шлиссельбургского уезда, около 28 % населения Царскосельского и Петергофского уездов, 14 % – Ямбургского и 5 % – Петербургского уездов. С 1795 по 1897 гг. доля финнов в населении губернии снизи-

---

[1] Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печорского края // Живая старина, 1890. Вып. 1. СПб. С. 31–62.

[2] Гурт Я. О псковских эстонцах, или так называемых «сетукезах» // Известия императорского русского общества. Т. XLI. 1905. СПб., 1906. С. 1–22.

[3] Чистяков А. Ю. Численность и расселение ингерманландских финнов (вторая половина XIX – начало XX в.) // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 5: Историческая этнография: Русский Север и Ингерманландия. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. С. 84–93.

[4] Чистяков А. Ю. Указ. соч.

лась с 9,05 до 6,17 %. В населении Олонецкой губернии в 1897 г. финны составляли 0,66 %, Псковской губернии – 0,32 %, Новгородской губернии – 0,05 %.

Финны, проживавшие в Петербургской губернии (финны-ингерманландцы) делились на две этнографические группы: савакот и эвремейсет. Так, согласно оценкам П. И. Кёппена, в 1834 г. в Петербургской губернии проживало 72,3 тыс. финнов, в т. ч. около 43 тыс. савакот и 29,3 тыс. эвремейсет[1].

Более многочисленной была этнографическая группа переселенцев из восточной Финляндии – савакот (выходцы из исторической области Саво и из других частей Финляндии). Финны-савакот проживали в пяти уездах Петербургской губернии: Ямбургском, Петергофском, Царскосельском, Шлиссельбургском и Петербургском (рис. 28).

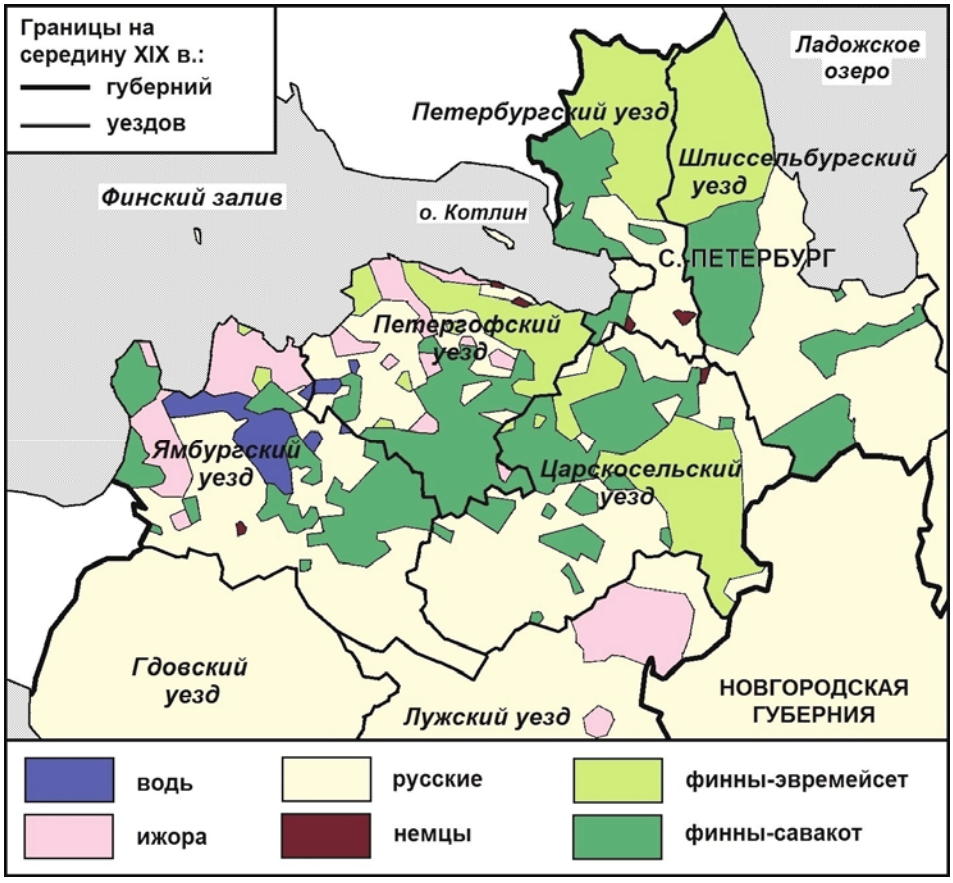

Рис. 28. Ареалы расселения народов в С.-Петербургской губернии в середине XIX в. (по карте, составленной П. И. Кёппеном в 1849 г.[2])

[1] Кёппен П. И. 1852. Указ. соч.

[2] Этнографическая карта Санкт-Петербургской губернии, составленная П. И. Кёппеном. СПб., 1849.

Эвремейсет – это переселенцы из ближайших районов Финляндии, в частности, из прихода Эуряпяя, занимавшего северо-западную часть Карельского перешейка, и соседних с ним приходов. Часть их поселилась на соседних юго-восточных землях Карельского перешейка (Петербургский и Шлиссельбургский уезды), ещё две группы расселилось к югу от Финского залива и р. Невы (Петергофский и Царскосельский уезды). Эвремейсет считали всех остальных финнов поздними пришельцами и воздерживались от браков с ними[1].

Предки будущих савакот и эвримейсет проживали в зоне карело-емских этнических контактов и сначала входили в состав западных карел, но со временем подверглись финскому влиянию и вошли в состав финно-суоми этноса, приняли от шведов лютеранство. Тем не менее, язык финнов-ингерманландцев (особенно эвремейский диалект) сохранил некоторое сходство с языком ижоры – более ранних выходцев с того же Карельского перешейка[2].

Ижорцы (ижора) и **водь** в XVIII–XIX вв. проживали только на территории Петербургской губернии. Согласно оценкам П.И. Кёппена, в 1834 г. в Петербургской губернии проживало 17,8 тыс. ижорцев и 5,1 тыс. води[3]. Ареал расселения води приходился преимущественно на территорию Ямбургского уезда, и частично – Петергофского. Ижорцы концентрировались в XIX в. в Ямбургском, Петергофском и Лужском уездах. Перепись населения 1897 г. выявила 13,7 тыс. ижорцев, что составило 0,28 % населения Озёрной области.

В целом доля ***прибалтийско-финского*** населения в Озёрной области в течение XVIII–XIX вв. имела тенденцию к уменьшению. Так, согласно первой ревизии (1719 г.) в крае его доля составляла 8,19 %, а согласно переписи населения 1897 г. – 6,84 %. Однако были и периоды повышения удельного веса прибалтийско-финских народов, связанные с изменениями границ России и Озёрного края, а также переселением из Эстляндии и Лифляндии эстонцев в конце XVIII в. и на протяжении большей части XIX в. Так, например, минимальная доля прибалтийско-финских народов в населении Озёрной области была зафиксирована в ходе пятой ревизии (1795 г.) – 6,13 %. Но при этом необходимо отметить учёт в ходе переписи населения 1897 г. вепсов (чуди) и ижорцев (ижоры), что дало прибавку почти на 0,8 % по сравнению с предшествующими ревизиями населения.

---

[1] Шлыгина Н. В. Финны-ингерманландцы // Народы России: Энциклопедия. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. С. 372–373.

[2] Чистяков А. Ю. Указ. соч.

[3] Кёппен П. И. 1852. Указ. соч.

Таким образом, можно говорить о медленном уменьшении доли прибалтийско-финских народов в населении Озёрной области вследствие их постепенной ассимиляции на протяжении XVIII–XIX вв., даже несмотря на заметный приток эстонцев в этот период, особенно в XIX в. Процессу перехода прибалтийско-финских народов на русский язык в этот период посвящено интересное сообщение в военно-статистическом обозрении Петербургской губернии, изданном в 1851 г.: «Кроме своего природного, большая часть чухон и в особенности ижора объясняются по-русски… Впрочем, в удалённых от проезжих дорог селениях… ещё нередко можно встретить чухон…, которые почти не знают русского языка. В северной оконечности губернии на границе с Финляндией русский язык также мало знаком финнам»[1].

Согласно переписи 1897 г. прибалтийско-финское население составляло 21,4 % жителей Олонецкой губернии (в т. ч. карелы – 16,3 %, вепсы – 4,4 %, финны – 0,7 %), 9,9 % – Петербургской губернии (в т. ч. финны – 6,2 %, эстонцы – 3,0 %, ижорцы – 0,65 %), 2,6 % – Псковской губернии (в т. ч. эстонцы и сету – 2,3 %, финны – 0,3 %), 1,7 % – Новгородской губернии (в т. ч. карелы и вепсы – по 0,7 %, эстонцы – 0,2 %).

Выводы. С точки зрения исторической географии населения XVIII–XIX вв. для Северо-Запада России можно выделить ряд наиболее значимых дат, являющихся годами проведения переписей и ревизий населения, что важно с точки зрения использования методики «временных срезов». В XVIII–XIX вв. основными годами проведения ревизий населения были: 1719, 1744, 1762, 1782, 1795, 1811, 1815, 1883, 1850, 1857 гг. И завершается этот ряд 1897-м – годом первой переписи населения Российской империи.

Частые административные реформы XVIII в. заметно осложняют историко-географический анализ (в первую очередь, картографический) динамики численности и национального состава населения на уровне низовых единиц (уездов) из-за неустойчивости границ последних. Поэтому проведённый анализ имеет преимущественно статистический характер и строится на уровне более крупных административных образований (в основном губерний в границах XIX в.).

С 1719 по 1897 гг. численность населения Озёрной области увеличилась с 1175,4 тыс. чел. до 4965,5 тыс. чел., т. е. в 4,2 раза. Среднегодовой темп прироста населения региона за весь этот период составил 0,8 %. Наиболее динамичный рост населения приходился на

---

[1] Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1851. Т. III. Ч. 1. С. 211.

вторую половину XIX в., когда ежегодные темпы прироста населения превышали 1,2 %.

Доля русского населения в регионе держалась в течение всего исследуемого периода в интервале от 88,4 % (середина XIX в.) до 92,7 % (60-е гг. XVIII в.). В течение большей части XVIII в. происходил небольшой рост доли русского населения на фоне наметившейся ассимиляции прибалтийско-финских народов (финнов, карел, ижорцев и вепсов). В XIX в. их ассимиляция усилилась, и за весь исследуемый период удельный вес прибалтийско-финских народов в населении края уменьшился с 8,2 % до 6,8 %. За это время доля карел сократилась с 4,6 до 1,4 %, а финнов – с 3,4 до 2,8 %. К концу XIX в. только 0,5 % населения Озёрной области составляли вепсы (чудь), 0,3 % – ижорцы (ижора).

Однако в XIX в. усилился приток в Озёрную область, в особенности, в С.-Петербург, представителей других национальностей: немцев, поляков, евреев, латышей и эстонцев. Это привело к уменьшению доли русского населения в крае к концу XIX в. до 88,6 %. К середине XIX в. доля немцев в крае достигла 2 %, но затем начала снижаться (к концу века до 1,44 %). На протяжении второй половины XIX в. доля эстонцев в населении региона выросла с 0,6 до 1,87 %, поляков – с 0,7 до 1,07 %, латышей – с 0,1 до 0,66 %, евреев – с 0,05 до 0,56 %. Таким образом, Озёрную область в исследуемый временной интервал нельзя рассматривать как мононациональный регион, во-первых, по причине заметного удельного веса в населении коренных финно-угорских народов, а во-вторых, из-за значительного иноэтничного притока, преимущественно в столицу Российской империи и на прилегающие к ней территории.

2.3.2. Изменение численности населения и ключевых и характеристик системы расселения с 1897 по 2010 гг.

Согласно итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в пределах трёх северо-западных губерний Российской империи (С.-Петербургской, Псковской и Новгородской в границах 1926 г.) проживало 4 млн. 337,6 тыс. чел., в т. ч. в сельской местности – 2 млн. 759,9 тыс. чел. (63,6 % от всего населения). В целом за весь исследуемый период (с 1897 по 2010 гг.) численность населения в пределах Северо-Западного макрорегиона России увеличилась в 1,8 раза, но при этом количество сельских жителей умень-

шилось в 2,8 раза, а доля сельского населения на Северо-Западе сократилась до 12,4 %[1] (рис. 29).

Рис. 29. Динамика численности населения Северо-Запада России в 1897–2010 гг.

---

[1] При написании раздела, составлении таблиц, диаграмм и картосхем использовались источники: Всероссийская перепись населения 2002 года. 4. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, районов, городских поселений, сельских населенных пунктов – райцентров и сельских населенных пунктов с населением 3 тысячи и более человек. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13; Всероссийская перепись населения 2010 года. 5. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, районов, городских населенных пунктов. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-05.pdf; Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Т. 9. С. 2–13. Т. 17. С. 2–3; Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 года по республикам, краям и областям РСФСР. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php; Всесоюзная перепись населения 1970 г. Численность наличного населения городов, поселков городского типа, районов и районных центров СССР по данным переписи на 15 января 1970 года по республикам, краям и областям. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg1.php; Всесоюзная перепись населения 1979 г. Численность наличного населения РСФСР, автономных республик, автономных областей и округов, краев, областей, районов, городских поселений, сел-райцентров и сельских поселений с населением свыше 5000 чел. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg1.php; Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Наличное население в губерниях, уездах, городах Российской Империи (без Финляндии). URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=6; Численность населения СССР по переписи на 15 января 1959 года по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа, районным центрам и крупным сельским населенным местам (по административно-территориальному делению на 1 января 1960 г.). М.: Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, 1960. 523 с.

К интересным выводам подводят результаты анализа динамики численности населения на уровне регионов Северо-Запада, в т. ч. отдельно С.-Петербурга (Ленинграда). Ещё в 1897 и 1926 гг. лидером по числу жителей в макрорегионе являлась Псковская губерния, но при этом с 1959 г. Псковская область уступала по численности населения уже не только Ленинграду, но и Ленинградской области. Также в советский период происходило постепенное выравнивание численности населения Псковской и Новгородской областей. Так, в 1897 г. в Псковской губернии проживало в 1,78 раза больше жителей, чем в Новгородской, а в 2010 г. превышение численности населения Псковской области над Новгородской составило только 1,06 раза (рис. 30).

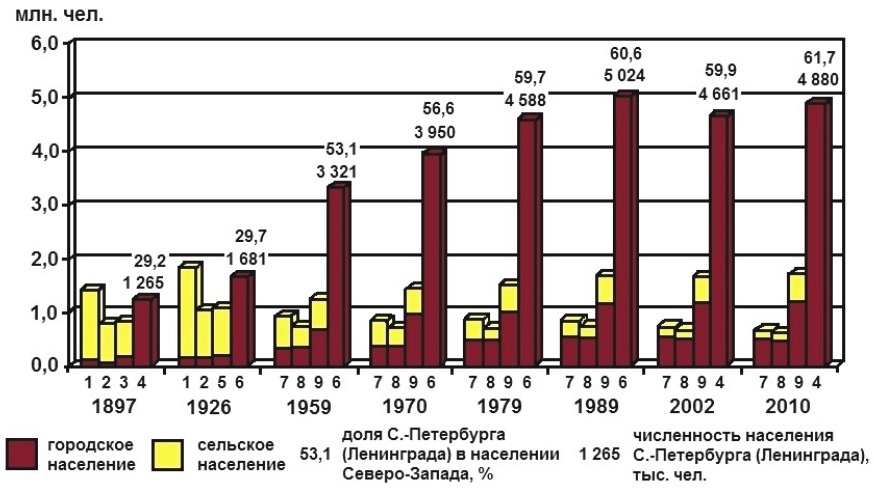

Рис. 30. Динамика численности населения регионов Северо-Запада России в 1897–2010 гг.
Цифрами обозначены регионы: 1 – Псковская губерния (в границах 1926 г.); 2 – Новгородская губерния (в границах 1926 г.); 3 – С.-Петербургская губерния; 4 – С.-Петербург; 5 – Ленинградская губерния; 6 – Ленинград; 7 – Псковская область; 8 – Новгородская область; 9 – Ленинградская область

Динамика городского и сельского населения за исследуемый период более наглядно прослеживается по диаграммам на рис. 31. В целом наблюдался рост численности городского населения по всем регионам Северо-Запада с 1897 по 1989 гг., затем наметился процесс некоторого уменьшения числа горожан. Исключение составила Ленинградская область, которая сохраняла минимальный рост городского населения с 1989 по 2010 гг. В постсоветское время С.-Петербург (Ленинград) пережил кризис населённости, и только после 2002 г. начал постепенно восстанавливать свою максимальную численность населения, достигнутую в конце советской эпохи (свыше 5 млн. чел. в 1989 г.). Несмотря на то, что С.-Петербург пока не достиг своей максимальной отметки численности населения (в 2010 г. в нём проживало только 4 млн. 879,6 тыс. чел.), он сумел упрочить свою позицию на Северо-Западе, достигнув максимального уровня концентрации населения в границах макрорегиона – 61,7 %.

Динамика сельского населения с 1897 по 2010 гг. в целом была диаметрально противоположной динамике городского населения. Однако при этом отметим рост численности сельских жителей во всех северо-западных губерниях с 1897 по 1926 гг., и затем, уже к 1959 г., резкое сокращение числа селян, особенно в Псковской области. С этого момента численность сельского населения в Ленинградской области в целом стабилизируется, но продолжается стремительное уменьшение числа селян в Псковской и Новгородской областях. Количество горожан в этих двух областях в период после 1959 г. росло непропорционально сокращению сельского населения, что явилось наглядным отражением процессов поляризации, т. е. стягивания населения, особенно из сельской местности, в Ленинград (С.-Петербург) и, в меньшей степени, в городские поселения Ленинградской области.

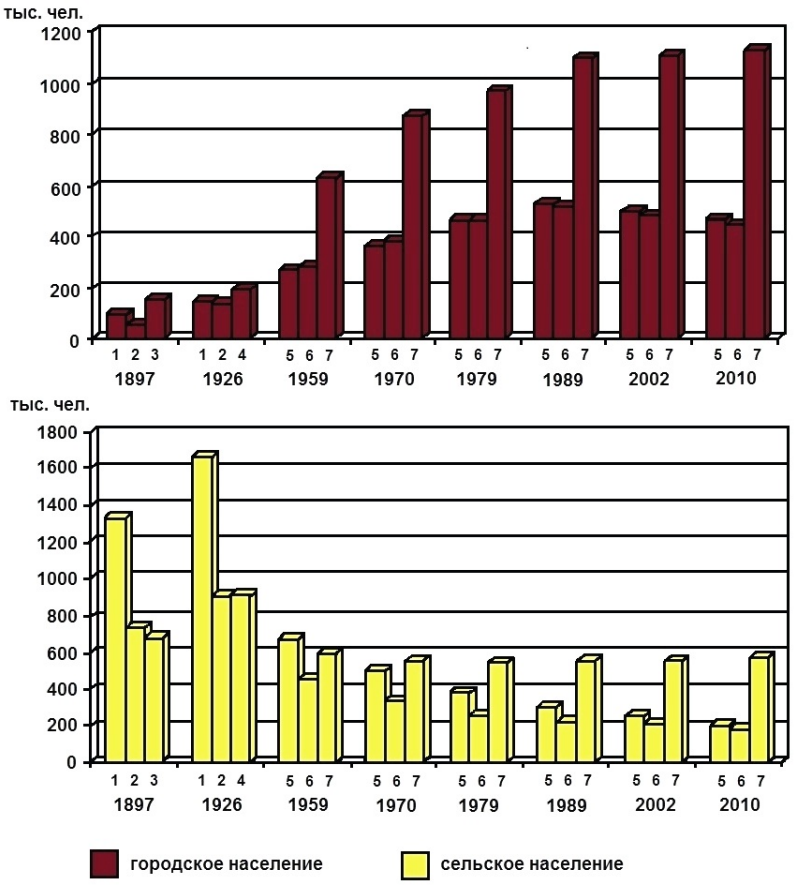

Рис. 31. Динамика численности городского и сельского населения регионов Северо-Запада России в 1897–2010 гг.
Цифрами обозначены регионы: 1 – Псковская губерния (в границах 1926 г.); 2 – Новгородская губерния (в границах 1926 г.); 3 – С.-Петербургская губерния; 4 – Ленинградская губерния; 5 – Псковская область; 6 – Новгородская область; 7 – Ленинградская область

Перейдём к анализу основных характеристик системы расселения Северо-Запада России по выделенным временным интервалам.

В период с 1897 по 1926 гг. наблюдался заметный рост населения по всем северо-западным губерниям России. В целом население

макрорегиона за это время выросло в 1,3 раза – с 4 млн. 337,6 тыс. чел. в 1897 г. до 5 млн. 658,5 тыс. чел. в 1926 г.). При этом численность сельского населения увеличилась в 1,27 раза (с 2 млн. 759,9 тыс. чел. до 3 млн. 493,2 тыс. чел. соответственно), т. е. динамика сельского населения лишь немного уступила росту городского населения – в 1,37 раза (доля городского населения выросла с 36,4 % до 38,3 % соответственно).

Очевидно, что такой значительный рост населения стал проявлением демографического взрыва, начавшегося в Российской империи примерно в середине XIX в., и завершение которого как раз приходится на начало советской эпохи. Это произошло несмотря на урон, понесенный Северо-Западом в результате Первой мировой и гражданской войн, а также послевоенной разрухи.

Именно в сельской местности в то время сохранялась традиция многодетности, так что демографический взрыв был обязан, прежде всего, аграрным губерниям, среди которых особо выделялась Псковская губерния. Перевес Псковской губернии по числу сельских жителей в 1897 и 1926 гг. над двумя соседними северо-западными губерниями был почти двукратным, т. е. в ней проживало почти столько же селян, что и в Новгородской и С.-Петербургской (Ленинградской) губерниях, вместе взятых.

В 1897 г. доля сельского населения в Псковской губернии составляла 93,1 %, в Новгородской – 92,8 % (в границах 1926 г.), в С.-Петербургской (без С.-Петербурга) – 81,5 %. В 1926 г., когда была достигнута максимальная численность сельского населения на Северо-Западе (3 млн. 493,2 тыс. чел.), в Псковской губернии селяне составляли 91,8 % населения, в Новгородской – 86,6 %, в Ленинградской (не считая Ленинграда) – 82,5 %. Таким образом, в период с 1897 по 1926 гг. при общем росте численности сельского населения наблюдалось уменьшение его доли, т. е. начался процесс стягивания сельского населения в городские поселения. Наиболее интенсивно этот процесс происходил в Новгородской губернии, в меньшей степени – в Псковской губернии, а в С.-Петербургской (Ленинградской) губернии доля сельских жителей даже выросла за этот период.

Отметим также, что С.-Петербург (Петроград, Ленинград) за период с 1897 по 1926 гг. лишь незначительно увеличил свою долю в численности населения Северо-Запада (с 29,2 % до 29,7 %), что свидетельствует о слабом проявлении в это время процесса поляризации населения на макрорегиональном уровне. Рост городского населения Псковской, и особенно Новгородской губерний шёл преимущественно за счёт городов этих же губерний.

Сравнение ***плотности сельского населения*** в 1897 и 1926 гг. (рис. 32) подтверждает вывод о главенствующем вкладе аграрных территорий (Псковская и Новгородская губернии) в значительный рост населения макрорегиона. При этом прослеживаются и очаги несколько повышенной концентрации сельского населения близ таких негуберн-

ских городов, как Великие Луки (Псковская губерния) и Старая Русса (Новгородская губерния). В этом плане стал выделяться и г. Череповец – центр самостоятельной губернии с 1918 г.

За период с 1897 по 1926 гг. заметно выросла плотность сельского населения (рис. 33) фактически во всех уездах Псковской губернии (особенно в её южной части) и Новгородской губернии. Во второй губернии наметились подвижки в росте плотности сельского населения в северных и восточных уездах, что, возможно, связано с их удалённостью от территорий основных боевых действий в годы Первой мировой и гражданской войн. Вероятно, это стало одной из причин выделения включения этих территорий в состав Череповецкой губернии, выделенной в 1918 г. из Новгородской.

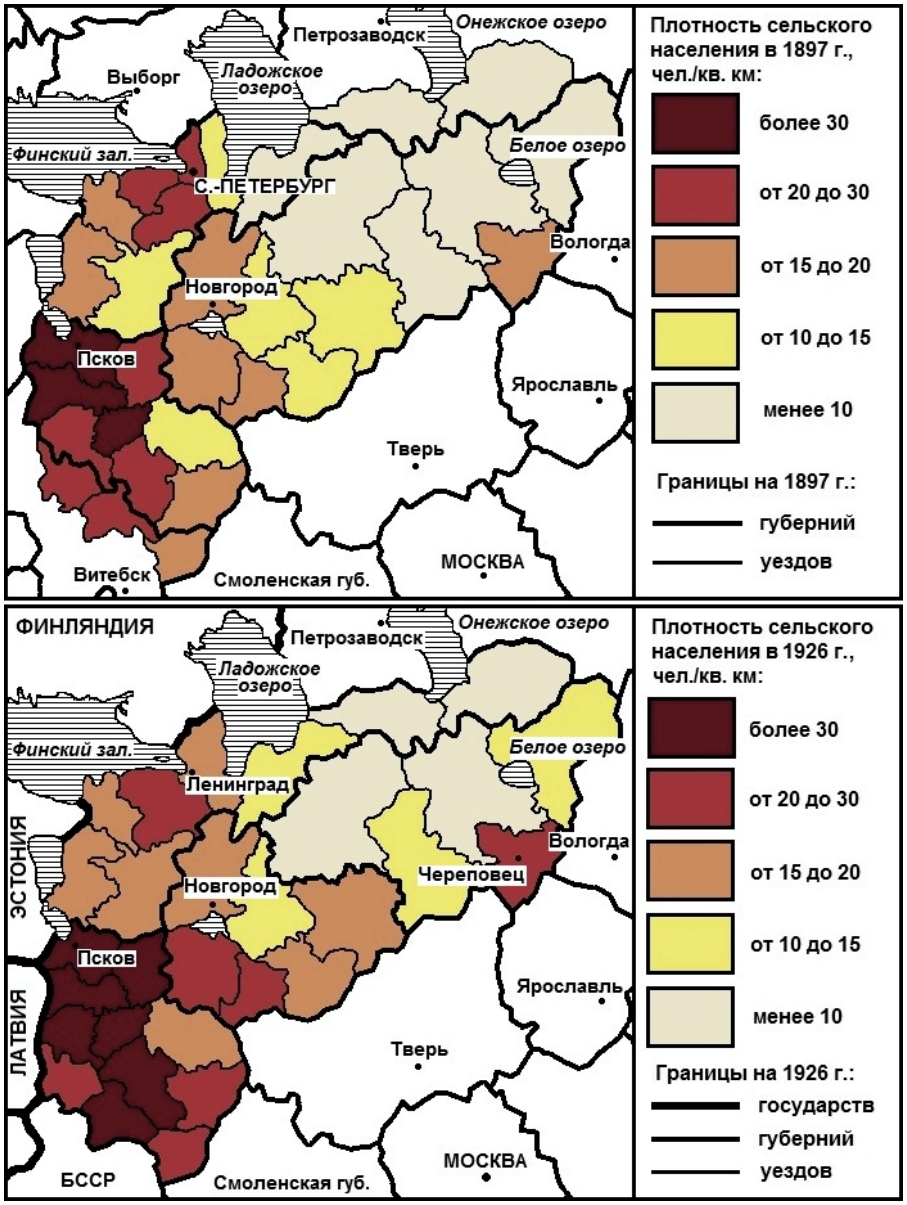

Рис. 32. Плотность сельского населения уездов северо-западных губерний России в 1897 и 1926 гг.

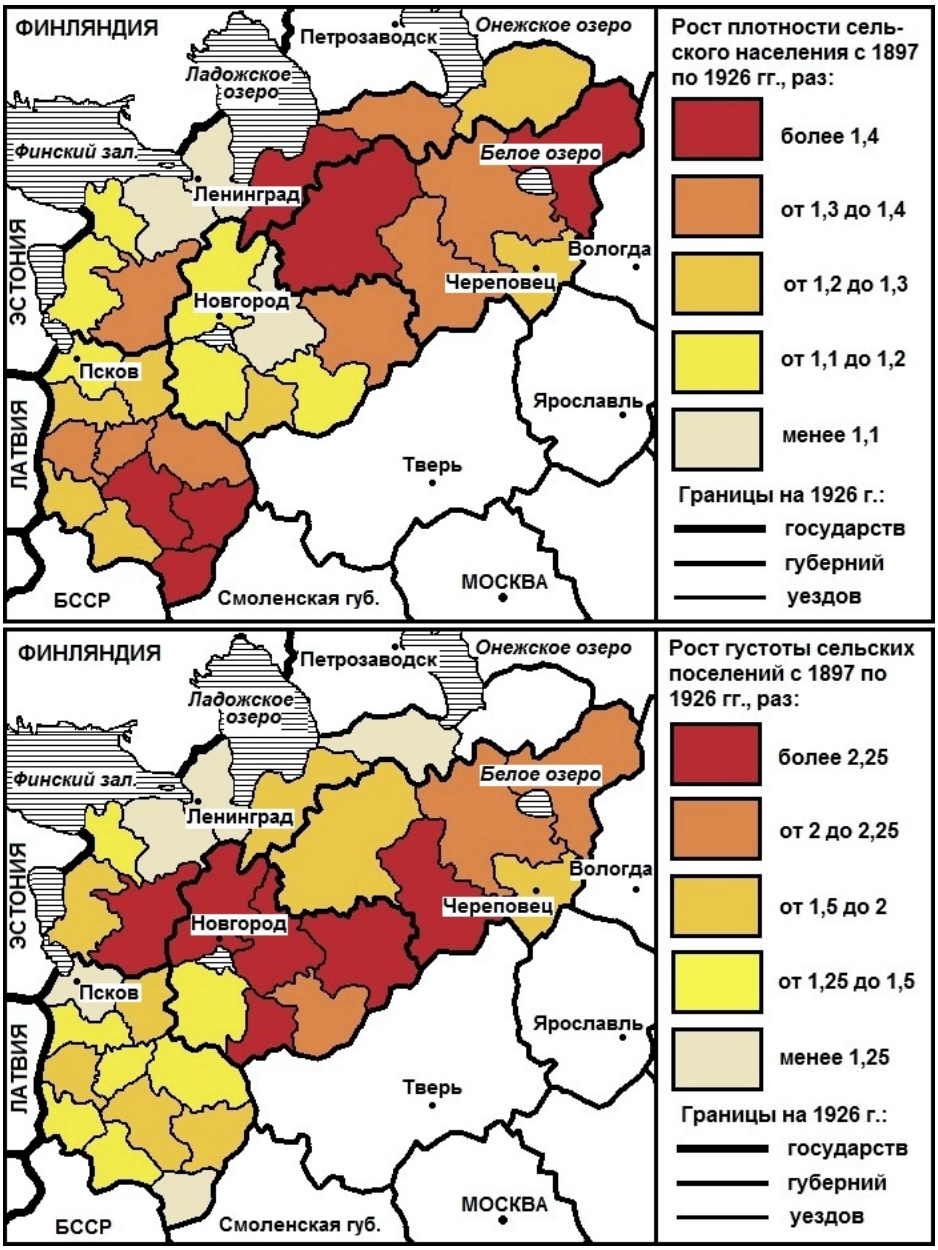

Рис. 33. Динамика плотности сельского населения и густоты сельских поселений северо-западных губерний России с 1897 по 1926 гг.

В Ленинградской (С.-Петербургской) губернии также несколько увеличилась плотность сельского населения, но, тем не менее, значительного роста по большинству уездов не наблюдается. Вероятно, сказались два фактора: снижение политико-административного статуса Ленинграда (С.-Петербурга), утратившего в это время функцию столицы государства, а также послевоенные голод и разруха, поразившие в первую очередь крупнейшие города страны. Как уже было отмечено выше, доля «северной столицы» в населении Северо-Запада в этот период увеличилась незначительно, что, вместе с тем, отразилось и на демографической обстановке на прилегающих к городу сельских территориях.

На картосхеме, где показан рост ***густоты сельских поселений*** с 1897 по 1926 гг. (рис. 33), чётко прослеживается основной пояс появления новых сельских поселений, который протянулся от Лужского уезда Ленинградской (С.-Петербургской) губернии на западе до Кирилловского уезда Череповецкой (ранее – Новгородской) губернии на востоке.

Отставание по росту густоты сельских поселений фактически всех уездов Псковской губернии объясняется просто – эта губерния уже в 1897 г. являлась лидером на Северо-Западе по густоте сельских поселений (рис. 34). И хотя в Псковской губернии к 1926 г. появилось много новых поселений, но относительный рост был уже не столь заметным, как в Новгородской губернии, в 1897 г. в несколько раз уступавшей соседке по этому показателю. На этом фоне Ленинградская (С.-Петербургская) губерния отличалась умеренным ростом густоты сельских населённых пунктов, также как и средними значениями густоты поселений на уровне Северо-Западного макрорегиона.

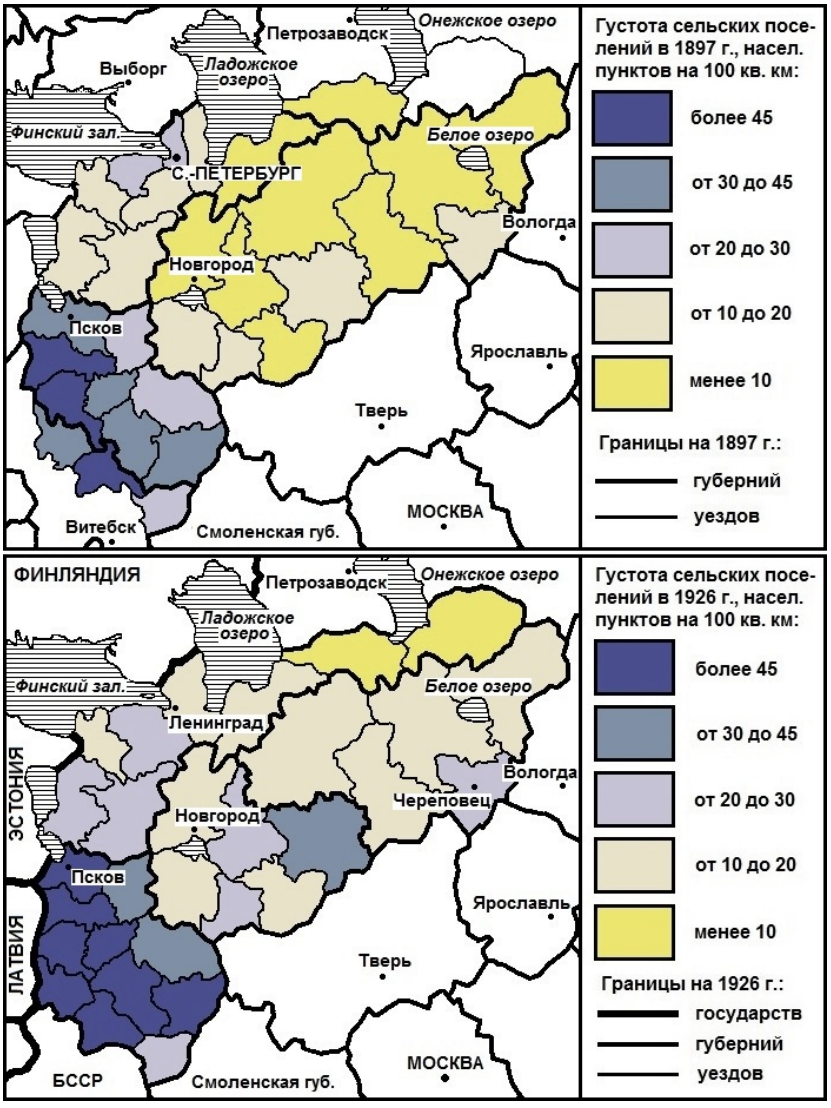

Рис. 34. Густота сельских поселений уездов северо-западных губерний России в 1897 и 1926 гг.

По ***средней людности сельских поселений*** (рис. 35) в 1897 г. лидирующие позиции занимали уезды, прилегающие к столице Российской империи и Новгороду. Локальные островки повышенной людности поселений создавали также Череповецкий и Валдайский уезды Новгородской губернии.

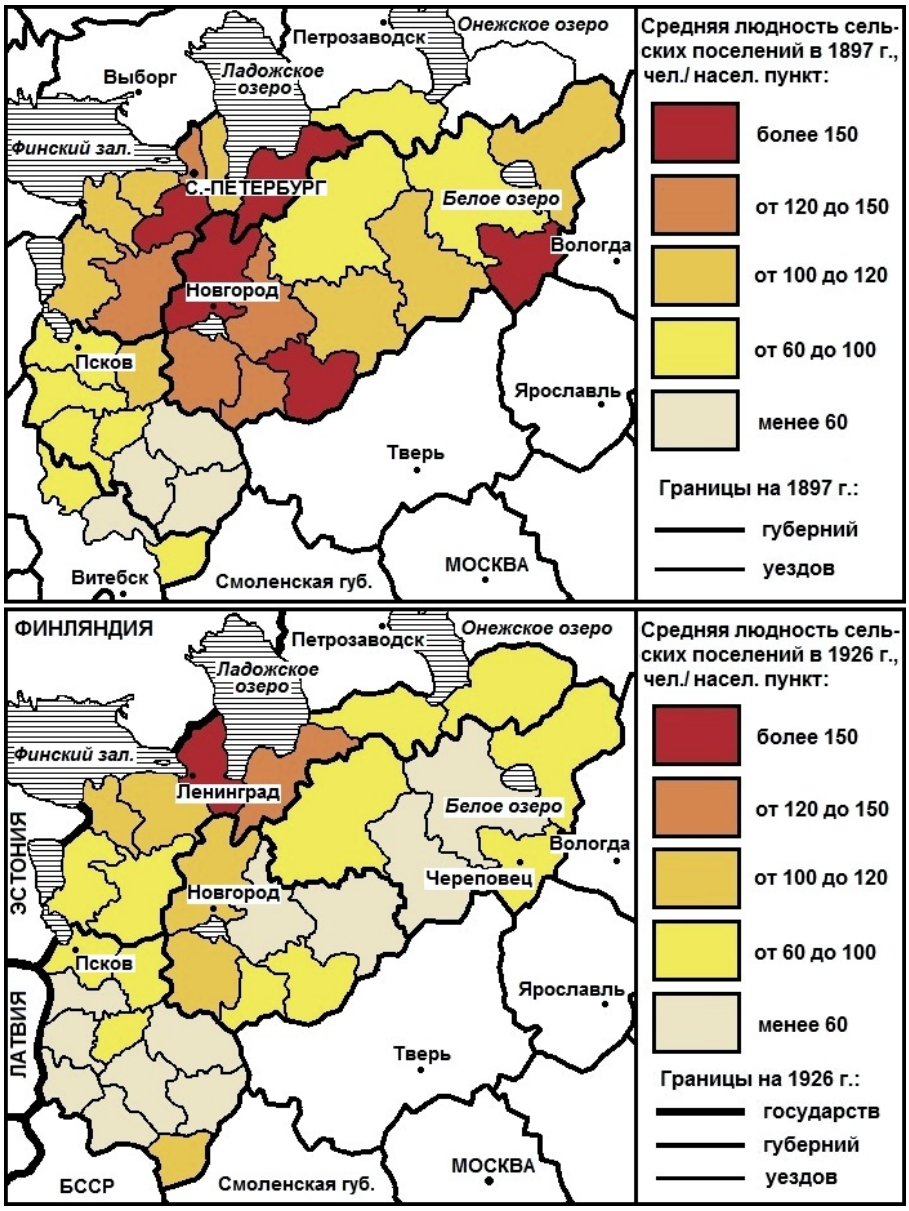

Рис. 35. Средняя людность сельских поселений уездов северо-западных губерний России в 1897 и 1926 гг.

Минимальной людностью поселений характеризовались уезды Псковской губернии, что вместе с повышенной густотой сельских населённых пунктов позволяет характеризовать её как мелкоселенную. Последнее объясняется мелконтурностью сельскохозяйственных

угодий в Псковской губернии, а также близостью последней к прибалтийским губерниям с хуторской системой расселения.

К 1926 г., в связи с появлением большого числа новых сельских поселений в северо-западных губерниях, средняя людность поселений в большинстве уездов макрорегиона заметно уменьшилась. Относительно более крупные поселения оказались сконцентрированы близ Ленинграда. Наиболее заметно уменьшилась средняя людность сельских населённых пунктов в Новгородской и Череповецкой губерниях.

Период с 1926 по 1970 гг. выпадает из сравнительного картографического анализа из-за несопоставимости единиц низшего звена административно-территориального деления (уезды и административные районы). В 1927 г. было отменено уездное деление, а более-менее стабильная сетка административных районов на Северо-Западе существует с 1960-х гг., хотя стабилизация административно-территориальных единиц более высокого уровня (области) произошла несколько раньше – к концу 1950-х гг.

С 1926 по 1970 гг. численность населения Северо-Запада России (в сопоставимых границах) увеличилась в 1,23 раза (с 5 млн. 658,5 тыс. чел. до 6 млн. 982 тыс. чел. соответственно). За это же время количество горожан выросло в 2,6 раза (с 2 млн. 165,3 тыс. чел. до 5 млн. 579,6 тыс. чел.), а число сельских жителей уменьшилось в 2,5 раза (с 3 млн. 493,2 тыс. чел. до 1 млн. 402,4 тыс. чел.). Доля городского населения выросла с 38,3 % до 79,9 %.

В этот период происходил интенсивный процесс поляризации населения, т. е. его стягивания в сторону Ленинграда. Наибольшие демографические потери от этого понёс Псковский регион, численность населения в нём (в сопоставимых границах) за это время уменьшилась более чем в 2 раза (в т. ч. сельское население – в 3,3 раза). В то же время население Новгородского региона сократилось почти в 1,5 раза (сельское население – в 2,7 раза), Ленинградского региона (без Ленинграда) выросло почти в 1,3 раза, а самого Ленинграда – в 2,35 раза.

Ленинградская область вышла на первое место в макрорегионе по числу сельских жителей, хотя и здесь число селян уменьшилось в 1,6 раза. При этом по числу городских жителей Ленинградская область стала превосходить более чем в 2 раза и Псковскую, и Новгородскую области. Доля городского населения к 1970 г. в Ленинградской области достигла 60,7 %, в Новгородской – 53,5 %, в Псковской – 42,6 %. Ленинград стал концентрировать 56,6 % населения Северо-Запада, что более чем в два раза превысило показатель 1926 г.

Благодаря стабилизации административно-территориального деления на районном уровне можно проследить изменения в основных характеристиках расселения в пределах Северо-Запада России за **период с 1970 по 2010 гг.** В целом за этот период численность насе-

ления макрорегиона увеличилась в 1,13 раза (с 6 млн. 982 тыс. чел. до 7 млн. 904 тыс. чел., хотя максимальная численность населения пришлась на 1989 г. – 8 млн. 284 тыс. чел.). Население С.-Петербурга (Ленинграда) выросло в 1,23 раза, и составляло в 2010 г. 4 млн. 880 тыс. чел. (максимум был также в 1989 г. – свыше 5 млн. чел.). Численность населения Ленинградской области увеличилась в 1,2 раза, а в Псковской области за то же время уменьшилось в 1,3 раза, в Новгородской – в 1,14 раза. К 2010 г. С.-Петербург концентрировал 61,7 % населения региона. Последнее свидетельствует о том, что процесс поляризации населения в пределах макрорегиона несколько замедлил свои темпы.

В Псковской и Новгородской областях в этот период в полной мере происходил процесс депопуляции, что привело, в первую очередь, к заметному обезлюдению сельской местности, ранее являвшейся основным поставщиком демографических ресурсов для «северной столицы». Именно этим объясняется замедление темпов поляризации населения на Северо-Западе России. В Псковской области сельское население за это время сократилось в 2,5 раза, в Новгородской – в 1,8 раза, в то время, как в Ленинградской области число селян даже немного выросло. Число горожан в Ленинградской и Псковской областях увеличилось примерно в 1,3 раза, в Новгородской области – в 1,2 раза. Доля городского населения в 2010 г. составляла: 70,6 % – в Новгородской области, 70,2 % – в Псковской области, 65,7 % – в Ленинградской области.

Картосхемы, где отражены ***плотность сельского населения*** в 2010 г. на уровне районов северо-западных областей России, её динамика с 1970 г. (рис. 36), а также ***доля городского населения*** на уровне районов в 2010 г. и динамика численности городского населения с 1970 г. (рис. 37), позволяют наглядно увидеть стягивание населения не только на уровне регионов Северо-Запада России, но и на внутриобластных уровнях.

На рис. 36 чётко прослеживаются ареалы повышенной плотности сельского населения, обязанные своим существованием наиболее значимым «ядрам» в системе расселения: С.-Петербургу (на уровне Ленинградской области), а также Пскову и Великим Лукам – в Псковской области, Великому Новгороду, Старой Руссе и Боровичам – в Новгородской области. Плотность сельского населения в этих ареалах находится в прямой зависимости от численности населения самих «ядер». Так, например, плотность сельского населения административных районов, окружающих «ядра», убывает в следующей последовательности (в скобках даётся численность населения городов на 2010 г.): Псков (203,3 тыс. чел.), Великий Новгород (218,7 тыс. чел.), Великие Луки (98,8 тыс. чел.), Боровичи (53,7 тыс. чел.) и Старая Русса (31,8 тыс. чел.).

Однако динамика численности (и плотности) сельского населения с 1970 по 2010 гг. на районном уровне в значительной степени зависит и от удалённости от «ядра» первого порядка в пределах всего Северо-Запада, т. е. от С.-Петербурга. Близость к «северной столице» относительно более благоприятно сказалась на динамике сельского населения Новгородской области (на фоне Псковской) и, конечно, Ленинградской области.

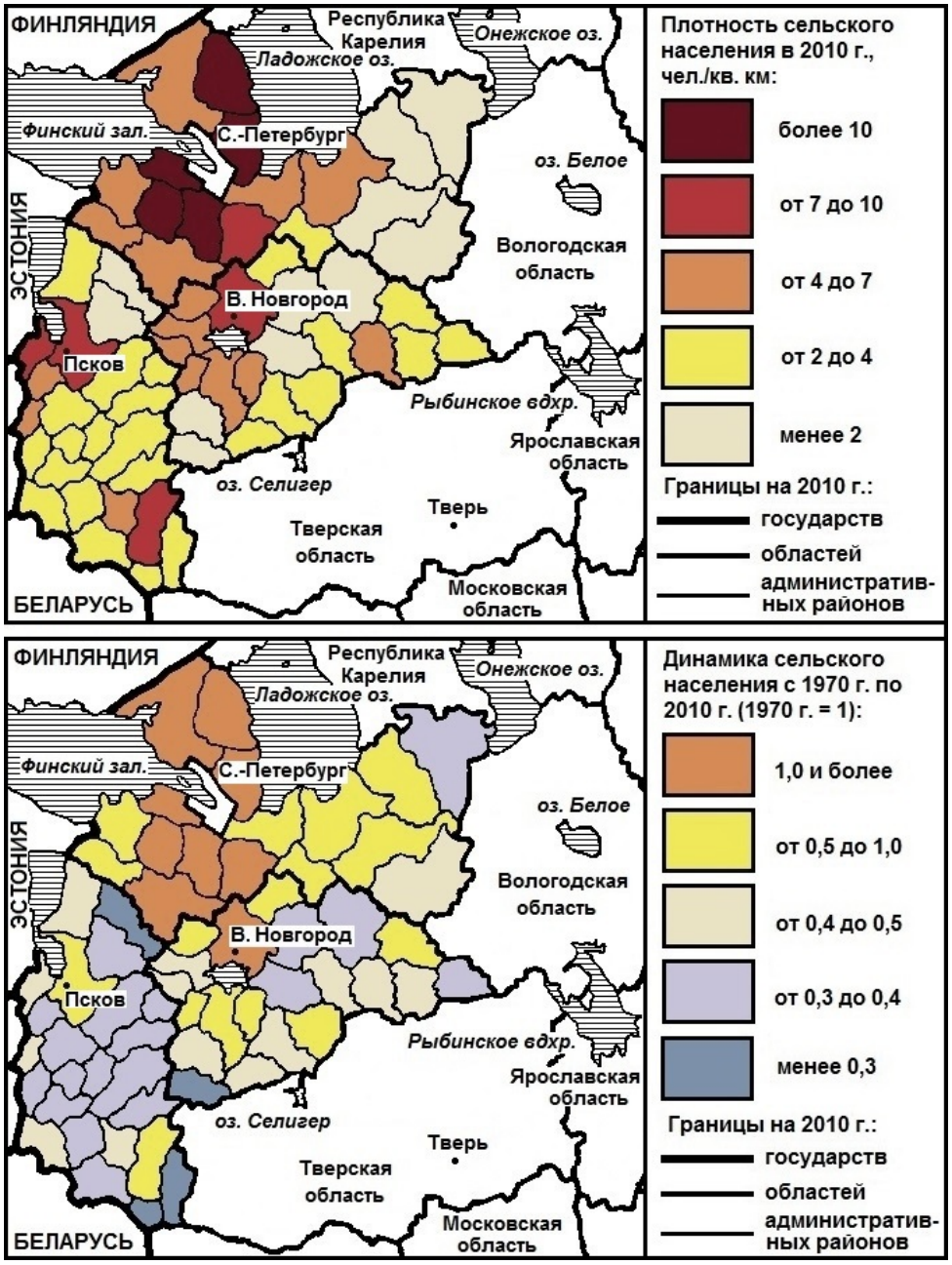

Рис. 36. Плотность сельского населения административных районов северо-западных областей России в 2010 г. и динамика плотности сельского населения в 1970–2010 гг.

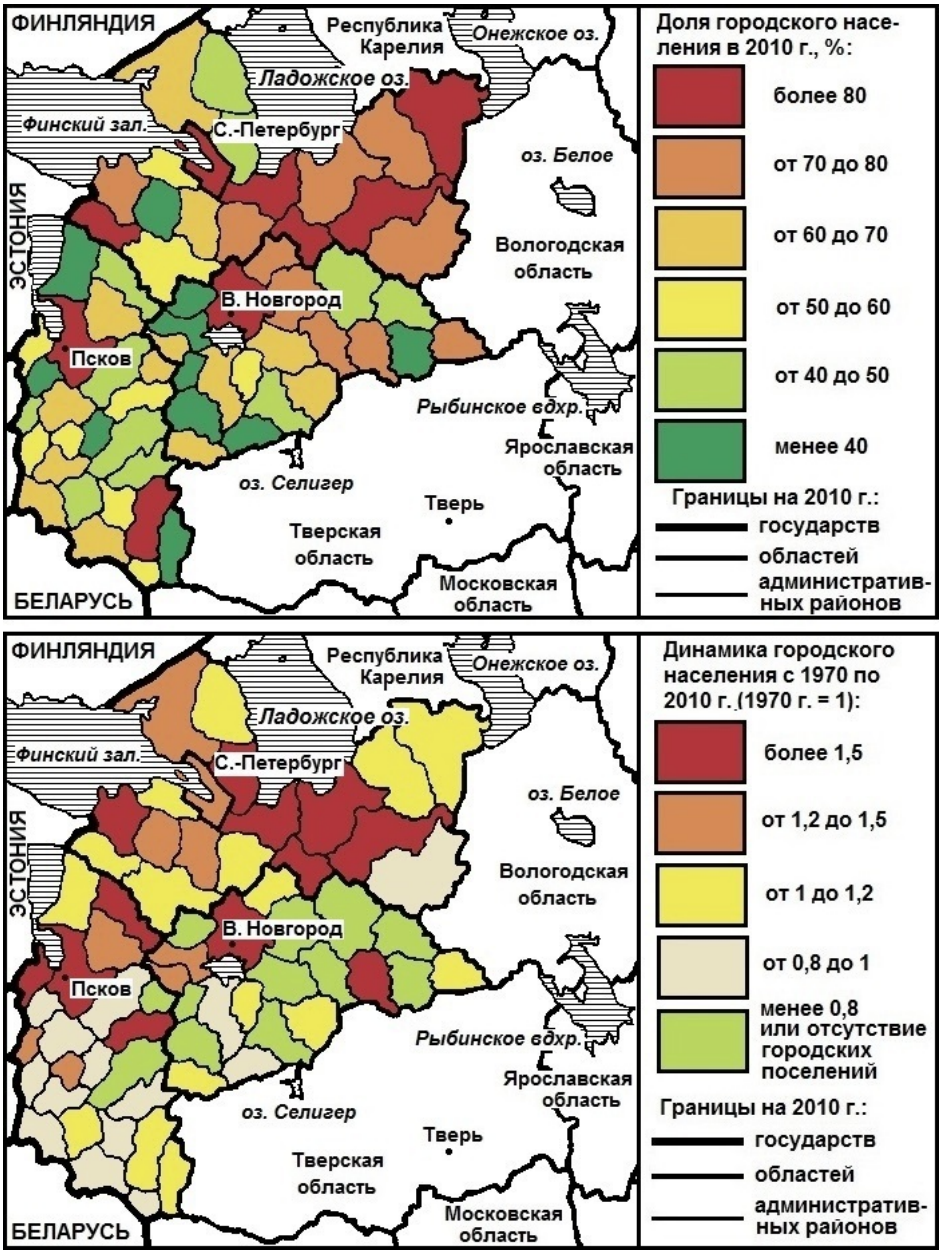

Рис. 37. Доля городского населения по административным районам Северо-Запада России в 2010 г. и её динамика с 1970 г.

Отметим также, что территория Новгородской и Псковской областей входит не только в «донорский пояс» С.-Петербурга, но и Москвы. На протяжении 1990-х гг. естественная убыль как в этих двух регионах, так и в соседней Тверской области, нарастала рекордными темпами на фоне окружающих территорий. Это позволило использовать для этих трёх областей, занимающих межстоличное положение, образное название «депопуляционной воронки»[1]. Миграционный отток

[1] Теренина Н. К. Особенности развития депопуляционных процессов в зоне активного влияния столичных центров – Москвы и Санкт-Петербурга: автореф. дис. … канд. геогр. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 19 с.

заметно ухудшил качественный состав населения: столицы притягивали наиболее активных, квалифицированных, преимущественно молодых жителей этих регионов. И, как следствие, эти три области уже длительное время входят в группу регионов с самой высокой долей пожилого населения[1].

На урбанизированность территорий Северо-Запада России, как видно на рис. 37, вместе с выявленными закономерностями в расселении, влияет большое количество факторов, в т. ч. транспортно-географическое положение. При этом, на динамике городского населения в большей мере сказывается как удалённость от С.-Петербурга, так и административный статус городов. В период с 1970 по 2010 гг. за пределами Ленинградской области относительно успешно развивались только областные центры – Великий Новгород и Псков. Великий Новгород увеличил численность населения за это время в 1,65 раза, Псков – в 1,6 раза, а Великие Луки – только в 1,16 раза.

Во многих районах Псковской и Новгородской областей в период с 1970 по 2010 гг. наблюдался процесс обезлюдения не только сельских, но и городских поселений. Это означает, что процесс поляризации на Северо-Западе достиг той стадии, когда оказался почти полностью исчерпан демографический потенциал сельской местности, и началось ускоренное стягивание к С.-Петербургу и в областные центры (в заметно меньшей степени) населения средних и малых городов. Появилась реальная угроза исчезновения многих исторических городов, которые стали стремительно приближаться по числу жителей к небольшим посёлкам и крупным сельским поселениям.

Географические различия в ***средней людности сельских поселений*** к 2010 г. стали укладываться в общих чертах в рамки модели «центр-периферия», отражая продолжавшиеся в течение нескольких десятилетий процессы поляризации населения на Северо-Западе России (рис. 38). Наибольшей средней людностью сельских поселений характеризуется Ленинградская область и прилегающие районы Новгородской области (включая окружение Великого Новгорода).

Заметно меньше средняя людность сельских населённых пунктов в остальной части Новгородской области и во всей Псковской области, что лишь частично может быть объяснено историческими факторами развития (пониженной средней людностью поселений Псковской и частично Новгородской губернии более века назад). Так, в средней части Псковской области стал чётко проявляться пояс внутренней

---

[1] Теренина Н. К. Современная демографическая ситуация и особенности развития депопуляционных процессов в регионах Северо-Запада и Центра России // Восточная Европа: вопросы исторической, общественной и политической географии: сб. науч. ст. / под ред. А. Г. Манакова. Псков: Изд-во ПГПИ, 2003. С. 122–132.

периферии с крайне низкой плотностью сельского населения, пониженной густотой сельских поселений и их минимальной средней людностью.

В большей степени исторический фактор, имеющий и своё природное преломление (мелкоселенность из-за мелкоконтурности сельхозугодий), ответственен за высокую густоту сельских поселений в Псковской области, в особенности в её западных, приграничных с Эстонией и Латвией районах. В целом в настоящее время наблюдается достаточно простая пространственная закономерность – густота сельских населённых пунктов уменьшается по мере удаления от границ прибалтийских стран.

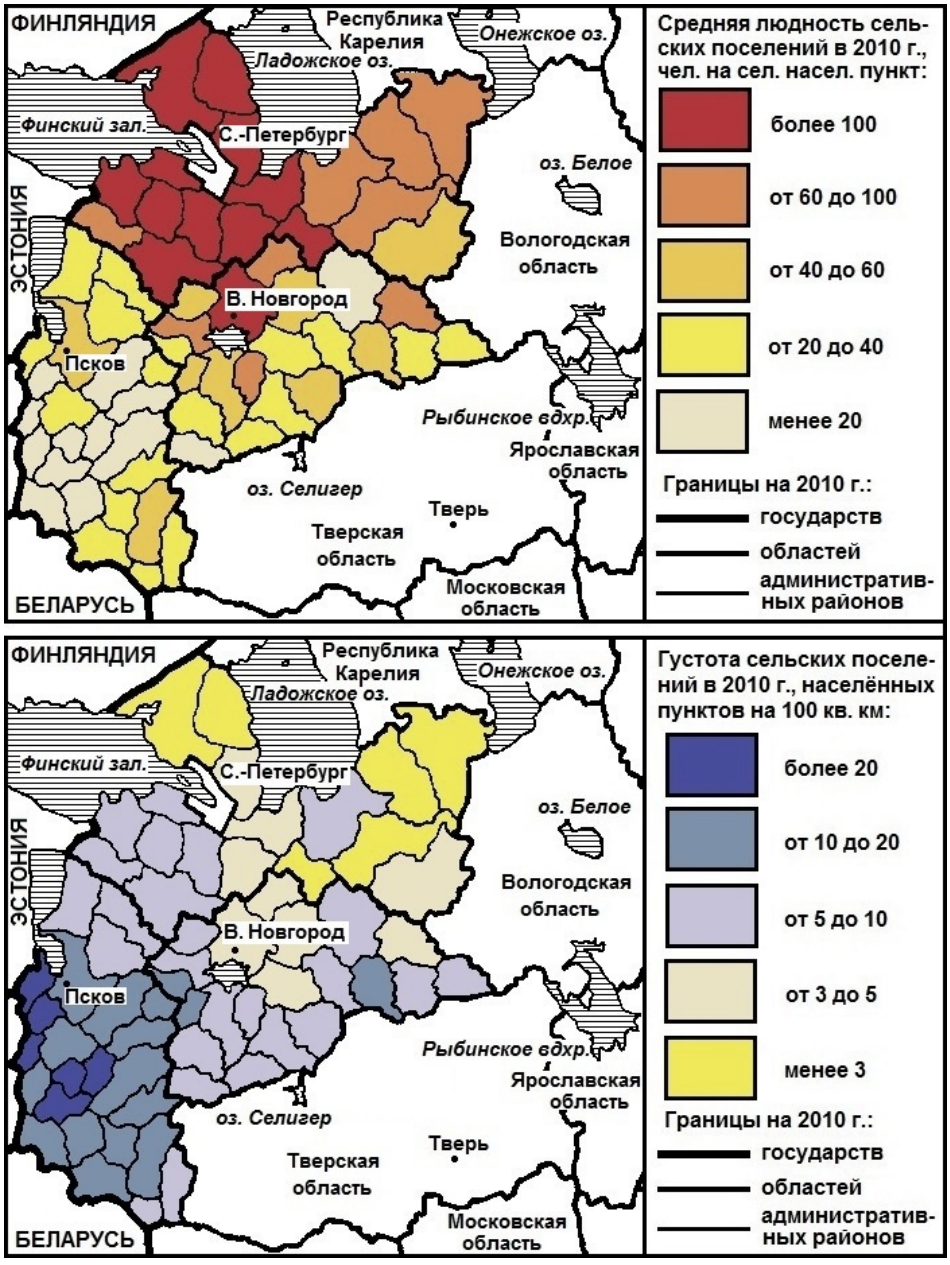

Рис. 38. Средняя людность и густота сельских поселений по административным районам Северо-Запада России в 2010 г.

Выводы. Картографический анализ ключевых характеристик системы расселения за 1897, 1926, 1970 и 2010 гг. позволил выявить основные закономерности в эволюции расселения в границах Северо-Запада России (Северо-Западной историко-географической области) за более чем вековой интервал. В период с 1897 по 1926 гг. в качестве главного фактора, формирующего систему расселения и задающего её основные характеристики, выступали природные особенности территории, определяющие условия для сельскохозяйственной деятельности населения.

С 1970 по 2010 гг. природные предпосылки уступили свою лидирующую позицию социально-экономическим факторам развития. В этот период, вследствие начавшейся индустриализации, шёл процесс ускоренной урбанизации и стягивания населения к С.-Петербургу (Ленинграду) и, в меньшей степени, к другим главным социально-экономическим центрам областей Северо-Запада – Великому Новгороду, Пскову и Великим Лукам. Вследствие этого в течение всего периода шёл интенсивный процесс поляризации населения, который привёл к заметным диспропорциям в территориальной структуре населения макрорегиона. Ныне эти диспропорции проявляются в чрезмерном доминировании «ядра» и демографическом оскудении его периферийного пояса. Вследствие наложения двух периферийных поясов (вокруг С.-Петербурга и Москвы) произошло формирование «депопуляционной воронки» между двумя главными урбанизационными ядрами России.

Предполагается, что результаты проведённого исследования будут востребованы в ходе реализации проекта «Историческая география России» при подготовке тома, посвящённого комплексному анализу Северо-Западной историко-географической области.

2.3.3. Изменение национального состава населения с 1897 по 1939 гг.

Этническая и конфессиональная география по итогам переписи 1897 г.

Результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи часто вводятся в научный оборот как наиболее надёжные среди всех местных переписей и оценок численности населения, осуществлённых до XX в. Нами был проведён географический анализ эт-

нической и конфессиональной структуры населения уездов северо-западных губерний Российской империи[1]. Согласно существующему в то время районированию государства, территория современного Северо-Запада входила в основном в состав Озёрной области (Псковская, Новгородская, Петербургская и Олонецкая губернии), а также частично в состав Верхнего Поднепровья и Белоруссии или Литовско-Белорусского края (часть Витебской губернии)[2].

Спецификой переписи 1897 г., которую этнографы оценивают в качестве недостатка, явилось выявление этнической принадлежности с помощью вопроса о родном языке (частично – и вопроса о вероисповедании). С позиции современной науки лингвистика в то время была разработана слабо, ряд языков именовали наречиями, наречия – языками. К тому же, были выделены далеко не все этнические общности, о чём свидетельствуют результаты последующих переписей[3].

Чтобы сохранить стиль изложения той эпохи, мы используем названия языковых групп и отдельных народов, какие были приняты в конце XIX в. Русское население в то время рассматривалось состоящим из трёх групп: великороссов, малороссов и белоруссов. Соответственно, русский язык включал великорусское, малорусское и белорусское наречия. В таком виде русский язык включался в славянскую группу, наравне с польским языком. В статистике переписи 1897 г. великороссы иногда рассматривались вместе с белоруссами и малороссами. В составе литовско-латышской группы рассматривались три наречия: латышское, литовское и жмудское. В интересующих нас губерниях к наречиям финской группы были отнесены: эстонское, финское, карельское, ижорское и чудское.

---

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по вероисповеданиям и регионам. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=0.

[2] Россия. Географическое описание Российской империи по губерниям и областям с географическими картами. Т. 1. Европейская Россия, 1913; Россия. Полное географическое описание нашего отечества / под ред. В. П. Семенова и под общим руководством П. П. Семенова и В. И. Ламанского. Т. 3. Озёрная область. СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1900. 456 с.; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / под ред. В. П. Семёнова и под общим руководством П. П. Семёнова и В. И. Ламанского. Т. 9. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1905. 620 с.

[3] Брук С. И. Этнический состав населения России // Народы России: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 24–36.

Расселение населения, считающего родным **великорусский** язык, отображено на рис. 39. Наименьшей была доля великорусского населения в Петербургской губернии. Обращает на себя внимание высокая доля невеликорусского населения в уездах, территория которых сейчас заселена почти исключительно русскими. Это, к примеру, ряд уездов Петербургской и Витебской губерний. Ко вторым относятся Себежский, Невельский и Велижский, территория которых ныне входит сейчас в основном в состав Псковской области. Именно здесь регистрировалось население, считающее родным **белорусский** язык (85,7 % – в Велижском уезде, 84 % – в Невельском и 47,1 % – в Себежском).

Таблица 7

Распределение населения северо-западных губерний по родному языку и вероисповеданию согласно итогам переписи 1897 г.

Язык или языковая группа	Псковская губ.		Новгородская губ.		Петербургская губ.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Всё население	1122317	100	1367022	100	2112033	100
Великорусский	1063007	94,72	1323799	96,84	1729564	81,89
Малорусский	77	0,01	254	0,02	7612	0,36
Белорусский	2321	0,21	648	0,05	4219	0,20
Польский	4466	0,40	3128	0,23	45009	2,13
Литовско-латышские наречия	11221	1,00	7056	0,52	14640	0,69
Немецкий	3885	0,34	4188	0,31	63457	3,00
Еврейский	7361	0,66	3732	0,27	16061	0,76
Татарское наречие	47	0,004	513	0,04	5994	0,28
Финское наречие	3645	0,32	645	0,05	130413	6,17
Карельское наречие	37	0,003	9980	0,73	835	0,04
Ижорское наречие	0	0	4	0,00	13721	0,65
Чудское наречие	2	0,00	9157	0,67	303	0,01
Эстонское наречие	25458	2,27	3112	0,23	64116	3,04
Всего финские наречия	29142	2,60	22898	1,68	209444	9,92

Продолжение табл. 7

Вероисповедание						
Православные и единоверцы	1042716	92,91	1312883	96,04	1728147	81,82
Старообрядцы и уклоняющиеся от православия	40475	3,61	31150	2,27	20120	0,95
Римско-Католики	5524	0,44	4775	0,34	65471	3,10
Лютеране и другие протестанты	26064	2,32	13696	0,98	267811	12,68
Иудеи	7467	0,67	3802	0,28	21453	1,02

К 1926 г. доля белорусов в этих уездах, переданных в 1924 г. в состав Псковской губернии, уменьшилась примерно вдвое. Вероятно, в этот период здесь происходили интенсивные процессы ассимиляции и смены этнического самосознания населения с переходными русско-белорусскими говорами, превратившегося за короткие сроки в «русских» по статистике.

Повышенная доля **поляков** (рис. 38) в трёх уездах Витебской губернии (особенно в Себежском уезде – 1,5 %) объясняется вхождением в прошлом территории последней в состав Речи Посполитой. Относительно высокая доля поляков в ряде уездов Петербургской и Новгородской губерний (особенно в С.-Петербурге – 2,8 %, Царскосельском и Петергофском уездах – по 1,9 %, в Новгородском уезде – 1,1 %), – следствие миграционных процессов, о чём свидетельствует концентрация польского населения в столице и губернских центрах.

К народам летто-литовской (балтийской) группы индоевропейской семьи ныне относят латышей и литовцев. Тогда их языки рассматривались как наречия. Повышенная доля **латышей** в ряде уездов Новгородской и Псковской губерний – результат их миграции во второй половине XIX в. Наиболее высока была доля латышей в Новгородском (2,4 %) и Крестецком (1,3 %) уездах Новгородской губернии, Островском (1,8 %), Псковском (1,7 %), Торопецком (1,4 %) и Холмском (1,1 %) уездах Псковской губернии, а также в Велижском уезде (2,5 %) Витебской губернии.

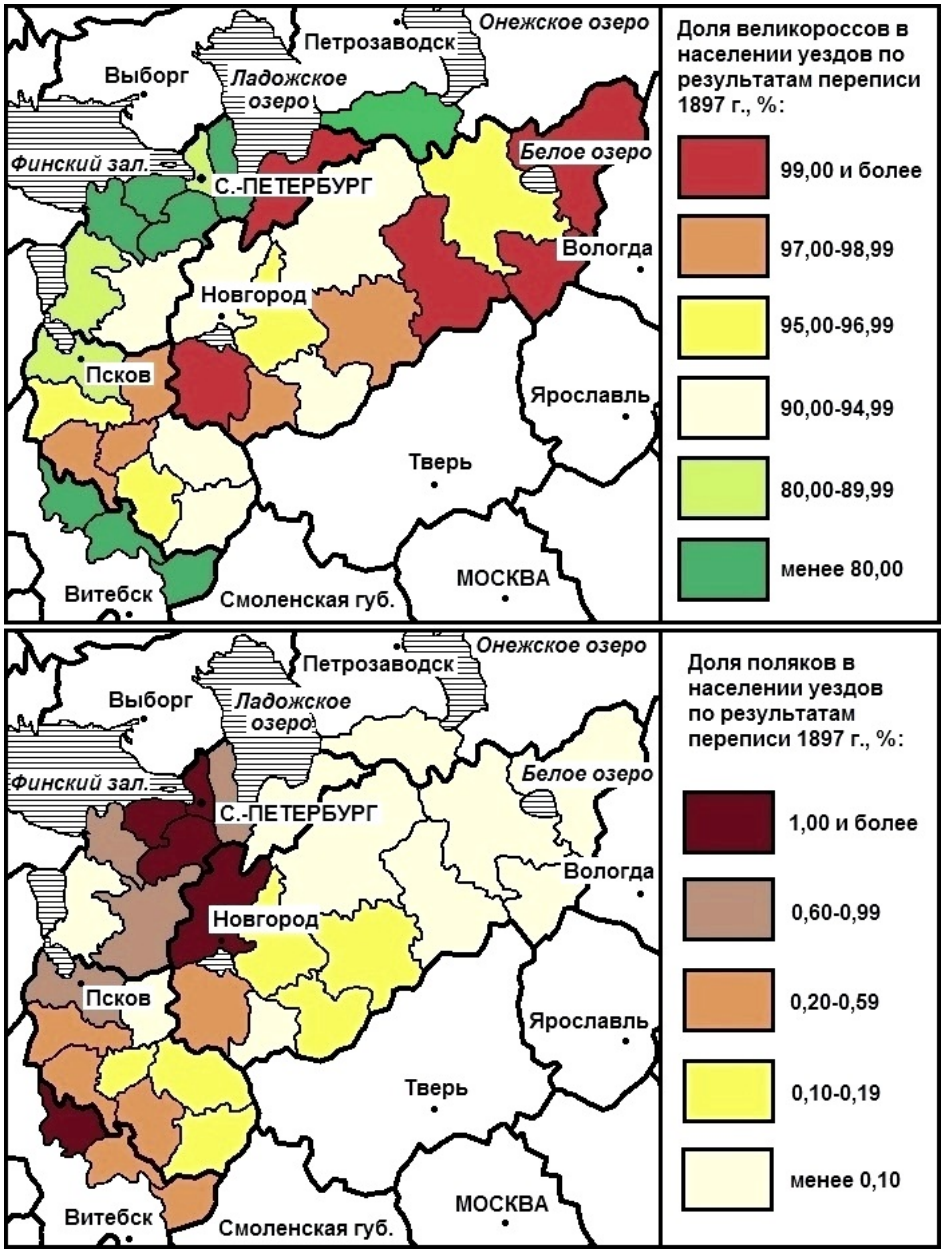

Рис. 39. Доля в 1897 г. населения, признающего
в качестве родного великорусский и польский языки

Среди народов германской группы во всех губерниях по уездам фиксировались **немцы** (рис. 40). Повышенной долей немецкого населения на Северо-Западе отличалась только Петербургская губерния (особенно С.-Петербург – 4 % и уезды столичной губернии: Ямбургский – 2,6 %, Царскосельский – 2,1 %, Шлиссельбургский – 1,8 %. В Новгородской и Псковской губерниях немецкое население концентрировалось преимущественно в губернских центрах (1,4 % – в Новгородском уезде, 0,9 % – в Псковском уезде).

Среди народов финно-угорской группы уральской языковой семьи (рис. 40) фиксировались: ***эсты*** (эстонцы) в Псковской, Новгородской и Петербургской губерниях; ***чудь*** (ныне вепсы) – в Новгородской гу-

бернии; ***корелы*** (карелы) – в Новгородской губернии; ***ижора*** (ижорцы) – в Петербургской губернии; ***финны*** (в основном ингерманландские финны вместе с водью) – в Псковской и Петербургской губерниях.

Чудь была зафиксирована только в Новгородской губернии – в Тихвинском (7,2 %) и Белозерском (2,3 %) уездах. В 1897 г. численность вепсов составляла 25,6 тыс. чел., в т. ч. 7,3 тыс. проживало в Восточной Карелии, к северу от р. Свирь[1]. Ядром этнической территории вепсов уже тогда была Вепсовская возвышенность.

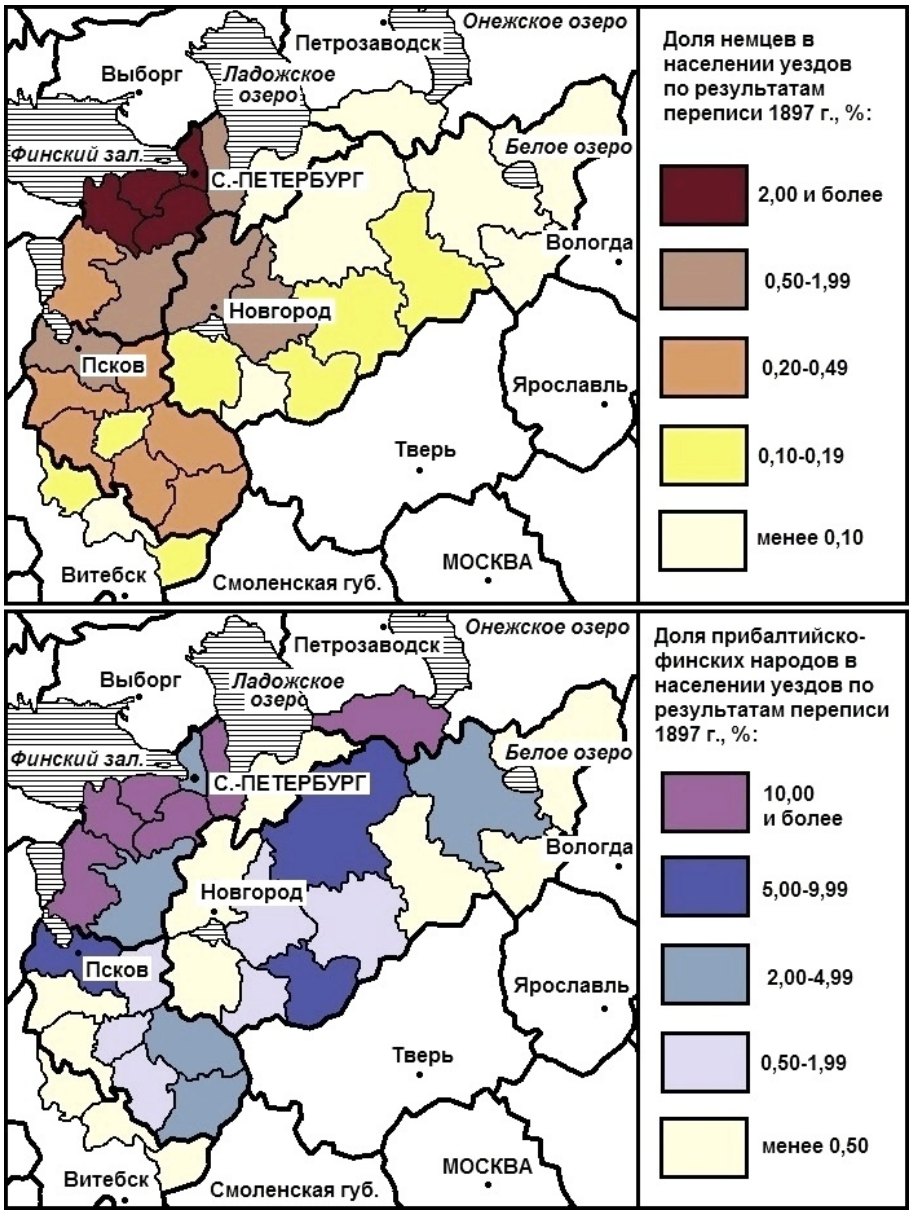

Рис. 40. Доля в 1897 г. населения, признающего в качестве родного немецкий и прибалтийско-финские языки

[1] Matley Ian M. Demographic Trends and Assimilation Among the Finnic-Speaking Peoples of North-Western Russia // Ural-Altaische Jahrrbücher, 48. Wiesbaden, 1976. P. 167–185.

Карелы в пределах современной территории Северо-Запада концентрировались в Новгородской губернии. Согласно результатам переписи населения 1897 г. численность карел в Валдайском уезде Новгородской губернии составляла 5,8 тыс. чел. (6,1 % населения уезда). В Тихвинском уезде Новгородской губернии в 1897 г. проживало 1,4 тыс. карел (1,4 % населения уезда), т. е. в пять раз меньше, чем чуди (вепсов). Здесь они были сконцентрированы на небольшой территории в верхнем течении р. Чагоды и были тогда известны под именем «тихвинские карелы» (ныне это южная часть Бокситогорского района Ленинградской области).

Повышенная доля **эстонского** населения характеризовала ряд уездов Петербургской губернии (Ямбургский – 21,9 %, Гдовский – 10,5 %, Петергофский – 6,2 %, Лужский – 3,6 %) и Псковской губернии (т. н. «православные эстонцы» – сету в Псковском уезде – 7,8 %, эстонские переселенцы в Торопецком и Холмском уездах – 3 и 2,5 % соответственно). Одним из главнейших направлений миграции эстонского и латышского населения было Восточное Причудье, в частности Гдовский и Лужский уезды С.-Петербургской губернии. В Гдовском уезде численность эстонцев к 1897 г. достигла 5,3 тыс. чел., в Лужском уезде – 4,8 тыс. чел.

Финны, сейчас известные как финны-ингерманландцы, составляли значительную долю населения Шлиссельбургского (39,3 %), Царскосельского (25,7 %), Ямбургского (14,2 %) и Петергофского (13,2 %) уездов Петербургской губернии. Финны также были выделены отдельно в Псковской губернии, где, однако, составляли небольшой процент во всём населении. Наиболее высока была доля финнов в Холмском (1,1 %) и Торопецком (0,8 %) уездах. Кроме того, в Петербургской губернии была зарегистрирована **ижора** (ижорцы). Ижорцы жили в основном в Ямбургском (7,8 %) и Петергофском (4,8 %) уездах.

Таким образом, в конце XIX в. наиболее ***этнически мозаичными*** в пределах современной территории Северо-Запада России были четыре уезда Петербургской губернии: Ямбургский (с этническими компонентами кроме русских: эстонцы, финны, ижорцы и немцы), Царскосельский и Шлиссельбургский (финны, эстонцы и немцы), Петергофский (финны, эстонцы, ижорцы, поляки и немцы). В С.-Петербурге была относительно повышена доля немцев, финнов и поляков (табл. 8).

Таблица 8

Национальный состав населения уездов Петербургской губернии в 1897 г. (по родному языку)

Уезды	Доля национальностей по переписи 1897 г., %					
	русские	финны	немцы	эстонцы	поляки	ижорцы
Петербургский	86,0	2,9	4,0	0,95	2,8	…
Гдовский	88,9	0,2	0,2	10,5	0,05	-
Лужский	91,8	0,75	0,7	3,6	0,75	0,5
Новоладожский	99,1	0,1	0,1	0,1	0,05	-
Петергофский	69,0	13,2	2,4	6,2	2,7	4,75
Царскосельский	66,4	25,7	2,05	2,45	1,9	-
Шлиссельбургский	55,6	39,3	1,75	1,75	0,6	-
Ямбургский	51,0	14,2	2,6	21,9	0,9	7,8
Итого по губернии	**82,4**	**6,2**	**3,0**	**3,0**	**2,1**	**0,7**

Согласно результатам переписи населения 1897 г. численность финнов в Петербургской губернии за вторую половину века достигла 130,4 тыс. (вместе с водью). Их доля в населении губернии составляла 6,2 %. Доля ижорского населения тогда же составляла 0,7 % (13,7 тыс. чел., по другим оценкам – до 21,7 тыс. чел.), эстонского населения – 3 % (64,1 тыс. чел.), почти такую же долю составляли немцы (63,5 тыс. чел.), 2,1 % – поляки, 0,8 % – евреи. Доля русского населения (с украинцами и белорусами) в губернии достигла 82,4 %. Почти все ижорцы и подавляющая часть финнов-ингерманландцев (107 тыс. чел.) проживали в сельской местности губернии[1].

В С.-Петербурге согласно результатам переписи 1897 г. этническую пестроту населения задавали представители пяти национальностей: немцы (4 %), поляки (2,9 %), финны (1,7 %), эстонцы (1 %) и евреи (около 1 %). Численность немцев (наиболее крупного иноязычного компонента населения столицы) достигла своего максимума на рубеже XIX–XX вв. – 50,3 тыс. чел. К 1910 г. к числу национальностей, достигших 1 % населения С.-Петербурга, добавились белорусы и латыши[2].

Перейдём к обзору ***конфессиональной географии*** Северо-Запада, который позволяют нам сделать итоги переписи населения 1897 г. Доля **православного** населения (куда включали также едино-

[1] Выскочков Л. В. Об этническом составе сельского населения Северо-Запада России // Петербург и губерния. Л., 1989. С. 113–121.

[2] Юхнева Н. В. Немцы в Петербурге во второй половине XIX – начале XX в. // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР (география, динамика, методы изучения). М.: МФГО, 1989. С. 85–96.

верцев) мало отличалась от суммарной доли населения, считающего родным русский и белорусский языки. Но можно отметить и ряд несоответствий.

Так, во всех трёх губерниях встречались уезды с повышенной долей **старообрядческого** населения (рис. 41). Это Порховский (12,8 %) и Новоржевский (5,2 %) уезды Псковской губернии, Старорусский (7,3 %) и Крестецкий (6,8 %) уезды Новгородской губернии, а также Новоладожский уезд (6,5 %) Петербургской губернии. С другой стороны, православие исповедовали некоторые прибалтийско-финские народы (карелы, вепсы, ижорцы и сету), что заметно повышало долю православного населения в местах их концентрации (в основном это касается территории Новгородской губернии, в меньшей степени – Псковской и Петербургской губерний).

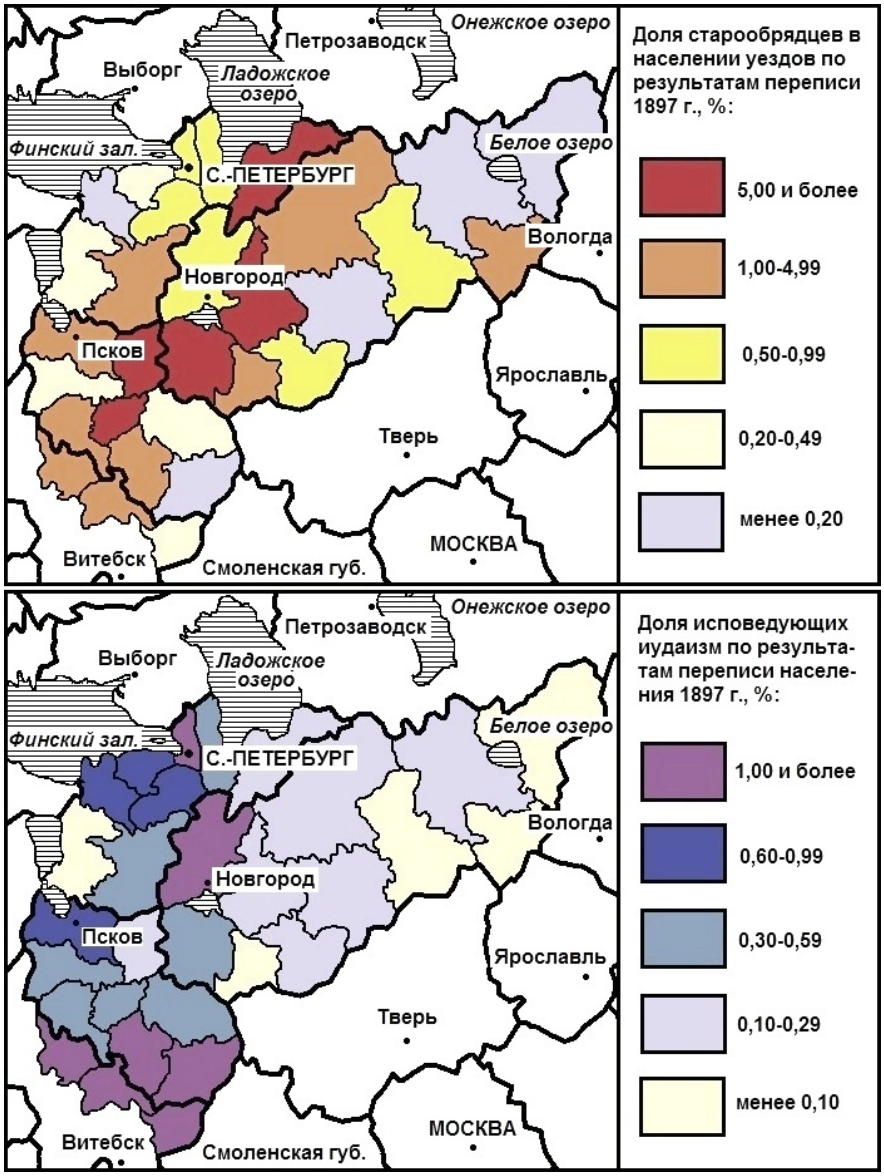

Рис. 41. Доля в 1897 г. старообрядцев и населения, исповедующего иудаизм

На примере удельного веса населения, исповедующего в 1897 г. **иудаизм**, можно рассмотреть реальную долю ***еврейского*** населения. Связано это с тем, что часть еврейского населения в качестве родного языка признавала немецкий или русский, и в итоге их численность, если следовать только данным по языку, была несколько заниженной. Поэтому подключение к анализу конфессиональной принадлежности населения даёт более точную оценку численности евреев.

Население, исповедующее иудаизм, фиксировалось по уездам всех губерний (рис. 41). Доля евреев была высока в губерниях, входящих в область, оконтуренную «чертой оседлости» еврейского населения, куда входила территория Витебской губернии. На территориях, не входящих в эту область, доля евреев была повышена преимущественно в населении губернских центров (в Новгородском уезде – 1,1 %, в Псковском уезде – 0,7 %), а также в населении столицы (1,4 %).

Население, исповедующее **римско-католическую** религию (рис. 42), проживало на территории Витебской губернии, около двух веков входящих в состав Речи Посполитой. К примеру, католики составляли 3,1 % жителей Себежского уезда. В других губерниях, и особенно в С.-Петербурге, повышенная доля католиков связана с выходцами из Польши и других католических стран. Их доля была повышена в Петербургском (4,1 %), Царскосельском (2,8 %), Петергофском (2,5 %) и Ямбургском (1,7 %) уездах столичной губернии.

Господствующей религией населения соседних с Петербургской и Псковской губерниями прибалтийских губерний с XVI в. является **лютеранство**. Население, исповедующее лютеранство и другие направления протестантской религии, было достаточно многочисленным в Петербургской губернии (в основном финны-ингерманландцы, эстонцы и часть немцев), ряде уездов Псковской и Новгородской губерний, принявших эстонских и латышских переселенцев.

Так, доля протестантов в населении уездов столичной губернии составляла: Шлисельбургский – 41,4 %, Ямбургский – 31 %, Царскосельский – 29,8 %, Петергофский – 24 %, Петербургский – 8,9 %. (собственно в С.-Петербурге – только 7,9 %). В Гдовском и Лужском уездах Петербургской губернии лютеранство исповедовали преимущественно эстонские и латышские переселенцы XVIII–XIX вв. Их общая численность в 1897 г. в Гдовском уезде составляла 15,4 тыс. чел. (10,6 % от населения уезда), в Лужском уезде – 7,5 тыс. чел. (5,6 %).

В географический анализ, проведённый по итогам переписи населения 1897 г., нами не были включены наименее многочисленные народы, а также приверженцы ряда религий (например, мусульмане) опять же по причине своей малочисленности в это время на современной территории Северо-Запада России.

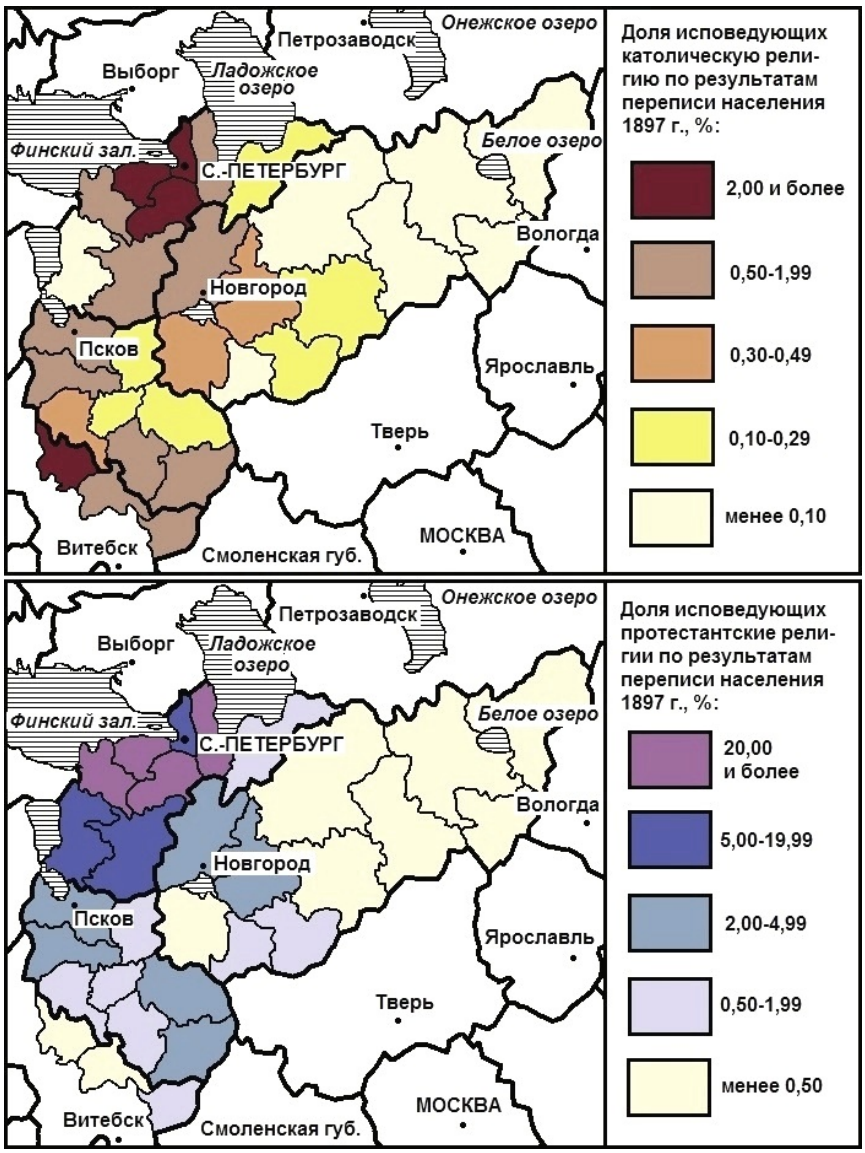

Рис. 42. Доля в 1897 г. населения, исповедующего римско-католическую и протестантскую религии

Изменение этнического состава населения с 1897 по 1939 гг.

Динамика национального состава населения за последующий период (вплоть до 1939 г.) рассмотрена нами только на уровне всего Северо-Запада (табл. 9), что связано с неустойчивостью АТД в этот временной интервал[1]. Судя по динамике доли **русского** населения на

[1] При написании раздела, составлении таблиц и диаграмм использовались источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php.

Северо-Западе с 1897 по 1926 гг., наблюдался процесс ассимиляции или выезд за пределы России нерусского населения, особенно это касалось поляков, немцев, финнов, эстонцев и карел. В итоге за этот период доля русского населения в регионе выросла с 89,5 до 90,5 %. Однако в этот период наметился миграционный приток в регион евреев, украинцев, а также увеличилась доля белорусов (главным образом, за счёт присоединения в 1924 г. к Псковской губернии трёх «белорусских» уездов Витебской губернии).

Таблица 9

Изменение национального состава населения Северо-Запада России в 1897–1939 гг.

Численность указавших национальность	1897 г.*		1926 г.*		1939 г.**	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Всего	4601372	100	6366971	100	7214963	100
Русские	4116370	89,46	5759392	90,46	6468687	89,66
Украинцы	7943	0,17	14443	0,23	95645	1,33
Белорусы	7188	0,16	51867	0,81	49637	0,69
Поляки	52603	1,14	50847	0,80	29476	0,41
Латыши и литовцы	32917	0,72	47060	0,74	29835	0,41
Немцы	71530	1,55	30302	0,48	23153	0,32
Евреи	27154	0,59	115269	1,81	227007	3,15
Татары	6554	0,14	10368	0,16	43953	0,61
Эстонцы	92686	2,01	87099	1,37	62395	0,86
Финны	134703	2,93	126338	1,98	114702	1,59
Карелы	10852	0,24	5123	0,08	7654	0,11
Вепсы	9462	0,21	24186	0,38	15776	0,22
Ижорцы	13725	0,30	16030	0,25	7459	0,10
Водь	...	...	694	0,01	...	...
Все прибалтийско-финские народы	261428	5,68	259470	4,08	207986	2,88

* в границах северо-западных губерний России.

** в современных границах Северо-Запада России.

В период с 1926 по 1939 гг. обозначилась противоположная тенденция – сокращение доли русского населения, и за период удельный вес русских в населении региона уменьшился до 89,7 %. В этот пери-

од увеличилась миграция в регион украинцев, евреев и татар, но при этом уменьшилась доля всех остальных национальностей. Однако надо учесть и то обстоятельство, что динамика национального состава населения с 1926 по 1939 гг. частично связана и с изменением АТД: если в 1926 г. статистика рассчитывалась по четырём губерниям (Петербургской, Псковской, Новгородской и Череповецкой), то в 1939 г. – почти в современных границах Северо-Запада России (за исключением ряда территорий, входящих с 1920 по 1945 гг. в состав Эстонии и Латвии). В 1939 г. современная территория Северо-Запада России входила в состав обширной Ленинградской области (охватывающей нынешние территории Новгородской и Ленинградской областей, С.-Петербурга и северной части Псковской области) и западной части Калининской области (ныне – южная часть Псковской области).

Доля **украинского** населения в регионе росла на протяжении всего периода и в итоге с 1897 по 1939 гг. увеличилась почти в 8 раз (с 0,17 до 1,33 %) исключительно за счёт миграционного притока. Наиболее высокой в 1939 г. была доля украинцев в Ленинграде – 1,7 %, несколько ниже – на современной территории Ленинградской области (1,6 %). Менее заметным был приток украинского населения на современную территорию Новгородской области (в 1939 г. их доля приближалась к 0,8 %), ещё меньше – на территорию Псковской области (около 0,7 % населения в 1939 г.).

Также высокими темпами росла в регионе доля **белорусского** населения, с 1897 по 1939 гг. увеличившаяся с 0,16 до 0,69 %. Заметный рост доли белорусов с 1897 по 1926 гг. (до 0,81 %) можно объяснить присоединением к Псковской губернии трёх «белорусских» уездов Витебской губернии. В последующем же наблюдалось уменьшение их численности, что объяснимо процессами ассимиляции. Например, белорусы, оказавшиеся в пределах Псковской губернии с 1924 г., «обрусели» в сжатые сроки, что скорее свидетельствует о скоротечной смене их этнического самосознания. Но, вероятно, что в этот период начался и миграционный приток белорусов собственно с территории Белоруссии, который пока не проявлялся в явном виде на фоне ускоренной ассимиляции «псковских» белорусов.

Доля **поляков** в населении региона стремительно сокращалась и с 1897 по 1939 гг. уменьшилась с 1,14 до 0,41 %. Также уменьшился удельный вес **латышей и литовцев** – с 0,7 до 0,4 %. А доля **немцев** уменьшилась почти в пять раз – с 1,55 до 0,32 %. Схожей в период с 1897 по 1939 гг. была динамика **еврейского** и **татарского** населения – достаточно стремительный рост удельного веса, особенно после 1926 г. В итоге за весь период доля евреев выросла с 0,59 до 3,15 %, а татар – с 0,14 до 0,61 %.

Суммарная доля ***прибалтийско-финского*** населения с 1897 по 1939 гг. уменьшилась почти вдвое – с 5,7 до 2,9 %. Каждый из этих

народов имеет собственную историю, которая отражена в динамике их численности и доли в исследуемый период (рис. 43). Представим краткий обзор динамики прибалтийско-финских народов Северо-Запада России.

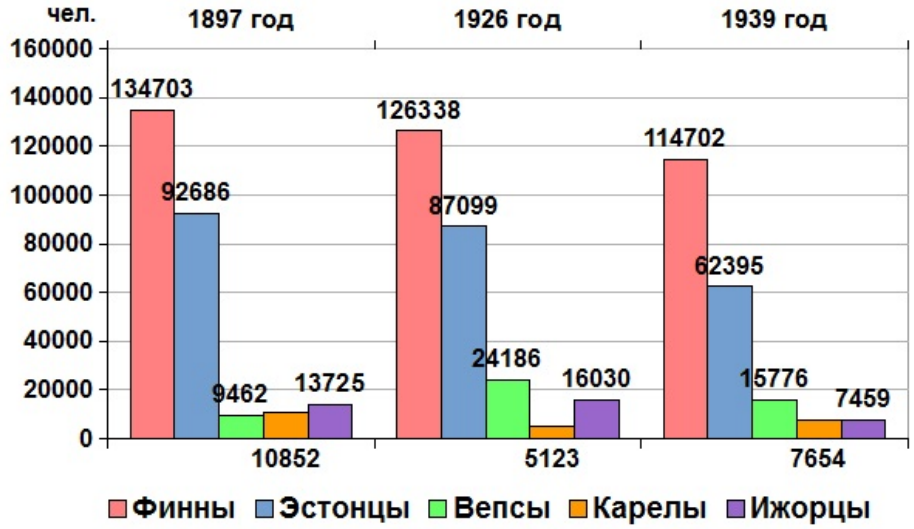

Рис. 43. Изменение численности прибалтийско-финских народов на Северо-Западе России с 1897 по 1939 гг.

Финны. С 1897 по 1926 гг. общая численность финнов в северо-западных губерниях уменьшилась с 134,7 тыс. чел. (2,9 % населения региона) до 126,3 тыс. чел. (около 2 %). Согласно переписи населения 1926 г., «ленинградских финнов», включая недавних выходцев из Финляндии (19 тыс. чел.), насчитывалось около 115 тыс. чел. В это время уже стала проявляться тенденция к сокращению численности и особенно доли ингерманландских финнов вследствие значительного притока в регион русского населения.

Но уже в конце 1920-х гг. началось массовое, преимущественно принудительное, выселение ингерманландских финнов с территории Северо-Запада России. «Первая волна» массовой депортации ингерманландских финнов приходится на 1929–1931 гг., когда их было выселено не менее 18 тыс. чел. «Вторая волна» выселения пришлась на 1935–1936 гг., в результате которой Ингерманландию покинуло 26–27 тыс. финнов. В 1936 г. практически опустела 22-километровая полоса вдоль границы с Финляндией, откуда около 10 тыс. финнов было переселено преимущественно в Вологодскую область[1]. К 1939 г. численность финнов на Северо-Западе уменьшилась до 114,7 тыс. чел.,

[1] Исаченко Г. А. «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1998. 476 с.

что составило 1,6 % населения региона, т. е. за весь период с конца XIX в. их доля уменьшилась более чем в 1,8 раза.

Водь. Перепись 1897 г. не фиксировала население, говорящее на водском языке. Однако водь была зарегистрирована в ходе переписи населения 1926 г. Тогда к води в пределах Ленинградской губернии было отнесено 694 чел. Всего же в пределах СССР тогда было зафиксировано 705 чел., относящихся к води. В ходе переписи 1939 г. водь не учитывалась.

Ижорцы. Перепись населения 1897 г. зафиксировала в Петербургской губернии 13,7 тыс. чел., называющих в качестве родного ижорский язык (0,65 % населения губернии и 0,3 % населения трёх северо-западных губерний). К 1926 г. количество ижорцев достигло 16 тыс., хотя их доля в населении Северо-Запада уменьшилась до 0,25 % (0,57 % населения Ленинградской губернии). Согласно переписи населения 1939 г. в Ленинградской области проживало всего 7,5 тыс. ижорцев (0,12 % населения региона).

Вепсы. Согласно результатам переписи населения 1926 г. численность вепсов в северо-западных губерниях составляла 24,2 тыс. чел. (0,38 % населения Северо-Запада), в т. ч. 12,9 тыс. чел. в Ленинградской губернии (0,46 % населения) и 11,3 тыс. чел. в Череповецкой губернии (1,54 %). К примеру, в 1897 г. было зафиксировано только 9,5 тыс. чел. (0,2 % населения региона), говорящих на «чудском наречии», т. е. очевидно, что численность вепсов в конце XIX в. была сильно занижена.

В 1920-е – начале 1930-х гг. было образовано 24 национальных колхоза и два национальных района: Винницкий в Ленинградской области и Шелтозерский в Карельской АССР. 1930-е гг. были периодом временного возрождения национальной культуры вепсов. Был введён алфавит на латинской основе, опубликованы учебники и вепсско-русские словари.

В 1937 г. этническая территория вепсов на Вепсовской возвышенности была поделена между Ленинградской и Вологодской областями, тогда же был ликвидирован Винницкий национальный район. В пределах Ленинградской области в 1939 г. было зарегистрировано 15,8 тыс. вепсов (0,25 % населения региона).

Карелы. В первой половине XX в. на Северо-Западе достаточно интенсивно шёл процесс ассимиляции карел. С 1897 по 1939 гг. их численность уменьшилась почти в полтора раза (с 10,9 до 7,6 тыс. чел.), и их доля в населении региона сократилась с 0,24 до 0,11 %. В 1897 г. карелы концентрировались в Петербургской губернии (около 10 тыс.), а в 1939 г. – в Ленинградской области (4,8 тыс.) и Ленинграде (2,5 тыс.).

Эстонцы. В период с 1897 по 1939 гг. доля эстонцев в населении Северо-Запада уменьшилась с 2 до 0,9 %. Первая мировая война, ре-

волюция и гражданская война подорвали процесс переселения эстонцев из Лифляндской и Эстляндской губерний (рис. 44).

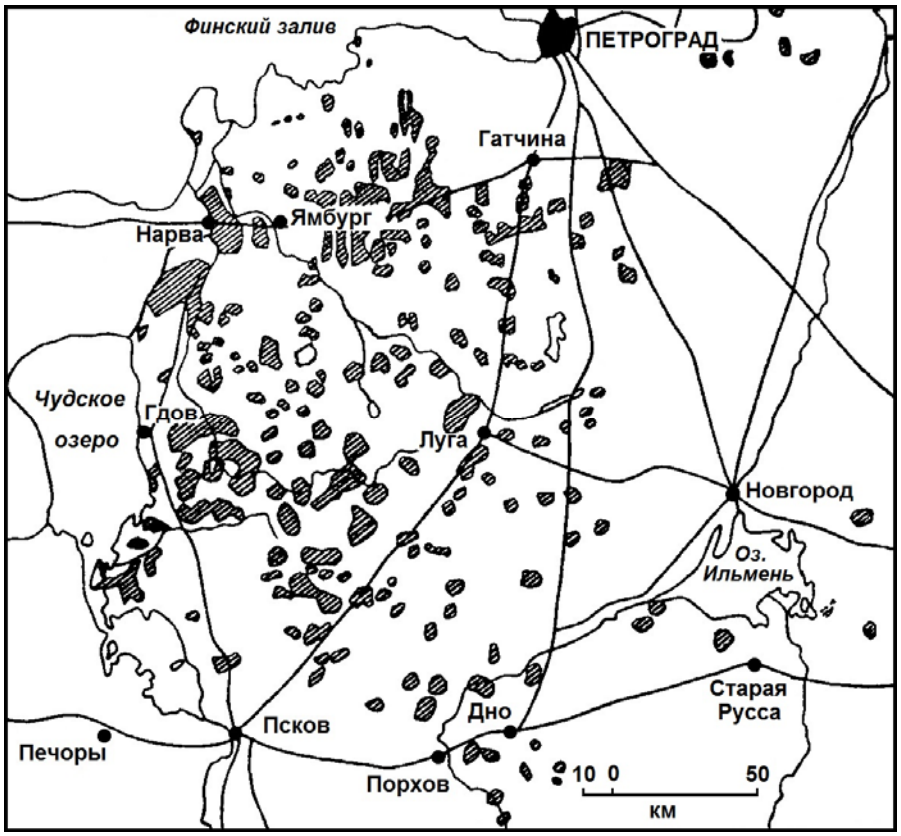

Рис. 44. Очаги поселений эстонцев к востоку от Чудского оз. и р. Нарвы в 1920-е гг.[1]

С 1920 г. эстонское правительство начало проводить оптационную политику, в результате которой до 1924 г. в Эстонию вернулось 37,6 тыс. переселенцев[2]. Тем не менее, темпы уменьшения численности эстонцев в 20–30-е гг. XX в. были не большими. Так, с 1897 по 1926 гг. их численность уменьшилась с 92,7 до 87,1 тыс. чел. (до 1,4 % в населении Северо-Запада). Большинство эстонских переселенцев в 1926 г. проживало в Ленинградской губернии – 66,3 тыс., ещё 13,2 тыс. было зафиксировано в Псковской губернии. Причём максимальная численность эстонского населения на территории Гдовского и Лужского уездов Петербургской губернии приходилась на начало 1920-х гг. – около 26 тыс. чел. (в 1897 г. – только 20 тыс. чел.). К 1939 г. численность эстонцев на Северо-Западе уменьшилась до 62,4 тыс. чел. (0,86 % всего населения региона).

---

[1] Arens Ilmar. Peipsitagused eestlased: Fakte, dokumente ja malestuspilte Ida-Peipsimaa uurimusilt 1943–1944. Tartu, 1994, lk 4.

[2] Маамяги В. А. Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. М.: Наука, 1990. 200 с.

В первые годы советской власти переселенцы из Прибалтики (эстонцы и латыши) сумели добиться заметных успехов в развитии сельского хозяйства, поэтому уже в середине 1920-х гг. значительная их часть была отнесена к категории зажиточных и кулацких, что и сказалось на их дальнейшей судьбе. Эстонские переселенцы по сравнению с соседним русским населением пострадали в заметно большей степени от раскулачивания с высылкой в другие районы страны и от сталинских репрессий.

В начале 1930-х гг., когда проводилась кампания создания национальных сельсоветов, где национальные меньшинства должны были составлять не менее 66 % от всего населения, в Гдовском, Плюсском и Лядском районах Ленинградской области были образованы эстонские и смешанные (с финнами и латышами) национальные сельсоветы. Но уже во второй половине 1930-х гг. из официальных публикаций исчезает упоминание о национальных сельсоветах. Вплоть до 1940-х гг. эстонское население в Восточном Причудье оставалось достаточно многочисленным. Так, например, известно, что к 1936 г. при осуществлении коллективизации на современной территории Гдовского, Плюсского и Стругокрасненского районов Псковской области было создано более 60 эстонских колхозов[1].

Раскулачивание эстонского населения началось с 1930 г. и достигло пика в 1935 г. В период репрессий 1937–1938 гг. на расстрел осуждались в основном мужчины – главы хозяйств. Вслед за репрессиями была осуществлена частичная депортация эстонского населения за пределы Восточного Причудья. Эстонские семьи выселялись на Север, Урал, в Киргизию и Таджикистан. Наряду с эстонцами выселялись и представители других национальностей (в частности, латыши), отнесённые к «контрреволюционным». В 1939 г. производилось массовое сселение эстонских и латышских хуторов.

Сету. Согласно переписи населения 1897 г. в Псковском уезде Псковской губернии проживало 17,7 тыс. эстов (в т. ч. 17,1 тыс. чел. в сельской местности). Из них «православных эстов» (или «псковских эстов») насчитывалось 16571 чел. Исследователь сету Я. Хурт в своей работе «О псковских эстонцах, или так называемых «сетукезах»»[2] ссылается именно на это число, хотя реальная численность сету была немного меньше, т. к. сюда же входили собственно православные эстонцы.

Тем не менее, можно отметить некоторый рост численности сету на рубеже XIX–XX вв., что было прямым следствием «демографического взрыва» в этот период. Таким образом, наибольшая численность сету, проживающих на своей исторической родине, пришлась именно на начало XX в. Но не исключено, что максимальная числен-

---

[1] Маамяги В. А. Указ. соч.

[2] Гурт Я. О псковских эстонцах, или так называемых «сетукезах» // Известия императорского русского географического общества. Т. XLI. 1905. СПб., 1906. С. 4.

ность собственно сету (без православных эстонцев) держалась на протяжении двух-трёх десятилетий на уровне 15 тыс. чел.[1].

В начале XX в. на динамику численности сету начал оказывать влияние их миграционный отток во внутренние губернии страны. Переселение сету началось сразу после отмены крепостного права и усилилось в период столыпинской реформы. Известно, что сету, участвуя в переселенческом движении на восток Российской империи в начале XX в., основали несколько поселений к востоку от Красноярска (Хайдак, Ново-Печоры и др.) и в Пермской губернии. По оценкам, в 1918 г. в Красноярском крае насчитывалось от 5 до 6 тыс. сету[2].

По Тартускому мирному договору между Эстонией и Советской Россией, заключённому 2 февраля 1920 г., весь Печорский край отошёл к Эстонии. На этой территории был создан уезд Петсеримаа (от эстонского названия Печор – Петсери). Другое название уезда, сохранившееся на юго-востоке Эстонии до сих пор, – Сетумаа («земля сету») (рис. 45).

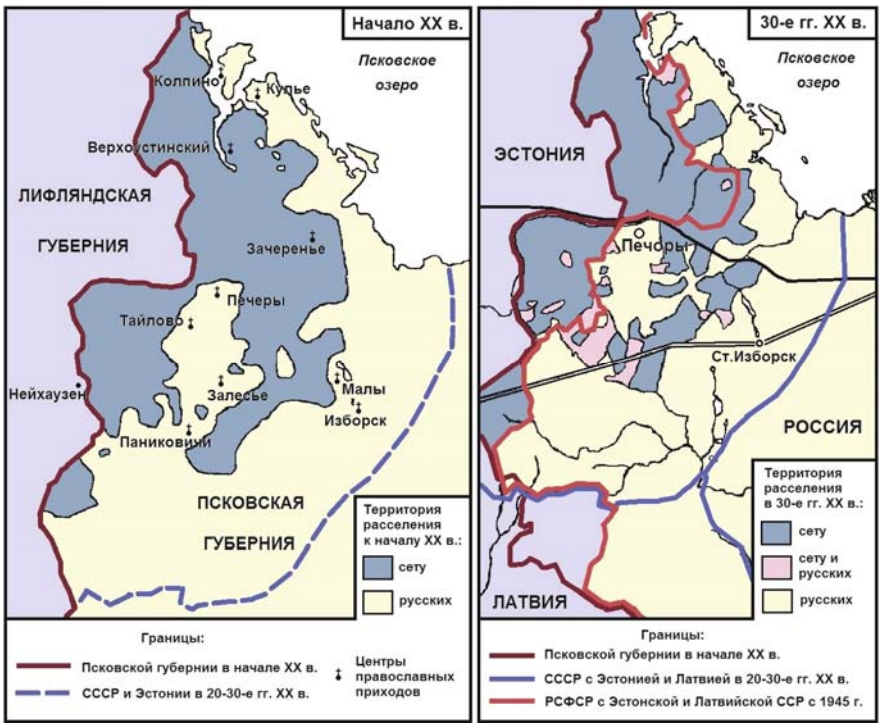

Рис. 45. Территория расселения сету в начале XX в. (по Я. Хурту[3]) и в 1930-е гг. (по Е. Маркусу[1])

---

[1] Колпакова Ю. В. Сведения о сето в XVI–XX вв. по материалам Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Государственного архива Псковской области // Вестн. Псковского гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. № 2. Псков: Псковский государственный университет, 2013. С. 162–172.

[2] Тынурист И. В. Эстонцы // Народы России: Энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 425.

[3] Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu, 2009. 480 lk.

В эстонский период истории Сетумаа во время переписей населения учитывались отдельно сету и эстонцы. Так, в ходе переписи 1922 г., численность сету, проживающих в уезде Петсеримаа, была определена в 15 тыс. чел.[2], что составило 25,5 % населения уезда. Русские составляли 65 % населения уезда, а эстонцы – 6,5 %. Согласно итогам переписи населения 1934 г., доля сету в населении уезда уменьшилась до 22 %, а их численность сократилась до 13,3 тыс. чел.[3] При этом эстонцы составляли более половины населения г. Печоры (Петсери), а сету в нём насчитывалось менее 3 %. Печоры стали рассматривать как в средней степени обэстоненное поселение[4].

Выводы. В качестве ключевых событий, наиболее значимых с точки зрения исторической географии населения, в исследуемый период выступают годы переписей населения: 1897, 1926 и 1939 гг. Неустойчивость АТД в этот период затрудняет проведение картографического анализа динамики национального состава населения между переписями на уровне низовых административно-территориальных единиц. Поэтому в качестве базовой для исследуемого периода рассмотрена этническая и конфессиональная география Северо-Запада по итогам переписи 1897 г. (на уровне уездов).

В период с 1897 по 1939 гг. ряд народов испытывал уменьшение как численности, так и доли в населении Северо-Запада. В первую очередь, это прибалтийско-финские народы, испытавшие наибольшую ассимиляцию. К ним относятся ингерманландские финны, которые к тому же подверглись депортации в исследуемый период (уменьшение доли в населении региона с 2,9 до 1,6 %), эстонцы (с уменьшением доли с 2 до 0,9 %), ижорцы (с 0,3 до 0,1 %), карелы (с 0,24 до 0,11 %) и вепсы (с 1926 по 1939 гг. их доля уменьшилась 0,38 до 0,22 %).

Также из-за ассимиляции и отъезда из региона уменьшилась доля в населении Северо-Запада поляков (с 1,14 до 0,41 %), немцев (с 1,55 до 0,32 %), латышей и литовцев (в сумме с 0,7 до 0,4 %). В то же время наблюдался миграционный приток на Северо-Запад представителей таких национальностей, как евреи (рост доли в населении региона с 0,59 до 3,15 %), украинцы (с 0,17 до 1,33 %) и татары (с 0,14 до 0,61 %).

На этом фоне удельный вес русского населения сначала рос (с 1897 по 1926 гг. с 89,46 до 90,46 %), что было вызвано как оттоком

---

[1] Markus E. Changes of the Esto-Russian Ethnographical Frontier in Petserimaa. Opetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 1936. Tartu: Ilutrukk, 1937.

[2] Рихтер Е. В. Интеграция сету с эстонской нацией // Eesti talurahva majanduse ja olme arengujooni 19 ja 20 sajandil. (Очерки о развитии хозяйства и быта эстонских крестьян в XIX и XX веке). Tallinn, 1979. С. 90–119.

[3] Маттисен Э. Эстония – Россия: история границы и её проблемы. Таллин, 1995.

[4] Markus E. Указ. соч.

иноязычного населения, так и ассимиляцией местных финно-угорских народов. Однако в 1939 г. была зафиксирована минимальная в XX в. доля русских в населении региона (89,66 %), что было связано как с притоком представителей других национальностей (евреев, украинцев и татар, в первую очередь), так и с изменениями сетки АТД. Например, за счёт присоединения в 1924 г. к Псковской губернии трёх «белорусских» уездов Витебской губернии, доля белорусов в населении Северо-Запада выросла с 1897 по 1939 гг. с 0,16 до 0,69 %.

2.3.4. Изменение национального состава населения с 1939 по 2010 гг.

Национальный состав населения Северо-Запада России в 1939 г.

Северо-Запад России в 1939 г. был фактически мононациональным – доля **русского** населения в пределах региона составляла 89,7 % (табл. 6). Однако некоторый элемент полиэтничности вносил Ленинград, где доля русских едва превышала 87 %[1]. Здесь концентрировался целый ряд национальных групп, как традиционных для его «столичного периода» (особенно поляки и немцы), так и ставших многочисленными в советское время – иноязычные мигранты «новой волны» (евреи, украинцы, белорусы, татары и др.).

На остальной территории Ленинградской области доля русских была несколько выше – 90,6 %, а западные районы Калининской области были в полной мере мононациональными, доля русских здесь превышала 96,5 %.

Пояс наиболее высокой доли русского населения (свыше 97 %) протянулся с юго-запада на северо-восток вдоль границы Ленинградской области с Калининской областью (рис. 46). Относительно пониженной долей русского населения (менее 90 %) характеризовались районы, пограничные с Эстонией, Финляндией и Вологодской областью. Однако обратим внимание, что подобного явления не наблюдалось на границе Ленинградской и Калининской областей с Латвией. Также относительно повышенной долей русских (от 95 до 97 %) характеризовалось белорусское порубежье.

---

[1] При написании раздела, составлении таблиц и картосхем использовался источник: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php.

Таблица 10

Национальный состав населения Северо-Запада России (Ленинградской области и западных районов Калининской области) в 1939 г.

Нацио-нальность	Весь Северо-Запад		г. Ленинград		Ленинградская область		Западные райо-ны Калининской области	
	Всего, чел.	**%**	Всего, чел.	%	Всего, чел.	%	Всего, чел.	%
Указали нацио-нальность	7214963	**100**	3190592	100	3239739	100	784632	100
Русские	6468687	**89,66**	2775979	87,01	2935251	90,60	757457	96,54
Евреи	227 007	**3,15**	201 542	6,32	17 711	0,55	7 754	0,99
Финны	114 702	**1,59**	7 923	0,25	106 710	3,29	69	0,01
Украинцы	95 645	**1,33**	54 660	1,71	36 460	1,13	4 525	0,58
Эстонцы	62 395	**0,86**	15 161	0,48	44 537	1,37	2 697	0,34
Белорусы	49 637	**0,69**	32 353	1,01	13 200	0,41	4 084	0,52
Татары	43 953	**0,61**	31 596	0,99	11 946	0,37	501	0,06
Поляки	29 476	**0,41**	20 605	0,65	6 748	0,20	2 123	0,27
Латыши и латгальцы	23 698	**0,33**	9 700	0,30	11 616	0,36	2 382	0,30
Немцы	23 153	**0,32**	10 104	0,32	12 766	0,39	283	0,04
Вепсы	15 776	**0,22**	198	0,01	15 571	0,48	7	0,00
Карелы	7 654	**0,11**	2 534	0,08	4 783	0,15	337	0,04
Ижорцы	7 459	**0,10**	176	0,01	7 280	0,22	3	0,00
Литовцы	6 137	**0,09**	4 721	0,15	1 208	0,04	208	0,03
В сумме прибал-тийско-финские народы	*207 986*	***2,88***	*25 992*	*0,81*	*178 881*	*5,52*	*3 113*	*0,40*

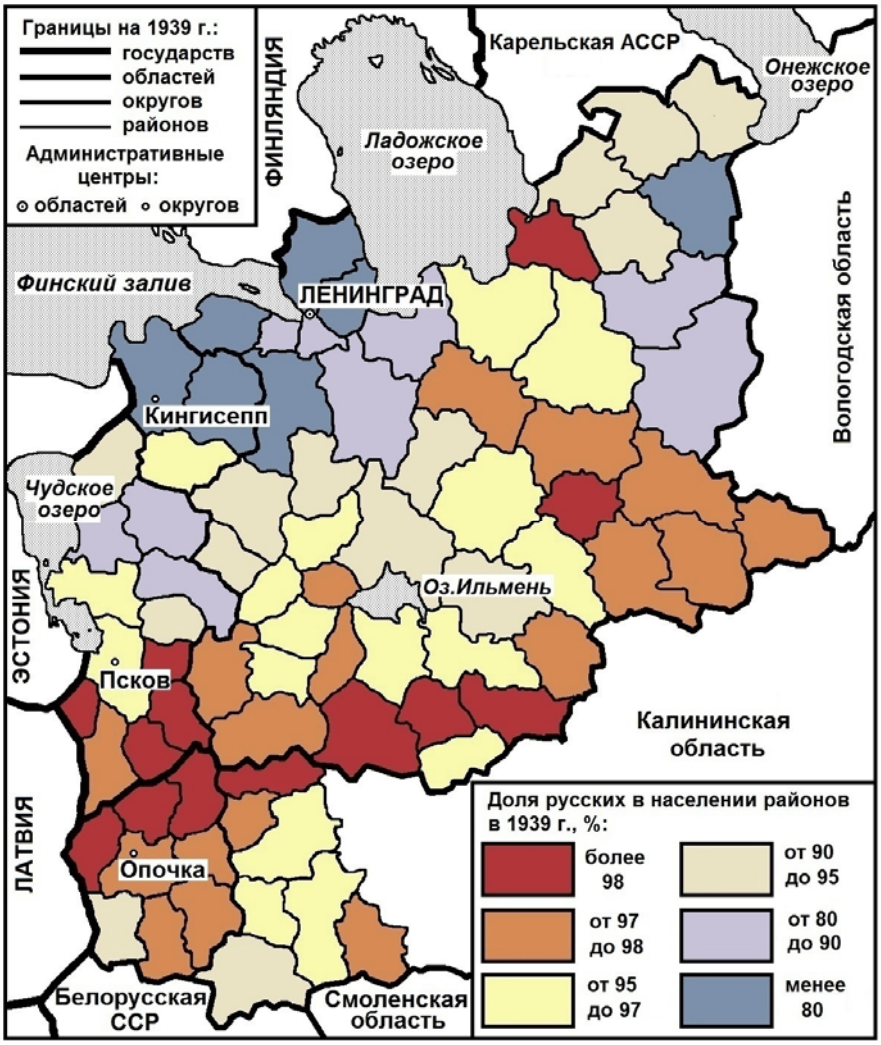

Рис. 46. Доля русских в населении административных районов Северо-Запада России в 1939 г.

При этом доля **белорусов** в западных районах Калининской области в 1939 г. составляла всего 0,5 % (4 тыс. чел.), что свидетельствует о быстрой смене этнической идентичности населения, проживавшего в пределах бывших уездов Витебской губернии. К примеру, в 1926 г. в пределах Псковской губернии, с 1924 г. принявшей в свой состав три «белорусских» уезда Витебской губернии, численность белорусов оценивалась в 34,3 тыс. чел., что составляло 1,9 % населения Псковской губернии[1].

Второй по численности национальностью Северо-Запада России в 1939 г. были **евреи**, составлявшие 3,15 % от всего населения региона. Наиболее высока была доля евреев в Ленинграде – 6,3 %, что являлось следствием их переселения сюда в советские годы после

[1] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php.

отмены «черты оседлости», вне пределов которой до революции находилась фактически вся территория Северо-Запада, за исключением его крайней юго-западной части (трёх бывших уездов Витебской губернии). Последняя в 1939 г. входила в западную часть Калининской области, и здесь доля евреев составляла около 1 % населения, а на территории Ленинградской области (без областного центра) – только 0,55 %.

Таким образом, вторым ареалом концентрации еврейского населения в 1939 г. были приграничные с Белоруссией районы (рис. 47), которые ранее были частью Витебской губернии, переданной в 1924 г. в состав Псковской губернии. Несколько повышена была доля евреев в населении бывших губернских центров – Пскова и Новгорода.

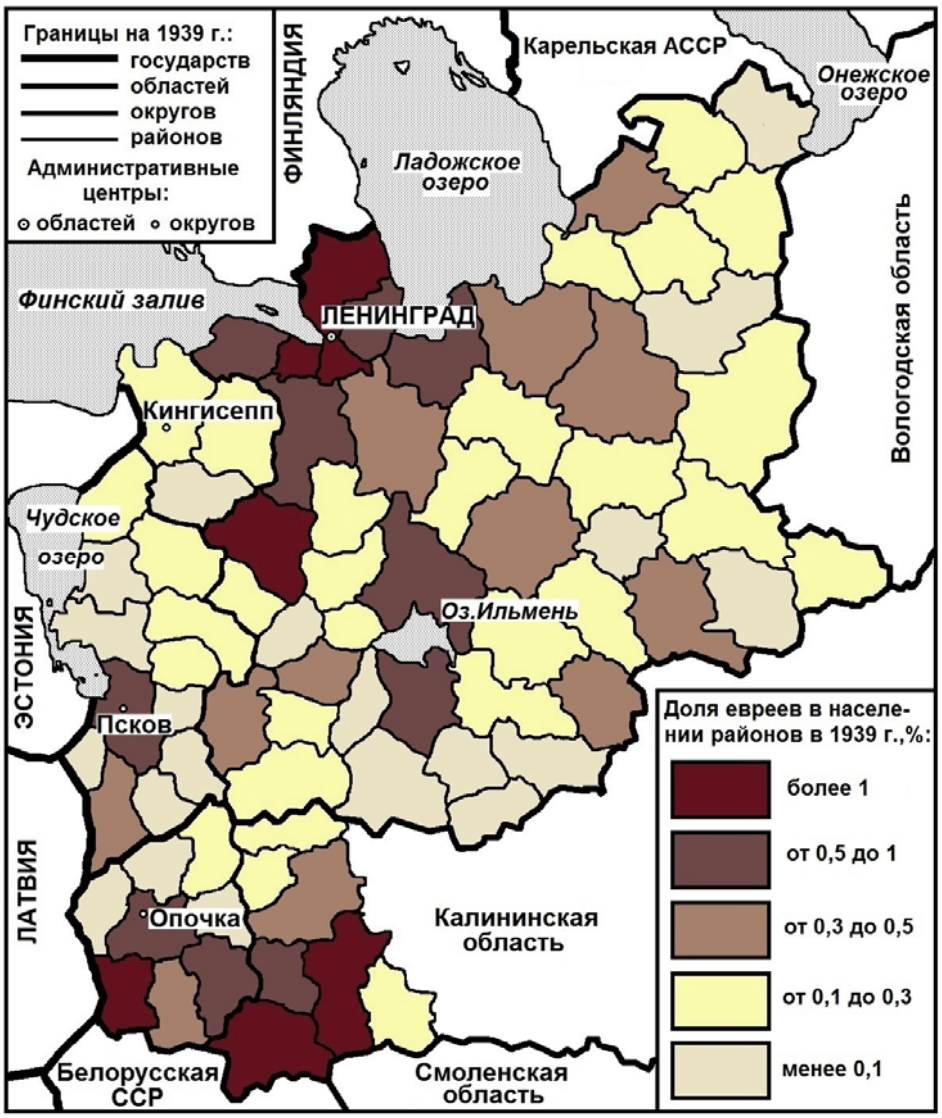

Рис. 47. Доля евреев в населении административных районов Северо-Запада России в 1939 г.

Но основной иноэтнический компонент на Северо-Западе России в 1939 г. представляло **прибалтийско-финское** население (ингерманландские финны, эстонцы, вепсы, карелы, ижорцы и водь). Всё прибалтийско-финское население составляло около 2,9 % жителей региона, в т. ч. 5,5 % населения Ленинградской области, 0,8 % – Ленинграда и 0,4 % – западных районов Калининской области.

Ингерманландские финны составляли тогда 1,6 % населения региона (114,7 тыс. чел.), и находились на третьем месте в списке национальностей Северо-Запада. В населении Ленинградской области их доля составляла 3,3 %, здесь они концентрировались собственно в Ингерманландии, т. е. в районах, окружающих «северную столицу» (рис. 48). Небольшие островки финского населения заметны и к востоку от Ленинграда, близ границ с Карельской АССР и на территории современной Новгородской области.

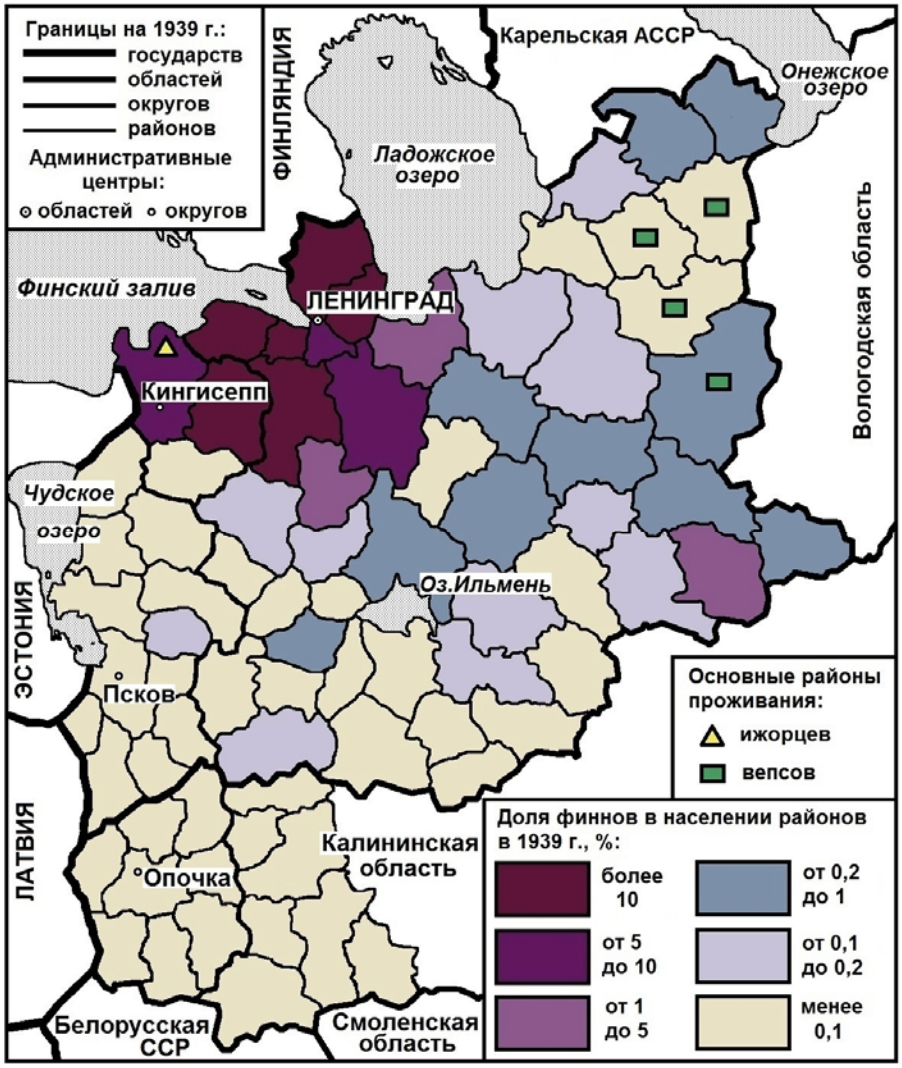

Рис. 48. Доля финнов в населении административных районов Северо-Запада России в 1939 г. и основные районы проживания вепсов и ижорцев

Вепсы в 1939 г. составляли 0,22 % населения региона (15,8 тыс. чел.) и концентрировались на территории Ленинградской области, составляя там около 0,5 % населения. Вепсы проживали преимущественно на территории четырёх районов в восточной части Ленинградской области, пограничных с Вологодской областью. Это были Винницкий, Ефимовский, Капшинский и Оятский районы. Здесь доля вепсов составляла от 7,3 % (Оятский район) до 55,3 % (Винницкий район) населения. При этом на Винницкий район приходилось 45 % вепсов (7,1 тыс.) всего Северо-Запада России.

Доля **ижорцев** в населении Северо-Запада едва достигала 0,1 % (7,5 тыс. чел.). Ижорцы проживали преимущественно на северо-западе Ленинградской области, в Кингисеппском районе (6,5 тыс. чел., или 12,8 % всего населения).

Эстонцы в 1939 г. составляли около 0,9 % населения Северо-Запада России (62,4 тыс. чел.) и находились на пятом месте в списке национальностей в регионе. Проживали они преимущественно в западных районах Ленинградской области, близких к границе с Эстонией, в т. ч. в Восточном Причудье. Сюда они переселились в основном в течение XIX в. (особенно во второй половине столетия). Их доля в населении Ленинградской области составляла около 1,4 %, Ленинграда – около 0,5 %, западных районов Калининской области – 0,3 %.

Кроме основного ареала концентрации эстонцев в западной части Ленинградской области, где в ряде районов их доля превышала 10 % от всего населения, наблюдалось ещё несколько не столь выраженных ареалов (рис. 49). Первый из таких ареалов находился в западной части Калининской области (ранее – территория юго-восточных уездов Псковской губернии). Также заметна относительно повышенная концентрация эстонцев в ряде районов Валдайской возвышенности (ныне – территория Новгородской области). Эти районы, вместе с прилегающими к Эстонии территориями, также являлись местами оседания эстонцев при переселении их в XIX в. во внутренние губернии Российской империи.

Четвёртую позицию в списке национальностей Северо-Запада занимали **украинцы**. Их доля к моменту переписи 1939 г. достигла 1,33 % населения региона (95,6 тыс. чел.), в т. ч. они составляли 1,71 % населения Ленинграда, 1,13 % – Ленинградской области и 0,58 % – западных районов Калининской области. География расселения украинцев в пределах Северо-Запада свидетельствует о недавнем прибытии их в регион, что подтверждается и статистикой за предшествующий переписной период (в 1926 г. доля украинцев в населении северо-западных губерний России составляла всего 0,23 %).

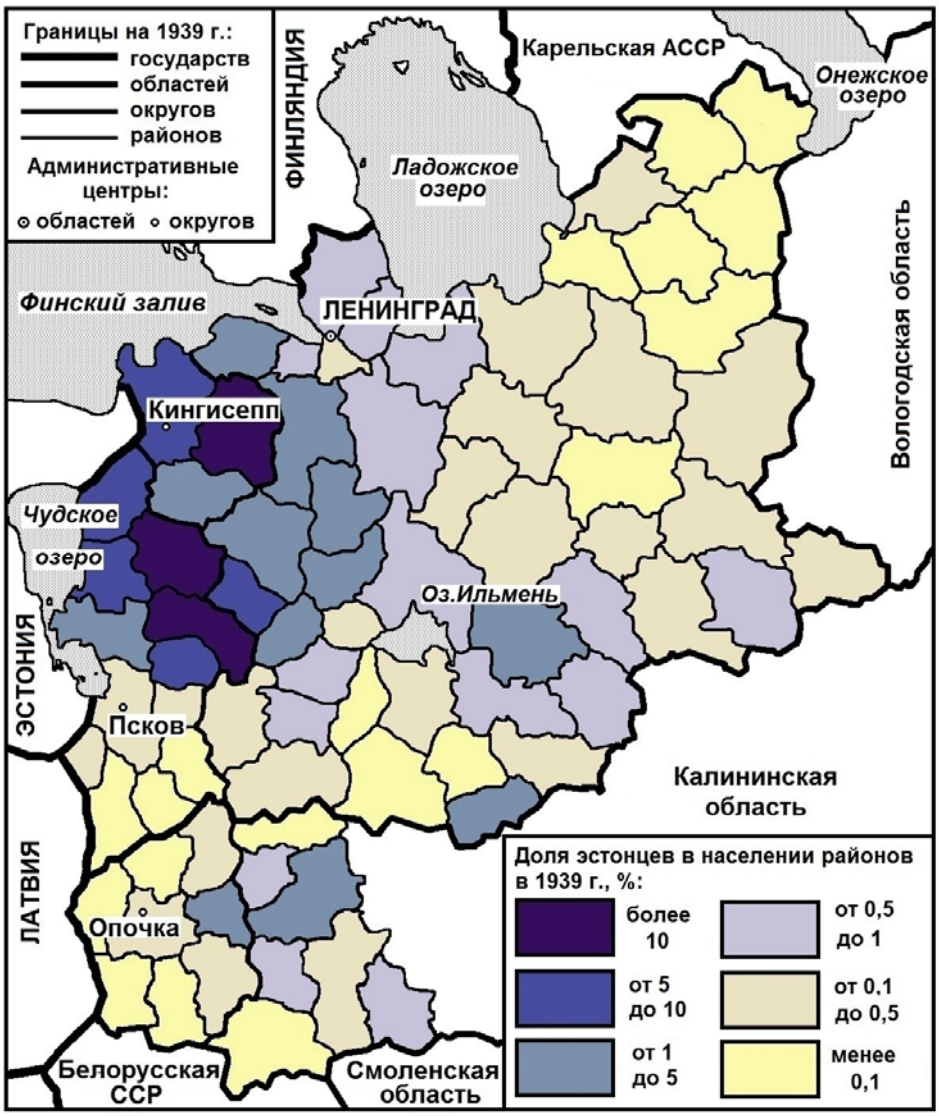

Рис. 49. Доля эстонцев в населении административных районов Северо-Запада России в 1939 г.

Повышенной концентрацией украинского населения в 1939 г. характеризовались районы, расположенные в северной части Ленинградской области, в особенности вблизи от областного центра (рис. 50). Отдельные «островки» повышенной доли украинцев в населении привязаны к границе с Карельской АССР, к бывшим губернским центрам – Пскову и Новгороду, и др.

В целом же география расселения украинцев в 1939 г. свидетельствует об их активном участии в замещении прибалтийско-финского населения Северо-Запада (особенно финнов), вынужденного покидать регион с конца 1920-х гг.

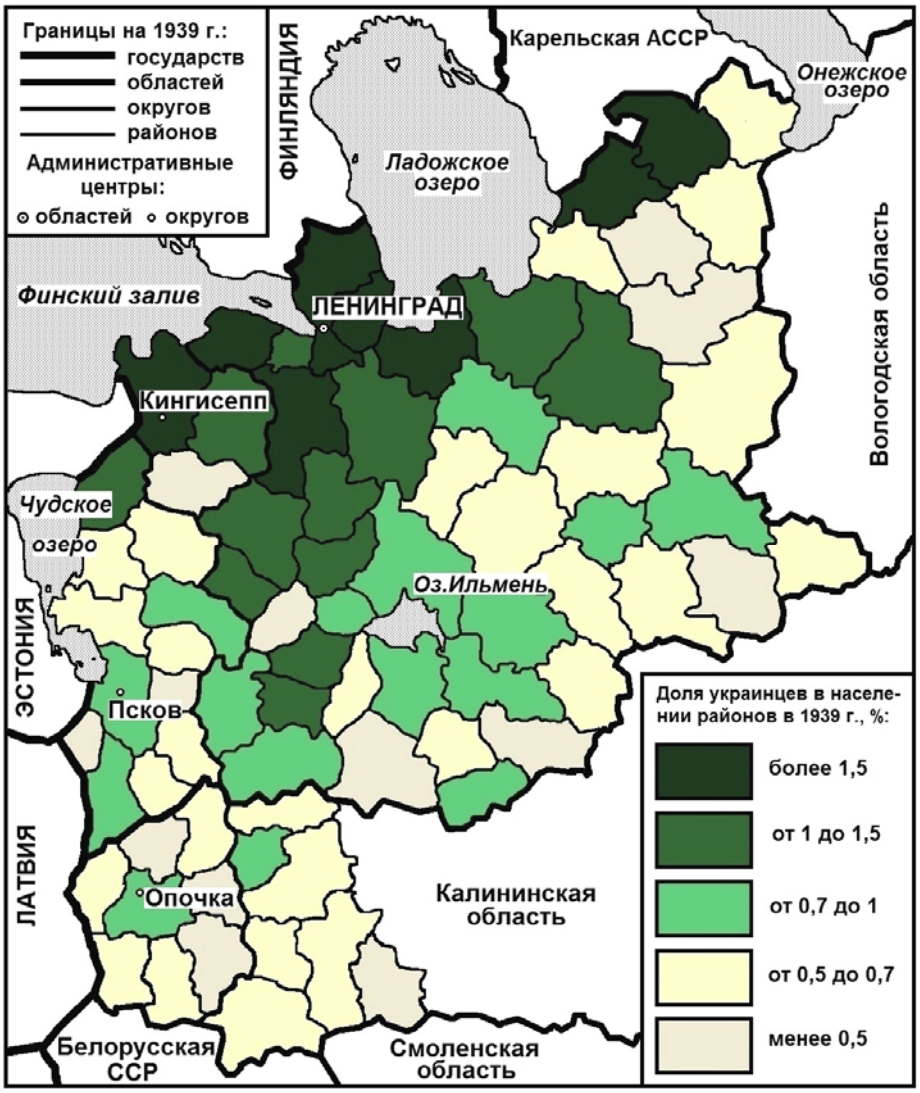

Рис. 50. Доля украинцев в населении административных районов Северо-Запада России в 1939 г.

Выводы. В современных границах Северо-Запада России в 1939 г. русское население составляло около 90 %. Доля русских была относительно пониженной в северной части региона, где пока достаточно многочисленным оставалось прибалтийско-финское население (особенно ингерманландские финны, составлявшие 1,6 % населения региона, и эстонцы – около 0,9 %). Вместе с вепсами (0,2 %), карелами и ижорцами (по 0,1 %) прибалтийско-финские народы составляли в 1939 г. около 2,9 % населения Северо-Запада России.

Вторую позицию в списке национальностей региона в 1939 г. занимали евреи (3,15 %), концентрировавшиеся в Ленинграде и его пригородах. Лишь небольшая часть евреев проживала в пределах «черты оседлости», т. е. своего основного дореволюционного ареала, вклю-

чавшего территорию бывшей Витебской губернии на крайнем юго-западе региона.

К 1939 г. на четвёртую позицию в списке национальностей Северо-Запада России вышли украинцы (1,33 % населения региона). Украинцы, вместе с русскими и белорусами, участвовали в замещении на Северо-Западе ингерманландских финнов, подвергшихся ряду депортаций в период с 1929 по 1936 гг. Повышенная доля украинского населения характеризовала северные районы региона, испытавшие наибольшие потери прибалтийско-финского населения.

Доля целого ряда других национальных групп (белорусов, татар, немцев, поляков и др.) в 1939 г. была повышена в Ленинграде и его окрестностях, что являлось следствием как дореволюционной этнической динамики в регионе, так и притягательности «северной столицы» для иноязычных мигрантов «новой волны» в советское время.

Изменение национального состава населения Северо-Запада России с 1939 по 2010 гг.

Динамика численности и доли русского населения. С 1939 по 2010 гг. на Северо-Западе России произошло лишь небольшое увеличение численности русского населения – с 6 468,7 до 6 571,4 тыс. чел.[1] (табл. 11).

[1] При написании раздела, составлении таблиц, диаграмм и картосхем использовались источники: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php; Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php; Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=1.

Таблица 11

Доля русских в населении Северо-Запада России (1939–2010 гг.)

Годы переписей населения	Ленинград / С.-Петербург	Ленинградская область	Псковская область	Новгородская область	Весь Северо-Запад России	
	Доля в населении, %					Численность, чел.
1939 г.	86,83	83,60	95,98	96,35	**89,66**	6 468 687
1959 г.	88,86	91,58	96,74	97,20	**91,58**	5 728 131
1970 г.	88,98	91,66	96,59	96,93	**91,31**	6 375 017
1979 г.	89,69	91,07	95,86	96,26	**91,27**	6 986 242
1989 г.	89,14	90,88	94,34	94,70	**90,53**	7 460 981
2002 г.	92,00	91,73	94,25	94,68	**92,42**	6 814 184
2010 г.	92,48	92,75	95,01	95,06	**92,99**	6 571 370

Значительное уменьшение численности русских, как и всего населения Северо-Запада, связанное с большими потерями в ходе Великой Отечественной войны, произошло между переписями населения 1939 и 1959 гг. За это время население региона сократилось на 740 тыс. чел., что было, например, равносильно количеству жителей Новгородской области в 1959 г. В последующие три десятилетия наблюдался рост численности русского населения на Северо-Западе России, и к 1989 г. она выросла более чем на 1,7 млн. чел., достигнув своих максимальных значений за всю историю – 7 млн. 461 тыс. чел. В дальнейшем, вследствие распада Советского Союза и сопутствующего ему демографического кризиса, на Северо-Западе происходила убыль русского населения, которая между переписями 1989 и 2010 гг. достигла 890 тыс. чел.

На фоне заметных колебаний численности русского населения наблюдалось также и волнообразное изменение доли русских во всём населении Северо-Запада России. В целом с 1939 по 2010 гг. доля русского населения выросла с 89,7 % почти до 93 %, т. е. более, чем на 3 % (рис. 51). Но фактически этот период по динамике доли русских чётко распадается на три этапа. Первый этап – с 1939 по 1959 гг., когда произошло заметное повышение доли русских (до 91,6 % в 1959 г.). С 1959 по 1989 гг. наблюдалось постепенное понижение доли русских, вызванное миграционным притоком иноязычного населения, – до 90,5 % в 1989 г. На третьем этапе (с 1989 по 2010 гг.) происходил рост доли русских в населении Северо-Запада России, которая к 2010 г. приблизилась к 93 %, т. е. к своим максимальным значениям за весь исследуемый период.

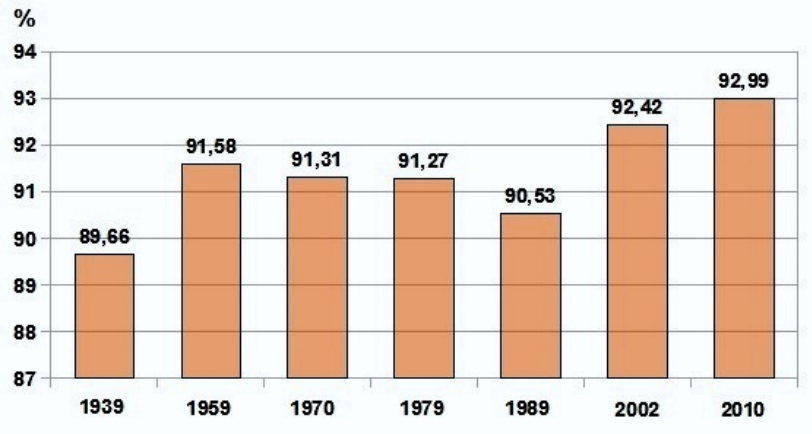

Рис. 51. Изменение доли русских в населении Северо-Запада России в 1939–2010 гг.

Однако динамика доли русского населения заметно различалась на уровне отдельных регионов Северо-Запада (табл. 7). Например, доля русских в Ленинграде/С.-Петербурге в период с 1939 по 2010 гг. почти постоянно росла (за исключением незначительного падения между переписями населения 1979 и 1989 гг.) и увеличилась за весь период с 86,8 до 92,5 %. Вероятно, что это было связано в большей степени не с превышением притока русского населения над притоком иноязычного населения, а с более активной ассимиляцией нерусских мигрантов в «северной столице».

Схожая динамика доли русских характеризовала и Ленинградскую область. При этом видно, что область лишилась значительной части нерусского населения между 1939 и 1959 гг. (доля русских выросла сразу на 8 % – с 83,6 до 91,6 %), о чём будет подробнее рассказано ниже.

Динамика доли русских в населении Псковской и Новгородской областей в общих чертах повторяла колебания, характерные для всего Северо-Запада. Однако на момент проведения переписи населения 1939 г. территории областей были фактически мононациональными, и дальнейшие колебания не смогли скрыть общий тренд на увеличение доли нерусского населения. Даже наметившееся после 2002 г. увеличение доли русских не смогли заметно преломить этот тренд, и в итоге с 1939 по 2010 гг. на территории Псковской и Новгородской областей доля русского населения уменьшилась с 96 до 95 % и с 96,4 до 95,1 % соответственно.

На картосхеме, где представлена доля русских на порайонном уровне (рис. 51), видно, что минимальной долей русских в 2010 г. (менее 93 %) отличались С.-Петербург, западные районы Ленинградской области и ряд районов Новгородской и Псковской областей, примыкающих с Ленинградской области и западной границе России. Пояс повышенной доли русского населения (свыше 95 %) протянулся с юго-

восточной части Псковской области через Новгородскую область на юго-восток Ленинградской области.

Постепенное выравнивание доли русских не только в населении регионов Северо-Запада, но и административных районов, наглядно отражает картосхема динамики доли русских с 1939 по 2010 гг. (рис. 52). Если в С.-Петербурге (Ленинграде) и Ленинградской области за этот период доля русских заметно увеличилась, то в большинстве районов Псковской и Новгородской областей доля русских за это время уменьшилась, хотя и не столь значительно. За счёт каких национальностей происходило это уменьшение, покажет дальнейший анализ.

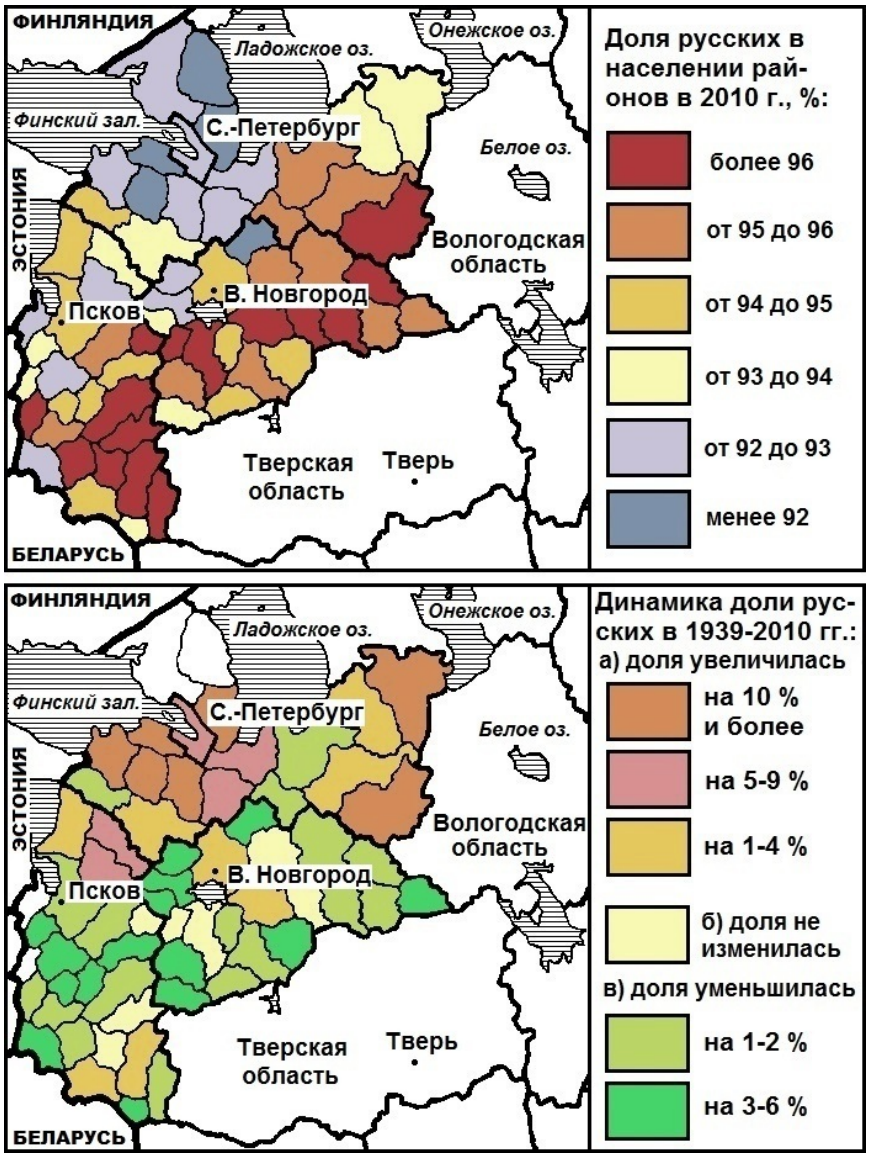

Рис. 52. Доля русских в населении С.-Петербурга и административных районов Северо-Запада России в 2010 г. и динамика доли русских с 1939 по 2010 гг.

Динамика численности и доли украинского населения. Численность украинцев, проживающих на Северо-Западе, постоянно росла на протяжении периода с 1939 до 1989 гг. и выросла за это время в 2,4 раза – с 95,6 почти до 230 тыс. чел. (табл. 12). Вследствие распада Советского Союза произошёл перелом в этих процессах, прервав значительный миграционный приток населения с Украины. В период с 1989 по 2010 гг. численность украинцев на Северо-Западе России уменьшилась более, чем в два раза, и к 2010 г. составила всего 111,9 тыс. чел. Такое значительное уменьшение украинцев может быть объяснено как возвращением их части на территорию Украины, так и ускорившейся их ассимиляцией на Северо-Западе России. На этом также могла сказаться специфика проведения двух постсоветских переписей, когда национальность фиксировалась со слов переписываемых (без привязки к паспорту, в отличие от переписей, проводимых в советское время).

Таблица 12

Доля украинцев в населении Северо-Запада России (1939–2010 гг.)

Годы переписей населения	Ленинград / С.-Петербург	Ленинградская область	Псковская область	Новгородская область	Весь Северо-Запад России	
	Доля в населении, %					Численность, чел.
1939 г.*	1,66	1,61	0,68	0,79	**1,33**	95 645
1959 г.	2,06	1,96	0,72	0,92	**1,70**	106 348
1970 г.	2,46	2,36	1,01	1,04	**2,11**	147 307
1979 г.	2,57	2,62	1,24	1,27	**2,31**	176 713
1989 г.	3,03	2,97	1,81	1,92	**2,79**	229 951
2002 г.	2,03	2,57	1,64	1,52	**2,06**	151 881
2010 г.	1,52	1,98	1,33	1,19	**1,58**	111 876

* в современных границах субъектов РФ.

Если в 1939 г. украинцы занимали лишь четвёртую позицию в списке национальностей Северо-Запада, уступая, кроме русских, евреям (3,15 %) и финнам (1,59 %), то в 2010 г. они значились на второй позиции, уступая только русским. Динамика доли украинцев в населении Северо-Запада России (рис. 53) имеет такие же закономерности, что и изменение их численности. Доля украинцев с 1939 по 1989 гг. выросла более, чем в два раза, – с 1,33 до 2,79 %, а в последующем, к 2010 г., уменьшилась почти в 1,8 раза – до 1,58 %.

Схожая динамика доли украинцев характеризует все регионы Северо-Запада, однако имеются и некоторые особенности. Так, например, Ленинград/С.-Петербург вплоть до 1989 г. отличался самой высокой долей украинцев, но уже к 2002 г. уступил своё лидерство Ленинградской области, где уменьшение доли украинцев с 1989 г. было не столь значительным. Схожую динамику продемонстрировала Псковская область по отношению к Новгородской области – если до 1989 г. доля украинцев в Псковской области была ниже, чем у восточного соседа, то с 2002 г. Новгородская область вышла на последнюю позицию по доле украинцев среди регионов Северо-Запада.

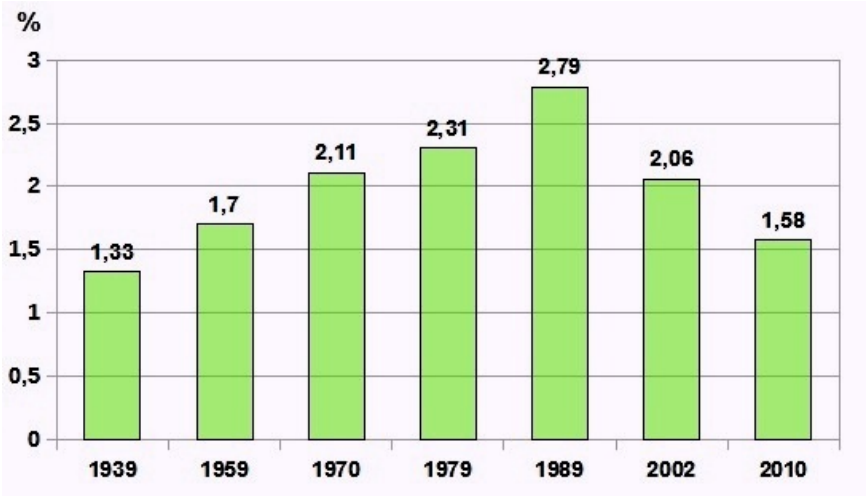

Рис. 53. Изменение доли украинцев в населении Северо-Запада России в 1939–2010 гг.

Вплоть до 1989 г. очевидное лидерство среди регионов Северо-Запада по доле украинцев держали Ленинград и Ленинградская область, но после распада Советского Союза наметилось выравнивание регионов по данному показателю, т. е. уменьшение доли украинцев в Новгородской и особенно Псковской области после 1989 г. было заметно меньше, чем в С.-Петербурге и Ленинградской области.

К 2010 г. повышенная доля украинцев (свыше 1,5 %) сохранялась в западных районах Ленинградской области, С.-Петербурге и северо-западе Псковской области (рис. 54). Пояс пониженной доли украинского населения (менее 1,2 %) протянулся с юго-востока Псковской области через Новгородскую область на юго-восток Ленинградской области. Данный пояс почти идентичен поясу повышенной доли русского населения (свыше 95 %), что позволяет сделать вывод о главной роли украинцев в формировании этнической мозаичности Северо-Запада России в настоящее время.

Картосхема, где представлена динамика доли украинцев в населении районов Северо-Запада с 1939 по 2010 гг., позволяет просле-

дить этнические процессы, происходящие как в советский, так и в постсоветский периоды. Во-первых, заметно уменьшение доли украинцев в населении С.-Петербурга и ряда районов Ленинградкой области, что, без сомнения, характеризует исключительно постсоветский период. При этом большинство районов Псковской и Новгородской областей сумели сохранить высокую долю украинцев, наращиваемую в советский период, т. е. с 1939 по 1989 гг. Причём рост украинского населения происходил в основном в ранее преимущественно мононациональных районах, постепенно повышая их этническую мозаичность.

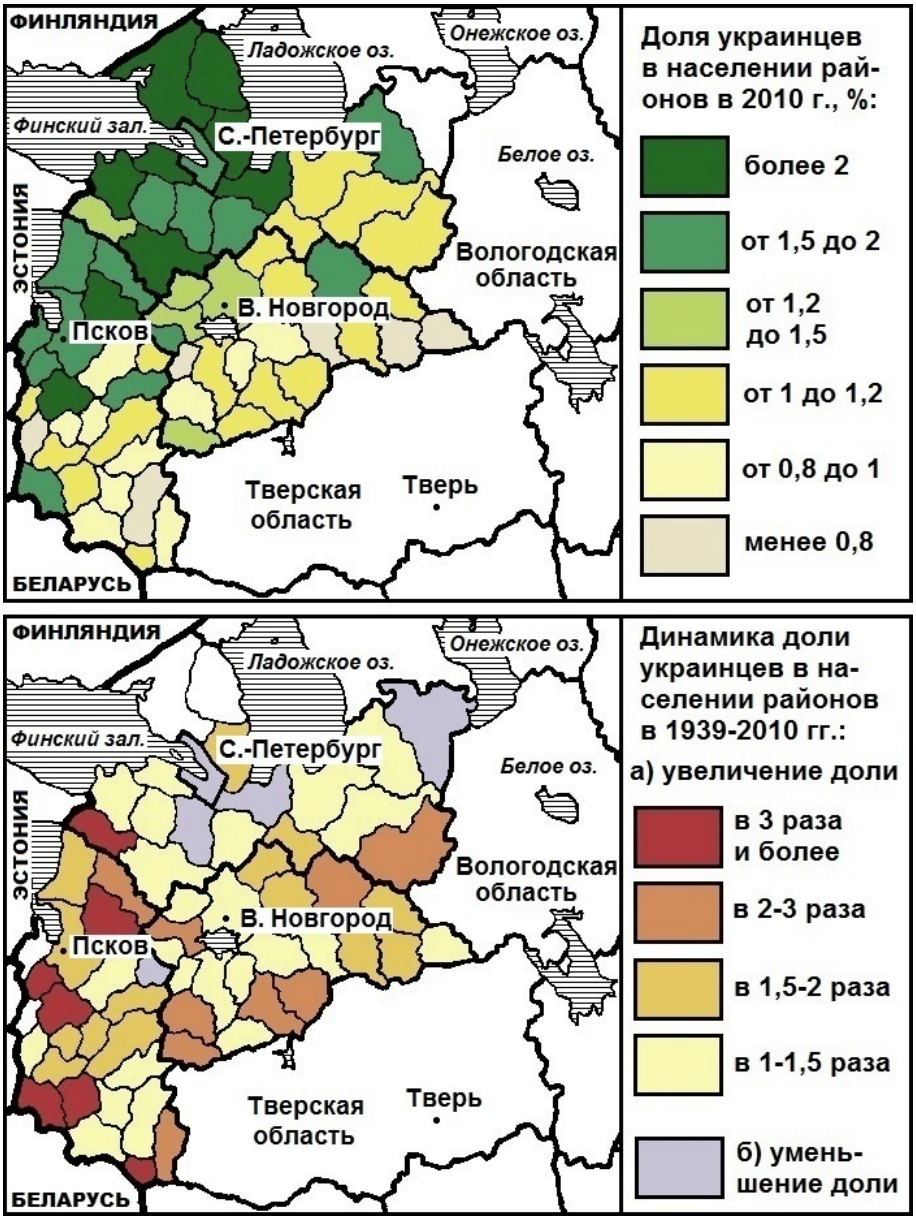

Рис. 54. Доля украинцев в населении С.-Петербурга и административных районов Северо-Запада России в 2010 г. и динамика доли украинцев с 1939 по 2010 гг.

В целом же можно сделать вывод о постепенном выравнивании доли украинского населения в разных частях Северо-Запада России в период с 1939 до 2010 гг. Если в раннесоветское время украинское население росло за счёт миграции преимущественно в Ленинграде и окружающих его районах Ленинградской области, то в позднесоветский период более активно шёл приток украинцев в Псковскую и Новгородскую области, многие районы которых оказались в это время в состоянии депопуляции. Украинское население частично компенсировало в этих районах механическую и естественную убыль русского населения. Эти же районы оказались меньше подвержены ассимиляции и оттоку украинского населения в постсоветский период, особенно по сравнению с территориями, куда украинское население активно прибывало ещё до переписи 1939 г. (Ленинград и запад Ленинградской области).

Динамика численности и доли белорусского населения. Изменение численности белорусов в населении Северо-Запада России с 1939 по 2010 гг. имело схожую тенденцию, что и динамика украинского населения. С 1939 по 1989 гг. наблюдался рост численности белорусов, и за это время их количество на Северо-Западе выросло почти в три раза – с 49,6 до 146,5 тыс. чел. (табл. 13). С 1989 по 2010 гг. численность белорусов уменьшилась в 2,25 раза – до 65,2 тыс. чел. При этом, в целом с 1939 по 2010 гг. численность белорусов на Северо-Западе выросла в 1,31 раза, а украинцев – всего в 1,17 раза. Такое различие можно объяснить соседством территорий Белоруссии и Северо-Запада России.

Таблица 13

Доля белорусов в населении Северо-Запада России (1939–2010 гг.)

Годы переписей населения	Ленинград / С.-Петербург	Ленинградская область	Псковская область	Новгородская область	**Весь Северо-Запад России**	
	Доля в населении, %					Численность, чел.
1939 г.*	1,01	0,43			**0,69**	49 637
1959 г.	1,42	1,53	0,47	0,37	**1,17**	73 281
1970 г.	1,62	1,80	0,66	0,59	**1,43**	99 626
1979 г.	1,79	1,84	1,03	0,71	**1,61**	123 381
1989 г.	1,87	2,04	1,48	0,90	**1,78**	146 498
2002 г.	1,27	1,61	1,27	0,77	**1,30**	95 732
2010 г.	0,90	1,05	1,04	0,58	**0,92**	65 176

* в современных границах субъектов РФ.

Аналогичной динамике украинского населения является и изменение доли белорусов в населении Северо-Запада России: с 1939 по 1989 гг. этот показатель вырос с 0,69 до 1,78 %, а с 1989 по 2010 гг. доля белорусов снизилась до 0,92 % (рис. 55). В целом с 1939 по 2010 гг. белорусы в списке национальностей Северо-Запада поднялись с шестой позиции (после русских, евреев, финнов, украинцев и эстонцев) на третью (после русских и украинцев).

В динамике доли белорусов в населении регионов Северо-Запада России имеются некоторые особенности. Так, обращает на себя внимание повышенная доля белорусов, начиная с 1959 г., в населении Ленинградской области по сравнению с Ленинградом/С.-Петербургом. Во-вторых, отметим выход к 2010 г. по доле белорусов на вторую позицию среди регионов Северо-Запада Псковской области, что может быть объяснено её соседством с Белоруссией. Соответственно, последнее место по данному показателю Новгородской области на протяжении всего периода можно объяснить отсутствием у региона аналогичной особенности географического положения. Однако, низкие «стартовые» показатели у Псковской области (например, в западных районах Калининской области, которые ныне составляют южную часть Псковской области, в 1939 г. доля белорусов составляла всего 0,52 %) требуют отдельного изучения, не укладывающегося хронологически в исследуемый нами период.

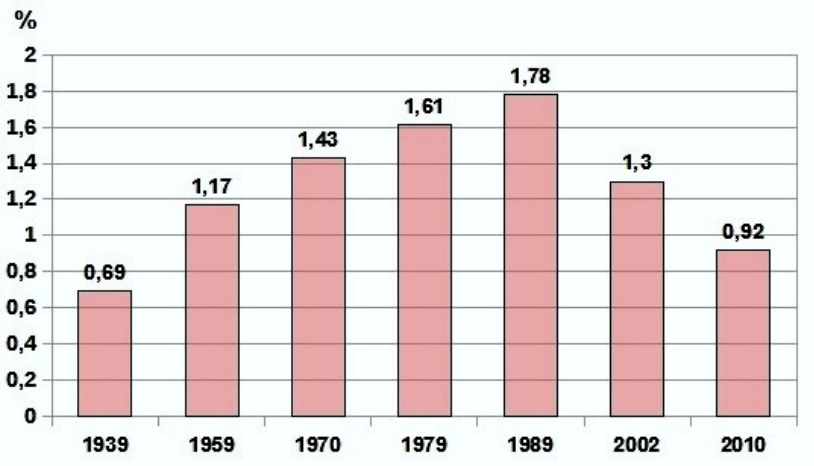

Рис. 55. Изменение доли белорусов в населении Северо-Запада России в 1939–2010 гг.

В 2010 г. доля белорусов была повышена (более 1,2 %) в ряде западных районов Ленинградской области и в приграничных с Республикой Беларусь районах Псковской области (рис. 56). Самой низкой долей белорусов (менее 0,4 %) отличался ряд районов Новгородской области, в т. ч. расположенных вдоль границы с Тверской областью. Но в целом пояс пониженной доли белорусского населения был схож

с аналогичным поясом украинского населения и с поясом повышенной доли русских на Северо-Западе.

Представленная ниже на картосхеме динамика доли белорусов в населении районов Северо-Запада России с 1989 по 2010 гг. во многом схожа с аналогичной динамикой доли украинцев в этот же период и отражает общие закономерности, связанные с этническими процессами вследствие распада Советского Союза. Наибольшее уменьшение доли белорусов в постсоветский период пришлось на С.-Петербург и прилегающие к нему районы Ленинградской области, и даже некоторые районы Новгородской области.

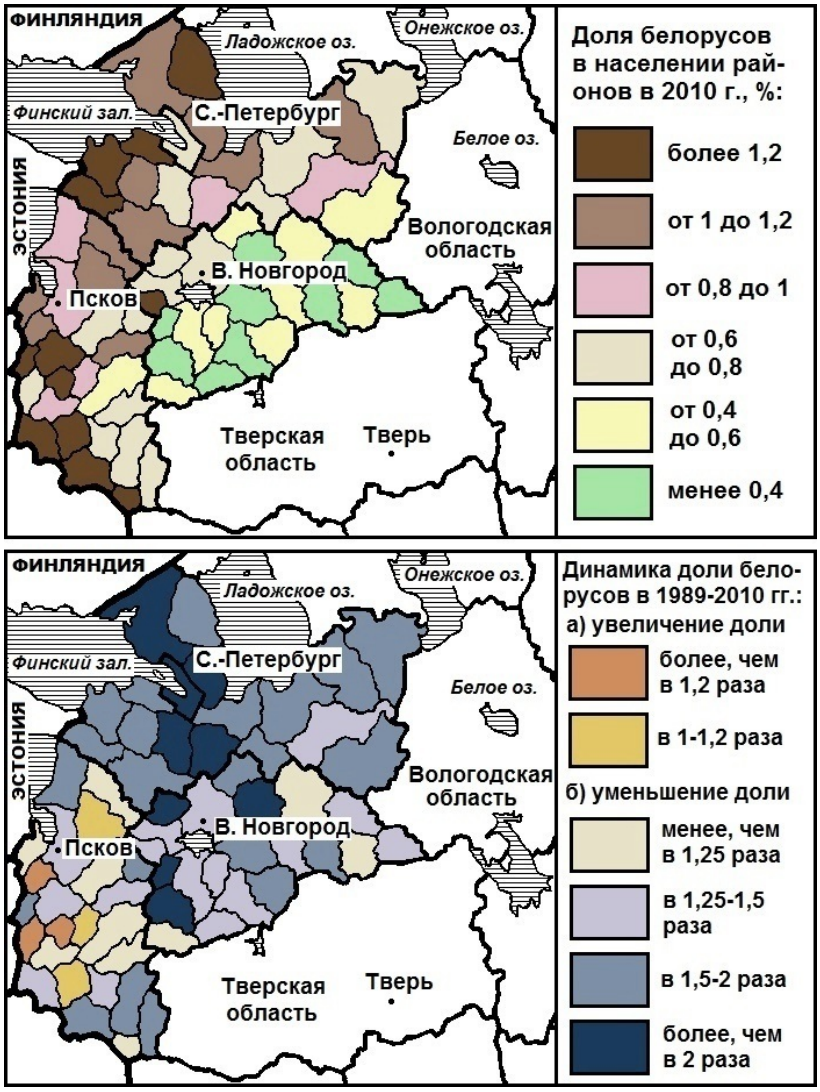

Рис. 56. Доля белорусов в населении С.-Петербурга и административных районов Северо-Запада России в 2010 г. и динамика доли белорусов с 1989 по 2010 гг.

Также на картосхеме видно, что в ряде районов Псковской области наблюдалось даже увеличение доли белорусского населения. Причём эти районы удалены от границы с Республикой Беларусь, т. е. причина роста доли белорусского населения в них не связана с близо-

стью границы, а скорее является отражением депопуляционных процессов, частично компенсируемых целенаправленным миграционным притоком населения извне региона.

Динамика численности и доли прибалтийско-финских народов. С 1939 по 2010 гг. общая численность прибалтийско-финского населения на Северо-Западе России уменьшилась в 13,5 раз – с 208 до 15,3 тыс. чел. особенно катастрофичным в этом плане был период с 1939 по 1959 гг., когда численность прибалтийско-финского населения сократилась сразу в 3,3 раза. За весь последующий период, т. е. с 1959 по 2010 гг. их численность уменьшилась примерно в 4 раза. Разберём подробнее, какие события произошли между переписями 1939 и 1959 гг., повлиявшие на судьбу прибалтийско-финских народов Северо-Запада.

В ходе переписи населения 1939 г. в пределах Ленинградской области и западных районах Калининской области, ныне входящих в состав Псковской области, было зафиксировано 114,7 тыс. финнов (1,59 % населения Северо-Запада), 62,4 тыс. эстонцев (0,86 %), 15,8 тыс. вепсов (0,22 %), 7 654 карела (0,11 %) и 7 459 ижорцев (0,10 %). К 1959 г. численность финнов уменьшилась до 26,4 тыс. чел. (0,42 % населения Северо-Запада), т. е. в 4,3 раза. Не столь значительно сократилось число эстонцев – до 22,4 тыс. чел. (0,36 %), т. е. в 2,8 раза, вепсов – до 8,0 тыс. (0,13 %), т. е. почти в 2 раза, карел – до 5,6 тыс. чел. (0,09 %), т. е. в 1,36 раза. Также в ходе переписи 1959 г. было зарегистрировано 329 ижорцев, проживающих в Ленинградской области, хотя последующие переписи выявили несколько больше ижорцев (наибольшее их число показала перепись 1970 г. – 443 чел. в пределах всего Северо-Запада).

Если главной причиной уменьшения численности православных прибалийско-финских народов (вепсов, карел, ижорцев и води) являлась их ассимиляция, то сокращение численности ингерманладских финнов и эстонцев произошло в основном по другим причинам. Так, **ингерманландские финны** испытали несколько депортаций. Во-первых, это относилось к финнам, проживавшим на Карельском перешейке, которые выселялись с этих земель вглубь Финляндии в 1940 г. и повторно в 1944–1945 гг. К 1947 г. их место заняли советские переселенцы[1].

Остальная часть ингерманландских финнов, проживающих в Ленинградской области, также подверглись нескольким выселениям. В начале 1942 г. около 30 тыс. финнов, оказавшихся в кольце блокады, было депортировано в Сибирь. В 1943–1944 гг., по договору между Финляндией и Германией, свыше 60 тыс. ингерманландских финнов

[1] Исаченко Г. А. Указ. соч.

было переселено на прародину через территорию Эстонии[1]. В 1943 г. германские власти переселили на историческую родину значительную часть эстонцев из оккупированной части Ленинградской области (в основном из Кингисеппского и Псковского округов)[2].

По соглашению 1944 г. между Финляндией и СССР около 56 тыс. ингерманландских финнов вернулось в СССР, но им было запрещено поселяться на территории Ленинградской области вплоть до 1956 г. Почти все вернувшиеся после войны в Ингерманландию финны в 1947 г. были подвергнуты «вторичной депортации». Ингерманландские финны прямо из Финляндии направлялись на поселение в Псковскую, Великолукскую, Новгородскую, Калининскую, Ярославскую и др. области России[3]. Деревни, оставленные ингерманландскими финнами, были заселены русскими. После 1956 г. в Ленинградскую область смогла вернуться только небольшая часть финнов, ещё часть сумела обосноваться в соседних республиках – Эстонии и Карелии[4].

Северо-Запад утратил значительную часть **эстонского** населения в период Великой Отечественной войны. В 1943 г. германские власти предложили эстонцам, лишившимся крова в 1939 г. в результате сселения с хуторов, вернуться на историческую родину. О численности эстонского населения в период фашистской оккупации в северной части современной Псковской области свидетельствуют исследования эстонских учёных. Данные исследования проводились в пяти районах к востоку от Чудского озера. Три района (Гдовский, Полновский и Лядский), которые отличались наиболее высокой численностью эстонского населения, в 1944 г. вошли в состав Псковской области. В этих трёх районах было зафиксировано 5,6 тыс. эстонцев, составлявших 10,05 % всего населения[5]. Причём эта доля мало отличается от удельного веса эстонцев в Гдовском уезде Петербургской губернии в конце XIX в. и начале XX в. – 10,5 и 11,05 % соответственно[6].

Наибольшая доля эстонцев среди пяти районов Восточного Причудья в 1943 г. была отмечена в Лядском районе – 13,8 % (2,2 тыс. чел.). В то время на родном языке говорило свыше 94 % эстонцев (2 тыс. чел.), а русским языком владело 75,5 % (1,6 тыс. чел.)[7]. В 1943 г. значительная часть эстонского населения всё же покинула Восточное

---

[1] Kurs O. Ingria: The broken landbridge between Estonia and Finland // GeoJournal. 1994 (May), vol. 33, № 1. P. 107–113.

[2] Arens Ilmar. Указ. соч.

[3] Исаченко Г. А. Указ. соч.

[4] Kurs O. Indigenous Finnic Population of NW Russia // GeoJournal. 1994 (Dec), vol. 34, № 4. P. 447–456.

[5] Arens Ilmar. Peipsitagused eestlased: Fakte, dokumente ja malestuspilte Ida-Peipsimaa uurimusilt 1943–1944. Tartu, 1994. 86 lk.

[6] Маамяги В. А. Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. М.: Наука, 1990. 200 с.

[7] Arens Ilmar. Указ. соч.

Причудье по призыву гитлеровского командования вернуться на историческую родину. С 1943 по 1959 гг. число эстонцев в северных районах Псковской области сократилось более чем в три раза.

Последующее уменьшение численности прибалтийско-финского населения происходило, главным образом, вследствие его ассимиляции. С 1959 по 2010 гг. численность финнов на Северо-Западе уменьшилась в 3,6 раза (с 26,4 до 7,3 тыс. чел.), эстонцев – в 7,2 раза (с 22,4 до 3,1 тыс. чел.), карел – в 1,9 раза (с 5,6 до 3,0 тыс. чел.), вепсов – в 4,8 раза (с 8026 до 1660 чел.), ижорцев – в 1,9 раза (с 329 до 171 чел.). Водь регистрировалась только в ходе переписей населения 2002 и 2010 гг. (12 и 33 чел. соответственно).

Таблица 14

Доля прибалтийско-финских народов в населении Северо-Запада России (1939–2010 гг.)

Годы переписей населения	Ленинград / С.-Петербург	Ленинградская область	Псковская область	Новгородская область	**Весь Северо-Запад России**	
	Доля в населении, %					Численность, чел.
1939 г.*	0,81	10,36	1,32	0,84	**2,88**	207 986
1959 г.	0,38	3,03	1,00	0,42	**1,00**	63 023
1970 г.	0,35	1,92	0,68	0,31	**0,71**	49 615
1979 г.	0,34	1,58	0,53	0,28	**0,60**	45 834
1989 г.	0,29	1,35	0,37	0,20	**0,50**	41 569
2002 г.	0,20	0,83	0,22	0,14	**0,34**	24 913
2010 г.	0,14	0,50	0,15	0,09	**0,22**	15 321

* в современных границах субъектов РФ.

Суммарная доля прибалтийско-финских народов в населении Северо-Запада России уменьшилась с 1939 по 2010 гг. в 13 раз – с 2,88 до 0,22 % (рис. 57), в т. ч. с 1959 по 2010 гг. в 4,5 раза. Наибольшая концентрация прибалтийско-финского населения в 1939 г. приходилась на современную территорию Ленинградской области, где его доля превышала 10 %. Именно там были представлены все прибалтийско-финские народы Северо-Запада: финны, эстонцы, карелы, вепсы, ижорцы и водь. Несмотря на выселение значительной части финнов и эстонцев, Ленинградская область оставалась лидером по доле этих народов и в ходе всех последующих переписей населения. Доля прибалтийско-финского населения в Ленинградской области с 1939 по 1959 гг. сократилась почти в 3,5 раза, а в последующем, до переписи 2010 г. – ещё в 6 раз.

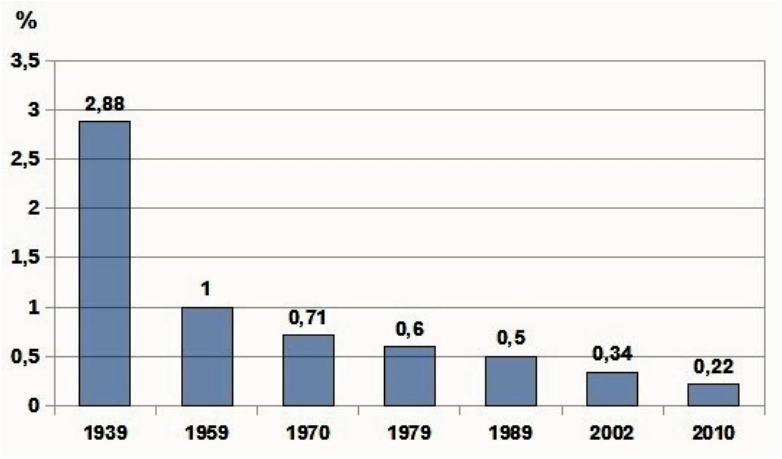

Рис. 57. Изменение доли прибалтийско-финских народов в населении Северо-Запада России в 1939–2010 гг.

Второе место среди регионов Северо-Запада по доле прибалтийско-финских народов в течение всего периода удерживала Псковская область. На её территории доля этих народов уменьшилась с 1939 по 2010 гг. в 8,8 раза. Основная часть прибалтийско-финского населения относится здесь к эстонцам и **сету**. Псковская область была создана 23 августа 1944 г. на базе Псковского округа Ленинградской области. 16 января 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в Псковскую область вошёл Печорский район, организованный из 8 волостей и г. Печоры, входивших ранее в состав Эстонии. Территория двух эстонских волостей вошла в состав Качановского района, а в 1958 г., после его ликвидации, была передана Печорскому району[1].

Имеются сведения, что на начало 1945 г. только в пределах переданной России территории Печорского района численность сету и эстонцев оценивалось почти в 6 тыс. (из них 5,7 тыс. – сету)[2]. При этом надо учесть, что в состав Эстонской ССР было передано 40 % территории Сетумаа, где явно преобладало сетуское население.

Уменьшение численности сету в Печорском районе началось почти сразу же после возвращения этих земель России. Это было связано, в первую очередь, с оттоком сетуской молодежи, предпочитавшей получать высшее и среднее специальное образование на эстонском языке в учебных заведениях Эстонии. Свидетельства со стороны самих сету позволяют отметить ещё одну причину сокращения численности сету на территории Печорского района – это депортации сету в Поволжье (Мордовию) и Сибирь (особенно в Красноярский край, где

[1] Административно-территориальное деление Псковской области. Указ. соч.

[2] Историко-этнографические очерки Псковского края / под ред. А. В. Гадло. Псков: ПОИПКРО, 1998. 315 с.

сету проживали уже с начала XX в.). Сами сету помнят депортации, состоявшиеся в 1949–1950 гг.[1]

При проведении переписей в советское время сету не выделялись отдельно, причисляясь к эстонцам. Поэтому о численности сету можно судить лишь косвенно, предполагая, что сету составляли подавляющее большинство «эстонцев» в Печорском районе. Согласно итогам переписи населения 1959 г. в Печорском районе проживало немногим больше 5 тыс. «эстонцев», из которых примерно 4,5 тыс. составляли сету (11 % населения Печорского района)[2]. В целом в Псковской области с 1959 по 2010 гг. численность эстонцев (вместе с сету) уменьшилась в 12,5 раз – с 7,8 тыс. чел. до 625 чел. (в т. ч. 123 сету) (рис. 58).

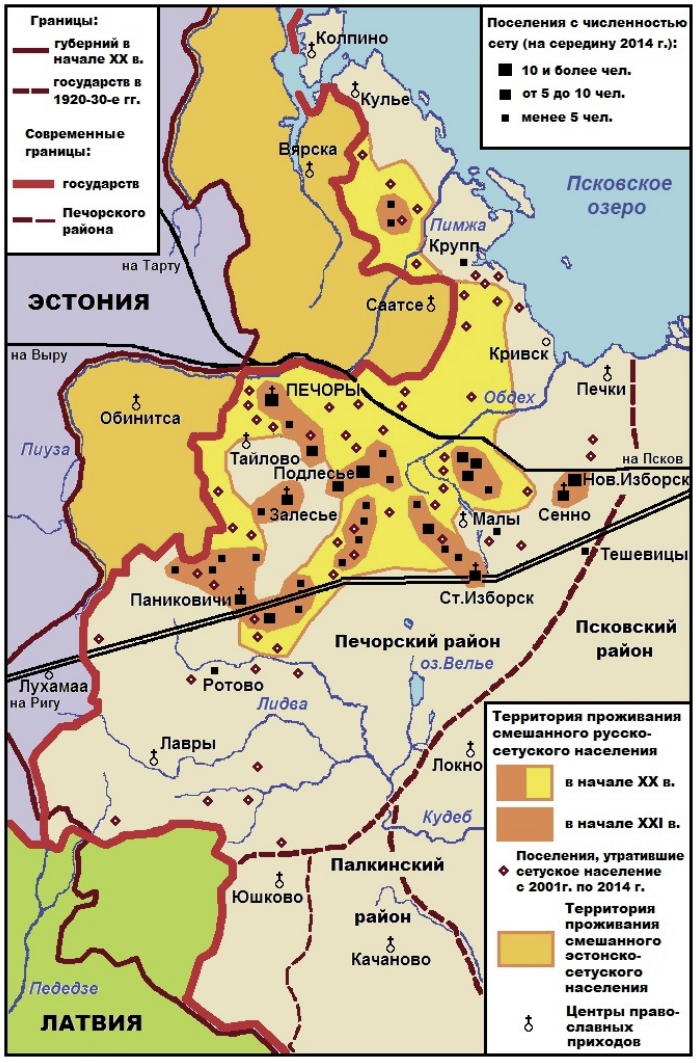

Рис. 58. Ареал расселения сету в Печорском районе Псковской области и Эстонии в начале XXI в.

[1] Огарёва Т. Н. Влияние различных факторов на уменьшение численности сето во второй половине XX века в Печорском районе // Изборск и его округа. Материалы международной научно-практической конференции 2007–2008 гг. Изборск, 2009. С. 126–128.

[2] Историко-этнографические очерки... Указ. соч.

Ленинград/С.-Петербург и Новгородская область имели близкую долю прибалтийско-финского населения и её схожую динамику. При этом в регионах была похожей и структура прибалтийско-финского населения – с небольшим перевесом финнов над эстонцами и достаточно высоким удельным весом карел.

К 2010 г. повышенная доля прибалтийско-финского населения (рис. 59) сохранялась в четырёх восточных районах Ленинградской области, и особенно в Подпорожском районе (за счёт вепсов), а также в её западных районах (благодаря финнам, эстонцам и ижорцам). В Псковской области повышена доля прибалтийско-финского населения в Печорском районе на границе с Эстонией (эстонцы и сету) и в трёх северных районах (как наследие переселения эстонцев во второй половине XIX в.). В Новгородской области по доле прибалтийско-финского населения выделяется Марёвский район (также наследие эстонского переселения).

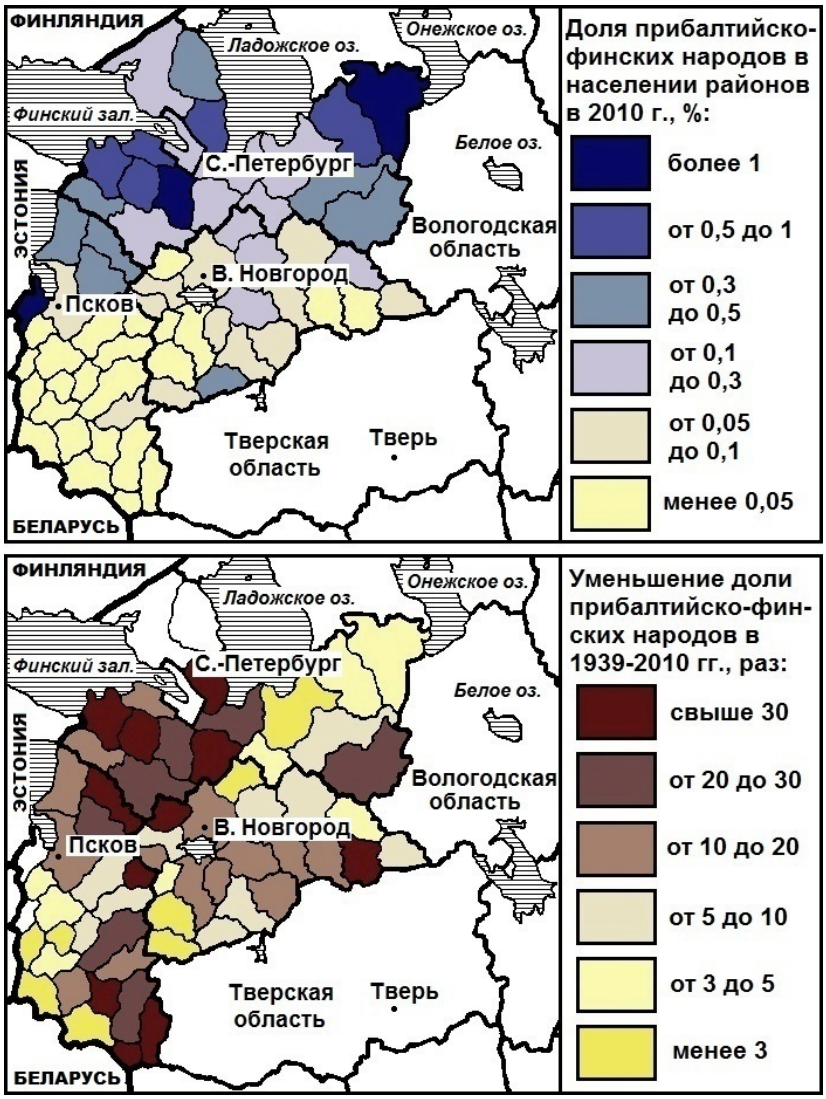

Рис. 59. Доля прибалтийско-финских народов в населении С.-Петербурга и административных районов Северо-Запада России в 2010 г. и динамика их доли с 1939 по 2010 гг.

Наибольшее сокращение удельного веса прибалтийско-финского населения (свыше 20 раз) с 1939 по 2010 гг. характеризует западные районы Ленинградской области и северные районы Псковской области, что связано с проживанием здесь ранее ингерманландских финнов и эстонцев, в основном выселенных с этих территорий в 40-е гг. XX в. Второй ареал с наихудшей динамикой доли прибалтийско-финского населения обнаруживается в юго-восточной части Псковской области, что объясняется быстрой ассимиляцией здесь эстонских переселенцев, обосновавшихся на этих землях во второй половине XIX в. Аналогичные процессы ассимиляции эстонцев, а также карел, происходили на территории целого ряда районов Новгородской области.

Динамика численности и доли населения, не принадлежащего к восточнославянским и прибалтийско-финским народам. Численность населения Северо-Запада России, не принадлежавшего к восточнославянским народам (русским, украинцам, белорусам) и прибалтийско-финскому населению (финнам, эстонцам, карелам, вепсам, ижорцам и води) в течение исследуемого периода менялась от 268,3 тыс. чел. (перепись 2002 г.) до 393 тыс. чел. (перепись 1939 г.). Несмотря на то, что общий тренд в динамике был в сторону уменьшения численности некоренного населения с 1939 по 2010 гг., однако можно выделить несколько периодов её динамики с разным знаком.

Таблица 15

Доля населения Северо-Запада России, не принадлежащего к восточнославянским и прибалтийско-финским народам (1939–2010 гг.)

Годы переписей населения	Ленинград / С.-Петербург	Ленинградская область	Псковская область	Новгородская область	**Весь Северо-Запад России**	
	Доля в населении, %					Численность, чел.
1939 г.*	9,45	2,27			**5,45**	393 008
1959 г.	7,29	1,90	1,07	1,08	**4,54**	283 996
1970 г.	6,60	2,26	1,07	1,12	**4,45**	310 429
1979 г.	5,62	2,89	1,34	1,47	**4,21**	322 313
1989 г.	5,67	2,74	1,99	2,27	**4,39**	362 097
2002 г.	4,50	3,26	2,62	2,89	**3,88**	268 301
2010 г.	4,96	3,72	2,47	3,07	**4,29**	303 305

* в современных границах субъектов РФ.

С 1939 по 1959 гг. произошло заметное сокращение численности представителей этих народов, и хотя две последующие переписи (1970 и 1979 гг.) фиксировали небольшой рост их численности, их доля во всём населения Северо-Запада продолжала снижаться (с 5,45 % в 1939 до 4,21 % в 1979 г.). Последняя советская перепись 1989 г. показала новый рост как численности, так и доли этих национальных групп, достигшей 4,39 % (рис. 60). Первая постсоветская перепись 2002 г. выявила резкое снижение как их численности, так и доли (3,88 %), достигнувших минимум за весь исследуемый период. Однако в последующем эта динамика вновь преломилась, и в 2010 г. их доля подтянулась до 303, 3 тыс. чел. (4,29 % в населении Северо-Запада).

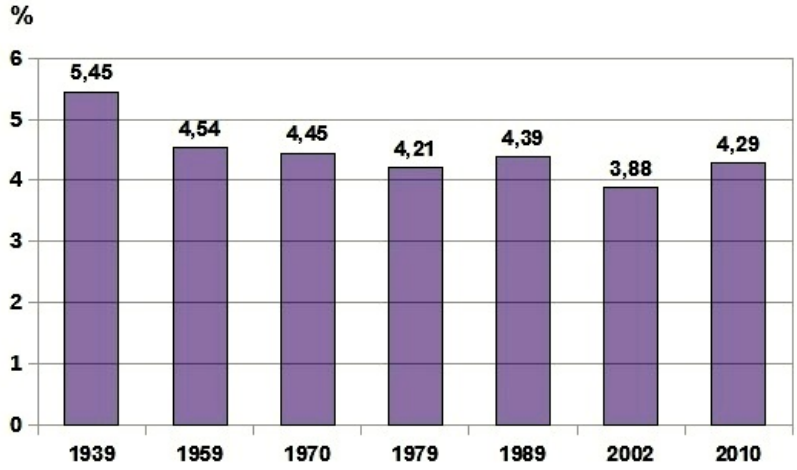

Рис. 60. Изменение в течение 1939–2010 гг. доли населения Северо-Запада России, не принадлежащего к восточнославянским и прибалтийско-финским народам

Волнообразные колебания численности и доли населения Северо-Запада, не принадлежащего к восточнославянским и прибалтийско-финским народам, скрывают динамику отдельных народов, составляющих «костяк» этой группы. Структура данной группы народов несколько раз претерпевала существенные изменения (рис. 61). Так, в 1939 г. лидирующую пятёрку в этой группе составляли евреи (3,15 %), татары (0,61 %), поляки (0,41 %), латыши (0,33 %) и немцы (0,32 %).

К 1959 г. из лидирующей пятёрки по вполне объяснимым причинам выпали немцы, а также заметно снизилась доля других народов, в т. ч. евреев – до 2,86 %. В последующие 30 лет доля евреев продолжала снижаться, и в 1989 г. она составляла только 1,36 %. Доля татар к 1989 г. изменилась незначительно и составила 0,66 %, зато из первой пятёрки выпали ещё и латыши. Место поляков и латышей заняли азербайджанцы и армяне, к ним в последующем добавились узбеки, таджики, молдаване и др. народы. Так, традиционные для Северо-Запада России национальные группы стали заменяться на выходцев из республик Закавказья и Средней Азии, а позже – также из Молдавии.

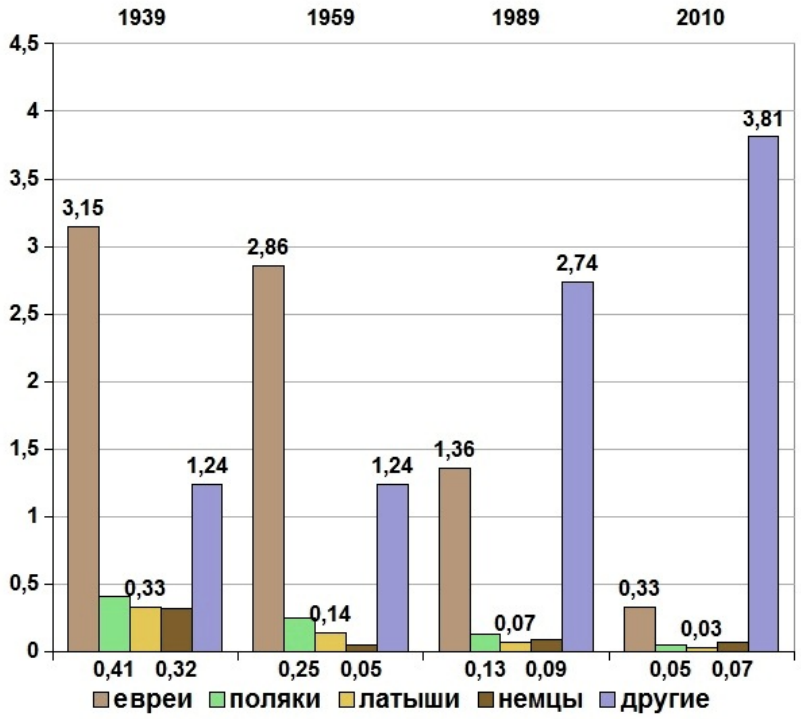

Рис. 61. Динамика на Северо-Западе России в течение 1939–2010 гг. доли евреев, поляков, немцев, латышей и других народов, не принадлежащих к восточнославянскому и прибалтийско-финскому населению

В 2010 г. первая пятёрка народов, проживающих на Северо-Западе, и не принадлежащих к восточнославянскому и прибалтийско-финскому населению, выглядела следующим образом: татары (0,54 %), армяне (0,4 %), узбеки (0,36 %), евреи (0,33 %) и азербайджанцы (0,31 %). К этому времени из первой пятёрки народов выпали поляки, а доля евреев ещё более резко сократилась из-за их массовой миграции в Израиль и др. страны.

В течение всего анализируемого периода лидерство по доле населения, не принадлежащего к восточнославянским и прибалтийско-финским народам, принадлежало Ленинграду/С.-Петербургу. «Северная столица» традиционно выступала в качестве места концентрации иноязычного населения, начиная с момента своего основания. Но очевидной тенденцией является уменьшение этой доли – 9,45 % в 1939 г. до 4,5 % в 2002 г. (или около 5 % в 2010 г.).

В других регионах Северо-Запада России наблюдалась обратная тенденция – рост в населении доли некоренных народов, особенно с 1959 г. Так, в Ленинградской области с 1959 по 2010 гг. доля этих национальных групп выросла с 1,9 до 3,72 %, в Новгородской области – с 1,08 до 3,07 %, в Псковской области – с 1,07 до 2,47 % (см. табл. 15). Однако в Псковской области максимум этой доли пришёлся на 2002 г. (2,62 %), а в последующем наметилось её снижение.

В 2010 г. по доле населения, не принадлежащего к восточнославянским и прибалтийско-финским народам, на Северо-Западе лидировали С.-Петербург, западные районы Ленинградской области и смежные с ними районы Новгородской и Псковской областей (рис. 62). При этом районы, окружающие Псков и В. Новгород, характеризовались пониженной долей этих национальных групп, а районы полупериферийных поясов – наоборот, относительно повышенной. Но самой низкой долей представителей этих национальностей отличались периферийные (восточные и юго-восточные) районы Ленинградской и Псковской областей.

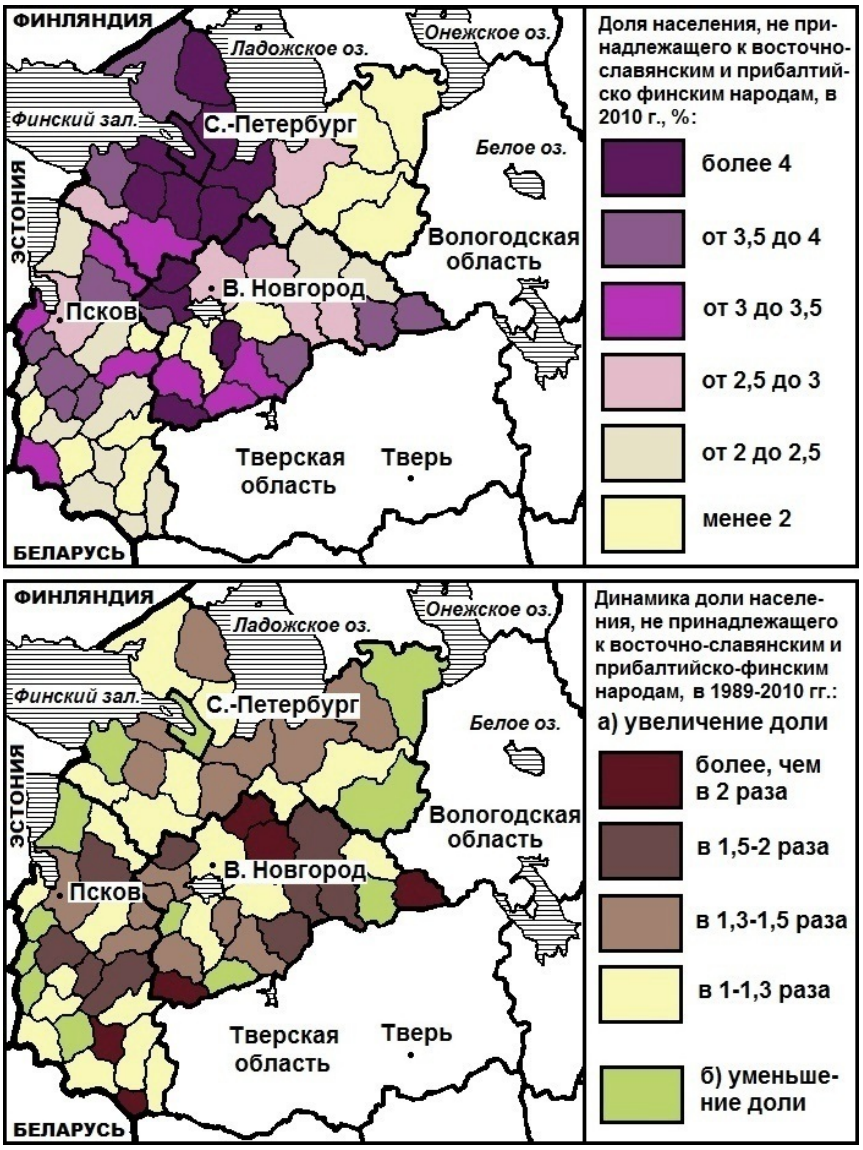

Рис. 62. Доля населения С.-Петербурга и административных районов Северо-Запада России, не принадлежащего в 2010 г. к восточнославянским и прибалтийско-финским народам, и динамика этой доли с 1989 по 2010 гг.

Рост доли национальных групп, связанных с переселением на Северо-Запад России в постсоветское время мигрантов из Средней

Азии, Закавказья и Молдавии, был крайне неравномерным на районном уровне. С несколько большей интенсивностью эти национальные группы принимали полупериферийгые районы областей Северо-Запада (особенно Новгородской и Псковской областей). При этом в С.-Петербурге темпы ассимиляции данных национальных групп были выше, чем их миграционного притока. Аналогичная тенденция по уменьшению доли этих национальных групп наблюдалась в ряде приграничных с Эстонией и Латвией районах Ленинградской и Псковской областей, а также в районах на восточной окраине Ленинградской области.

Выводы. В период с 1939 по 2010 гг. ряд национальных групп Северо-Запада испытывал уменьшение как численности, так и доли в населении региона. В первую очередь, это прибалтийско-финские народы, испытавшие наибольшую ассимиляцию. К ним относятся ингерманландские финны, которые к тому же подверглись депортации в 1940-е гг., эстонцы, значительная часть которых была выселена в 1943 г., а также ижорцы, карелы и вепсы.

Также из-за ассимиляции и отъезда из региона уменьшилась доля поляков, немцев, латышей и евреев. В то же время наблюдался миграционный приток на Северо-Запад украинцев, белорусов и татар. В постсоветский период чётко обозначился миграционный отток украинцев и белорусов, но резко вырос приток азербайджанцев, армян, узбеков, таджиков, молдаван и др.

Доля русского населения на Северо-Западе России росла в период с 1939 по 1959 гг., хотя в последующие 30 лет их доля уменьшалась, что было вызвано значительным миграционным притоком на Северо-Запад, в первую очередь, украинского и белорусского населения. И, наконец, в постсоветское время обозначился новый рост доли русского населения, которая к 2010 г. приблизилась к своим максимальным значениям за весь исследуемый период. Это произошло несмотря на рост миграционного притока выходцев из молодых государств, образовавшихся вследствие распада Советского Союза.

На протяжении исследуемого периода происходило постепенное выравнивание этнической мозаичности на уровне низовых единиц АТД Северо-Запада России. С одной стороны, территории, где ранее была высока доля нерусского населения (особенно это касается С.-Петербурга и ряда районов Ленинградской области), утратили свою этническую пестроту. С другой стороны, повысило этническую мозаичность большинство районов Псковской и Новгородской областей, ранее являвшихся почти исключительно русскими.

Заключение

Комплексный историко-географический анализ региона опирается на совокупность сложившихся к настоящему времени в исторической географии частных методик. Метод временных срезов является одним из важнейших исследовательских подходов в исторической географии населения. В качестве неразрывной составляющей метода временных срезов выступает картографический анализ, который, с опорой на статистические данные, позволяет выявлять пространственные закономерности в эволюции системы расселения, динамике этнической и конфессиональной структуры населения.

Для картографического анализа изменений в системе расселения, этнической и конфессиональной структуре населения наиболее удобна стабильная сетка административно-территориального деления региона исследования. Периоды нестабильности границ фактически выпадают из сравнительного историко-картографического анализа по причине несопоставимости административно-территориального деления в годы проведения переписей населения. В связи с этим возрастает значимость исследований по изучению длительности существования (устойчивости) политических и административных границ.

Картографический метод в исторической географии населения обладает рядом преимуществ перед традиционными способами статистической обработки информации. Главное его преимущество заключается в наглядности предоставления обширного статистического материала, что облегчает задачу собственно географического анализа. По этой причине картографический анализ должен шире использоваться в исторической географии, в частности, при реализации на практике метода временных срезов.

Важным этапом работ по применению методики временных срезов является разработка историко-географической периодизации. У историко-географов, в отличие от историков, при проведении периодизации стоит задача учитывать не только временную составляющую, но и пространственный аспект. В частности, деление «исторического времени» должно происходить с учётом масштабов освоения территории, что напрямую связано с ростом или уменьшением численности населения.

В целях разработки историко-географической периодизации было введено понятие «исторического события», рассматриваемое как значимая историко-географическая категория, позволяющая при выполнении историко-географических исследований оперировать как можно большим количеством информации. В зависимости от значимости ис-

торического события предлагается деление исторического времени на эпохи, периоды, этапы, фазы и стадии[1].

Эпоха является наиболее крупной единицей периодизации, связанной с событиями глобального масштаба, и обычно охватывает несколько веков или даже тысячелетий. Примером такой хронотаксономической единицы может служить средневековая эпоха. Более низкую ступеньку в историко-географической временной таксономии занимает ***период***. Периоды очерчиваются чёткими границами, связанными с событиями регионального масштаба, повлекшими за собой или изменения в триаде «природа-население-хозяйство», или в одной из её составляющих. Соответственно, такие события могут иметь природный, политический, социальный или экономический характер.

Историко-географические периоды делятся на ***этапы*** – хронотаксоны, ограниченные событиями локального или точечного масштаба. События данного масштаба ведут к качественным изменениям на топологическом уровне. Причём, в масштабах крупных регионов период может быть и не разделён на этапы, поскольку выделение последних идёт в первую очередь на локальном уровне. В случае необходимости историко-географ может выделить ещё более мелкие хоронотаксоны – ***фазы*** и ***стадии***[2].

Важной задачей в историко-географических исследованиях является синхронизация изучения пространственно-временных процессов с позиции разных дисциплин исторической географии. В первую очередь речь идёт об определении событий, которые являются ключевыми одновременно с точки зрения исторической физической, экономической, политической географии, и наконец, географии населения.

Наиболее значимые события с позиции всей исторической географии связаны с государственными изменениями, которые влекут за собой подвижки в природопользовании, хозяйственной и социальной деятельности. Соответственно, наиболее логично при осуществлении периодизации опираться на исследования в исторической политической географии. Так, например, нами была осуществлена периодизация двух последних исторических эпох на Северо-Западе России с опорой на анализ геодинамики политических и административных границ в пределах этого крупного региона страны.

Первая эпоха – ***имперская*** (XVIII – начало XX в.) – была разделена нами на два периода: 1) период становления и расширения внеш-

---

[1] Вампилова Л. Б. Исторические события и их географические следствия // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 7. 2006. Вып. 4. С. 116–121.

[2] Вампилова Л. Б. Теория регионального историко-географического анализа // Псковский регионологический журнал. № 10. Псков: ПГПУ, 2010. С. 129–140.

них рубежей России (XVIII в.), который характеризуется нестабильностью политических и административных границ; 2) период имперской стабильности (XIX в. – начало XX в.). Вторая эпоха – ***советско-постсоветская*** (с 1917 г. по настоящее время) – также делится на два периода: 1) период становления советского государства (между двумя мировыми войнами), который отличается крайней неустойчивостью административных границ; 2) период относительной стабильности политических и административных границ после Великой Отечественной войны[1].

Наиболее значимыми событиями в исторической географии населения являются переписи, а также учёты и ревизии населения. В качестве примера рассмотрим временной интервал, начиная с Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., и заканчивая Всероссийской переписью 2010 г. В книге «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен» (2001)[2] при характеристике эволюции сельского расселения прошедшее столетие было разбито в соответствии с проведёнными в этот временной интервал переписями населения на два периода: 1) с 1897 по 1959 г., 2) с 1959 по 1989 г. Период с 1897 по 1959 г. не разбивается на этапы, а в рамках периода с 1959 по 1989 г. фактически выделено три этапа в соответствии с переписями населения 1970 и 1979 гг.

В нашем исследовании представлена динамика основных характеристик населения Северо-Запада России, начиная с ревизий XVIII в. Далее достаточно подробно рассмотрены результаты переписи 1897 г. и динамика населения до 1926 г. В последующем анализе, построенном на основе метода временных срезов («горизонтальный подход») и диахронического метода («вертикальный подход»), наиболее полно задействованы результаты переписей 1939 г. (прежде всего, по национальному составу населения), 1970 г. и 2010 г. Результаты остальных переписей также использовались с целью детализации анализа динамики ключевых характеристик населения. В частности, в качестве основных характеристик сельского расселения в книге рассмотрены плотность сельского населения, людность и густота сельских поселений.

---

[1] Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ, 2002. 300 с.

[2] Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: монографический сборник. М.: ОГИ, 2001. 560 с.

Научное издание

Людмила Борисовна Вампилова,
Виталий Сергеевич Дементьев,
Андрей Геннадьевич Манаков

**МЕТОД ВРЕМЕННЫХ СРЕЗОВ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ**

Монография

Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 19.10.2016. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Arial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 12,75. Тираж 500 экз. Заказ № 1295

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10